

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Аникушин С.В.</i> Взаимосвязь и соотношение принципов права как источников права с другими элементами российской правовой системы	4
<i>Владимиров И.В.</i> Понятие «абсолютная монархия» в современной юридической науке	9
<i>Ермаков Е.Г.</i> Совет министров Российской империи: проблемы правового статуса и функционирования.....	14
<i>Савченко Д.А., Зеленин А.А., Мырзалимов Р.М.</i> Представления о праве войны в Российском царстве по источникам середины XVII века	19
<i>Сорокин В.В., Савченко Д.А., Мырзалимов Р.М.</i> Дух права – фактор толкования нормативно-правовых актов	25

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Бобьякова П.В.</i> Особенности правового регулирования оптового рынка электроэнергии.....	31
<i>Вожагов М.В.</i> Правовое регулирование альтернативных форм привлечения инвестиций: на примере краудфандинга.....	38
<i>Деревянко М.С.</i> Понятие, сущность и содержание нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации.....	44
<i>Елин В.М., Царегородцев А.В.</i> Российские организационно-правовые инструменты методологически обеспечивающие безопасность информации ограниченного доступа при осуществлении антикоррупционной деятельности.....	50
<i>Коршунов Ю.А.</i> Некоторые итоги создания апелляционных и кассационных судов	55
<i>Кузнецов Л.Д.</i> Институциональная модель налогового управления в США	59
<i>Мальгинова Ю.Н.</i> Содержание категорий «государственное управление» и «администрирование» в условиях цифровой трансформации деятельности органов публичной власти	63
<i>Перлин А.О.</i> Направления развития регулирования правоотношений субъектов градостроительной деятельности РФ.....	68
<i>Потапова Л.В.</i> К вопросу о взаимодействии прокуратуры с органами государственного контроля в рамках защиты трудовых прав и свобод граждан	73

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Батанов А.А.</i> Особенности правового регулирования преддоговорных соглашений в странах общего права: некоторые аспекты	76
<i>Васильева И.В.</i> Регулирование процедуры банкротства ресурсоснабжающих организаций системы жилищно-коммунального хозяйства	81

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павлович Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.10.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Дашевский П.А.</i> Примириительные процедуры в рамках арбитражного судопроизводства: ограничения практики правоприменения.....	86
<i>Дерягин И.В.</i> Правовое регулирование цифровых технологий.....	93
<i>Загородникова Ю.О., Бауэр Д.В.</i> Влияния применения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка на отношения по оказанию медицинской помощи: обобщение судебной практики.....	98
<i>Карандаев А.Г.</i> Сравнительно-правовое исследование категории государственное регулирование в законодательстве России и Казахстана.....	101
<i>Кумсиашвили С.З.</i> Ответственность сторон гражданского процесса за действия, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного опыта.....	106
<i>Тагибов К.А.</i> Гражданско-правовые механизмы противодействия недобросовестной конкуренции.....	112
<i>Тряпочкин Н.А., Кулюшин Е.Н.</i> Признание фактов в административном судопроизводстве: дифференциация с гражданским и арбитражным судопроизводствами.....	117

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Крюков А.В.</i> Особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным приобретением наркотических средств или психотропных веществ в сети Интернет	121
<i>Мартыненко С.Б.</i> О возможных субъектах предъявления гражданского иска и недостатках законодательного регулирования его разрешения в уголовном судопроизводстве	124
<i>Федюкина А.Ю.</i> К вопросу о понятии и порядке использования видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования	128
<i>Швец С.В., Меретуков Г.М., Грицаев С.И., Степаненко С.Г.</i> Методы цифровой идентификации в расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.....	132

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Святогорова А.Э., Сорокина Е.В.</i> Конституционно-правовые основы реализации образовательного суверенитета.....	137
---	-----

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Anikushin S.V.</i> Interrelation and correlation of principles of law as sources of law with other elements of the Russian legal system	4
<i>Vladimirov I.V.</i> Absolute monarchies today. The concept of “absolute monarchy” in modern legal science.....	9
<i>Ermakov E.G.</i> Council of Ministers of the Russian Empire: the problem of legal status and functioning.....	14
<i>Savchenko D.A., Zelenin A.A., Myrzalimov R.M.</i> Ideas about the right of war in the Russian Kingdom according to the sources of the middle of the XVII century.....	19
<i>Savchenko D.A., Sorokin V.V., Myrzalimov R.M.</i> The spirit of law is a factor in the interpretation of legal acts	25

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Bobyakova P.V.</i> Features of legal regulation of the wholesale electricity market.....	31
<i>Vozhagov M.V.</i> Legal regulation of alternative forms of attracting investments: the example of crowdfunding	38
<i>Derevyanko M.S.</i> The concept, essence and content of the normative activity of federal executive authorities of the Russian Federation	44
<i>Elin V.M., Tsaregorodtsev A.V.</i> Russian organizational and legal instruments methodologically ensuring the security of restricted access information when carrying out anti-corruption activities.....	50
<i>Korshunov Yu.A.</i> Some results of the creation of appeal and cassation courts.....	55
<i>Kuznetsov L.D.</i> Institutional model of tax management in the USA.....	59
<i>Malginova Yu.N.</i> Contents of the categories “public administration” and “administration” in the context of digital transformation of the activities of public authorities ...	63
<i>Perlin A.O.</i> Directions for the development of regulation of legal relations of subjects of urban planning activity of the Russian Federation	68
<i>Potapova L.V.</i> To the issue of interaction between the prosecutor’s office and state control bodies in the framework of the protection of labor rights and freedoms of citizens	73

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Batanov A.A.</i> Features of legal regulation of pre-contractual agreements in common law countries: some aspects	76
--	----

<i>Vasileva I.V.</i> Regulation of the bankruptcy procedure of resource-supplying organizations of the housing and communal services system	81
<i>Dashevskii P.A.</i> Conciliation procedures in the framework of arbitration proceedings: limitations of law enforcement practice	86
<i>Deryagin I.V.</i> Legal regulation of digital technologies.....	93
<i>Zagorodnikova Yu.O., Bauer D.V.</i> The impact of the application of the principle of the best interests of the child on relations in the provision of medical care: a generalization of judicial practice.....	98
<i>Karandaev A.G.</i> Comparative legal study of the category of state regulation in the legislation of Russia and Kazakhstan.....	101
<i>Kumsiashvili S.Z.</i> Responsibility of the parties to civil proceedings for actions that prevent the consideration of the case and the adoption of a lawful and justified judicial act: comparative legal analysis of Russian and foreign experience	106
<i>Tagibov K.A.</i> Civil law mechanisms for countering unfair competition.....	112
<i>Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N.</i> Admission of facts in administrative proceeding: difference with civil and arbitration proceedings.....	117

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Kryukov A.W.</i> Features of the qualification of crimes related to the illegal acquisition of narcotic drugs or psychotropic substances on the Internet	121
<i>Martynenko S.B.</i> About possible subjects of filing a civil claim and shortcomings of legislative regulation of its resolution in criminal proceedings.....	124
<i>Fedyukina A. Yu.</i> On the question of the concept and procedure for using video conferencing at the stage of preliminary investigation.....	128
<i>Shvets S.V., Meretukov G.M., Gritsaev S.I., Stepanenko S.G.</i> Digital identification methods for combating crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors	132

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Svyatogorova A.E., Sorokina E.V.</i> Constitutional and legal bases for the realization of educational sovereignty	137
---	-----

Взаимосвязь и соотношение принципов права как источников права с другими элементами российской правовой системы

Аникушин Сергей Викторович,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного), Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»
E-mail: Anikushin_sergei@mail.ru

В научной статье автором предпринята попытка исследования взаимосвязи и соотношения принципов права как идеальных источников права с другими элементами российской правовой системы.

В результате соотношения принципов права с общепризнанными принципами международного права обосновывается вывод о том, что в российской правовой системе общепризнанные принципы международного права могут быть признаны источниками лишь тех правовых предписаний, которые образуют правовую основу межгосударственных отношений Российской Федерации в целях развития международного сотрудничества ее с другими государствами, например, международных договоров.

При этом именно принципы права выступают в качестве источников национального (внутригосударственного) права.

Исследуя соотношение принципов права и правосознания, автор отмечает, что при формировании права принципы права выступают продуктом правосознания, результатом сознательной, волевой деятельности субъекта правотворчества, способствующим выработке представлений о содержании права и формах его выражения.

Ключевые слова: право, сущность права, принцип права, источник права, форма права, правовая система, общепризнанные принципы и нормы международного права, правосознание.

Анализ научных трудов, посвященных принципам права, указывает на отсутствие у теоретиков права единого представления о данном понятии, что неизбежно вызывает следующие проблемы в процессе его восприятия: каковы природа, родовая принадлежность и сфера распространения (применения) принципов права; следует ли относить принципы права к источникам права и если да, то к какому виду; каковы их сущность и функциональное предназначение; каковы роль и место принципов права в правовой системе и механизме правового регулирования; в каких правовых формах находят свое выражение принципы права?

Получение адекватных современной правовой науке ответов на обозначенные вопросы предполагает проведение теоретического анализа принципов права по заранее определенным направлениям.

Исследование связей принципов права с сущностью права будет недостаточно объективным без обстоятельного ответа на вопрос: на каком этапе развития права появляется необходимость в принципах права, детерминирующих возникновение, изменение и действие права.

На первый взгляд может показаться, что для определения родовой принадлежности принципов права необходимо всего лишь обратиться к предмету теории права как самостоятельной отрасли юриспруденции и в результате его анализа прийти к выводу о том, что общим родовым понятием для принципов права, как, впрочем, и для любого иного понятия рассматриваемой отрасли знаний, выступает право. Но для этого следует установить, на каком этапе развития права возникает объективная необходимость воздействия на него принципов права, для чего и в каких формах оно происходит?

Получить ответ на поставленный вопрос поможет анализ научной литературы в данной области знаний. По мнению одних ученых, принципы права – это «основополагающие идеи, начала, на которых базируется та или иная правовая система»¹. По мнению других, «принципы правовой системы – это основополагающие начала, ориентиры, приоритеты, правила поведения и др., которые, обладая свойствами социально-правовой значимости, выражают закономерности возникновения, развития и функционирования правовой системы, вы-

¹ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – М. Юрайт. 2013 С. 346.

полняют регулятивную и иные функции в контексте ее существования и действия»¹.

Наиболее точно родовую принадлежность принципов права, определяющую сферу применения данного понятия, отражает позиция Е.В. Скурко, в соответствии с которой под принципами права понимаются «исходные идеи правовой системы и их воплощение в любой из форм в характерных для правовой системы компонентах (в правосознании, нормативном компоненте, при структурировании и функционировании организационного компонента правовой системы, в правотворчестве и правореализации/правоприменении)»².

С точки зрения автора, обозначенные позиции достаточно обоснованно определяют, что необходимость в принципах права возникает на этапе приобретения правом некой концентрированной формы, подобно той, что представляет собой правовая система.

При этом принципы права применимы не столько к собственно объективному праву, но, возможно, даже охватывают более широкую по отношению к нему категорию, синтезирующую в себе все многообразие правовых явлений, то есть правовую систему и, как следствие, в полной мере могут применяться к любому из ее элементов (идеологическому, нормативному или организационному).

В юридической литературе известно мнение о том, что «принципы, распространяющие свое действие на всю правовую систему, должны именоваться «принципами правовой системы». Например, З.С. Байниязова отмечает, что в теории правовой системы, в понятийном аппарате общей теории права и государства следует использовать понятие «принципы правовой системы», позволяющие более глубоко осмыслить правовую систему»³.

По своему характеру правовая система – сложное, многоуровневое образование, в структуре которого право выступает в качестве ее нормативной основы. Правовая система включает в себя: объективное право, правотворчество, правосудие, юридическую практику, правоприменительные акты, акты толкования права, правоотношения, субъективные права и обязанности, правовые учреждения, правосознание и другие. Предлагается в указанный ряд правовых явлений включить и принципы права.

Кроме того, очевидно, что правовую систему необходимо рассматривать также в качестве сферы распространения принципов права. Следовательно, возможно отождествление принципов права и принципов правовой системы.

¹ Байниязова З.С. Основные принципы российской правовой системы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 38.

² Скурко Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: Теория и практика // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 56.

³ Байниязова З.С. Соотношение принципов права и правовой системы России // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / [Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.А. Струсь и др.]; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 112.

Некоторыми учеными высказывается мнение об ошибочности наделения понятий «принцип права» и «принцип правовой системы» единым смыслом. При этом сторонники подобного подхода призывают к сопоставлению принципов права и принципов правовой системы как части и целого, отмечая «лишь семантическое единство термина «принципы», которое используется в данном случае», а также указывается, что «принцип как идея, как требование к какому-либо процессу в данном случае имеет принципиально разную природу»⁴.

В обоснование указанной позиции С.Д. Дмитриев, например, выражает мнение о том, что «правовая система не элемент правовой действительности и, безусловно, не сама правовая действительность, отраженная в формализованном понятии, а специфический способ научного описания определенных правовых явлений и характера взаимосвязи между ними»⁵.

Обосновывая свою позицию о том, что в качестве сферы функционирования принципов права, применяемых по отношению ко всему многообразию процессов правовой сферы жизнедеятельности общества, определена именно правовая система, автор учитывает мнение С.С. Алексеева о том, что «данное понятие позволяет охватить все нормативные и поднормативные элементы правовой действительности, чтобы в полной мере сохранить чёткость, «неразмытость» научной категории, выражающей объективное право»⁶.

Исследуя принципы права как источники права, автор полагает необходимым рассмотреть их взаимосвязь с общепризнанными принципами международного права и правосознанием, поскольку в рамках правовой системы данные элементы органично интегрированы в единое целое и находятся между собой во взаимодействии.

Как известно, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации⁷ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

В целях определения места и роли принципов права в российской правовой системе автор исследования полагает необходимым уточнить, как соотносятся между собой принципы российской правовой системы с общепризнанными принципами международного права и в результате проведенного сравнения установить, являются ли об-

⁴ Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Самара, 2012. С. 130.

⁵ Там же.

⁶ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 109.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.

щепризнанные принципы международного права источниками права в рамках российской правовой системы.

Общепризнанные принципы международного права – это основополагающие императивные положения, содержащиеся в различных международных и межгосударственных документах (договорах, уставах международных организаций, решениях международных судов, а также в международных обычаях) и определяющие основные направления, правила и формы взаимодействия субъектов международного публичного права в сфере решения наиболее важных вопросов международной жизни.

Действие общепризнанных принципов международного права выражается в том, что они, с одной стороны, в силу своей универсальности и всеобщности выступают в качестве критериев деятельности (поведения) субъектов международного права в международных отношениях, а с другой – критериями законности и правомерности выработанных ими международно-правовых норм и решений в данной сфере.

Действие общепризнанных принципов международного права в сфере международных отношений обязательно для всех без исключения членов международного сообщества. Они не могут быть отменены или реформированы никакими правовыми установлениями вне зависимости от каких-либо внезапно возникающих обстоятельств.

Основными международными правовыми актами, содержащими в себе общепризнанные принципы международного права, и выступающими по отношению к ним в качестве юридических источников, являются Устав Организации Объединенных Наций¹, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций² и Хельсинский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года³.

В Декларации отмечается, что добросовестное соблюдение принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, и добросовестное выполнение в соответствии с Уставом обязательств, взятых государствами, имеют важнейшее значение для поддержания международного мира и безопасности, для достижения других целей Организации Объединенных Наций.

¹ Устав Организации Объединенных Наций: принят 26 июня 1945 года // Действующее международное право в 3-х томах. Т. 1. – М. – 1994.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года). – Действующее международное право в 3-х томах. Т. 1. – М. – 1994. Далее – Декларация.

³ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 01 августа 1975 года. – Ведомости Верховного Совета СССР. – 1975. – № 33.

Анализ положений названных международных правовых документов, характера и содержания обозначенных принципов международного права свидетельствует о том, что в настоящее время общепризнанные принципы международного права предназначены для поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений и сотрудничества, а также для установления правовых предписаний для урегулирования отношений между государствами, и, напротив, их действие не дает субъектам международного права возможности вмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от последних представления подобных дел на разрешение субъектов международной жизни.

Кроме того, как отмечается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации⁴.

⁴ Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1

Следовательно, в российской правовой системе общепризнанные принципы международного права могут быть признаны источниками лишь тех правовых предписаний, которые образуют правовую основу межгосударственных отношений Российской Федерации, в целях развития международного сотрудничества ее с другими государствами, например, международных договоров.

Подобным образом общепризнанные принципы международного права, безусловно, оказывают влияние на содержание нормативных правовых актов, принимаемых на территории Российской Федерации, действие которых направлено на регулирование, в первую очередь, международных отношений Российской Федерации с другими государствами или международными организациями.

Вместе с тем, регулирование внутригосударственных общественных отношений, разрешение проблем в сфере установления и защиты прав и свобод граждан напрямую подчинено общим закономерностям функционирования и развития того или иного государства, которые находят свое прямое выражение в принципах права. При этом именно принципы права выступают в качестве источников национального (внутригосударственного) права.

В результате анализа изложенного, автор приходит к выводу о невозможности безусловного отнесения общепризнанных принципов международного права к числу источников национального права современных государств.

Далее рассмотрим взаимосвязь принципов права и правосознания в системе: принципы права – правосознание – право. В настоящее время существует прямая и устойчивая взаимосвязь между принципами права, правосознанием и правом, которая проявляется во влиянии правосознания и принципов права как источников права на формирование права.

Вначале отметим, что правосознание представляет собой одну из форм общественного сознания, объединяющую в себе систему правовых взглядов и идей, выражающих отношение их носителей к действующим правовым явлениям и представления о желаемых изменениях в праве. При этом как отмечалось принцип права – объективно-субъективная категория, объединяющая в своем содержании основные закономерности развития общественной жизни, но вырабатываемая лишь при помощи субъективного представления о себе со стороны представителей различных социальных слоев населения.

и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4658.

При формировании правового предписания субъект правотворческой деятельности обобщает в своем сознании достаточно разрозненные идеи о желаемом праве. В данном смысле, принцип права выступает формой обобщения названных идей. Далее обозначенные идеи, объединенные в принципы права, находят свое внешнее выражение, приобретая конкретные нормативно-правовые формы, и в конечном итоге становятся средствами урегулирования общественных отношений. При этом от того, насколько полно принцип сможет отразить в своем содержании заложенную в предшествующей его образованию идее мысль о должествующем правопорядке, зависит успешность функционирования объективного права.

Следовательно, при формировании права принципы права выступают продуктом правосознания, результатом сознательной, волевой деятельности субъекта правотворчества, способствующим выработке представлений о содержании права и формах его выражения.

По мнению автора, существует также обратная взаимосвязь в звене право – принципы права – правосознание, заключающаяся в том, что степень реализации принципов права в различных формах правовых предписаний выступает в качестве важного фактора формирования позитивного типа правосознания. Например, в соответствии с пп. 5 п. 12 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168¹, на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения оказывает влияние реализация в законодательстве принципов справедливости и равноправия, обеспечения соответствия норм права интересам и потребностям различных социальных групп.

Реализуясь в различных правовых формах, принципы права продолжают выступать фактором, формирующим правосознание граждан. В одних случаях, когда правовые нормы и практика их применения отражают содержание принципов права, выражающих общественные запросы и ожидания, в обществе происходит формирование позитивного типа правосознания, в виде уважения к закону и понимания необходимости его соблюдать. В других случаях, когда принципы права как источники права игнорируются, в обществе формируется негативный тип правосознания, характеризующийся неуважением к закону, нежеланием его исполнять и поиском вариантов неисполнения закона.

Подобное объясняется тем, что в зависимости от характера оценки того или иного закона индивид осознанно или подсознательно самоидентифи-

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Утверждены Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Российская газета. – 2011. – № 151.

цирует себя либо как инсайдера правового порядка, либо как его аутайдера¹.

Таким образом, определяя место принципов права в российской правовой системе, автор соотносит их с общепризнанными принципами международного права.

В результате автор приходит к выводу о невозможности безусловного отнесения общепризнанных принципов международного права к числу источников национального права современных государств.

Исследуя соотношение принципов права и правосознания, автор отмечает, что при формировании права принципы права выступают продуктом правосознания, результатом сознательной, волевой деятельности субъекта правотворчества, способствующим выработке представлений о содержании права и формах его выражения.

Литература

1. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 752 с.
2. Байниязова, З.С. Основные принципы российской правовой системы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Байниязова Зульфия Сулеймановна. – Саратов, 2004. – 184 с.
3. Дмитриев, С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дмитриев Сергей Дмитриевич. – Самара, 2012. – 215 с.
4. Коновалов, А.В. Принципы права: монография / А.В. Коновалов. – Москва: Норма, 2022. – 792 с.
5. Лазарев, В.В., Липень, С.В. Теория государства и права. – М. Юрайт. 2013. – 448 с.
6. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / [Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.А. Струсь и др.]; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – 704 с.
7. Скурко, Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законода-

тельства: теория и практика // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 55–61.

INTERRELATION AND CORRELATION OF PRINCIPLES OF LAW AS SOURCES OF LAW WITH OTHER ELEMENTS OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Anikushin S.V.

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

In the scientific article, the author attempts to study the relationship and correlation of the principles of law as ideal sources of law with other elements of the Russian legal system. As a result of the correlation of the principles of law with the generally recognized principles of international law, the conclusion is substantiated that in the Russian legal system the generally recognized principles of international law can be recognized as sources only of those legal prescriptions that form the legal basis of interstate relations of the Russian Federation in order to develop its international cooperation with other states, for example, international treaties. At the same time, it is the principles of law that act as sources of national (intra-State) law. Examining the correlation of the principles of law and legal consciousness, the author notes that in the formation of law, the principles of law are the product of legal consciousness, the result of conscious, volitional activity of the subject of law-making, contributing to the development of ideas about the content of law and the forms of its expression.

Keywords: law, essence of law, principle of law, source of law, form of law, legal system, generally recognized principles and norms of international law, legal awareness.

References

1. Alekseev, S.S. Ascent to law. Searches and solutions. – M.: Publishing house NORMA, 2001. – 752 p.
2. Bainiyazova, Z.S. Basic principles of the Russian legal system: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.01 / Bainiyazova Zulfiya Sulleymanovna. – Saratov, 2004. – 184 p.
3. Dmitriev, S.D. General legal principles: theoretical problems of specification and implementation: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.01 / Dmitriev Sergey Dmitrievich. – Samara, 2012. – 215 p.
4. Konovalov, A.V. Principles of law: monograph / A.V. Konovalov. – Moscow: Norma, 2022. – 792 p.
5. Lazarev, V.V., Lipen, S.V. Theory of Government and Rights. – M. Yurayt. 2013. – 448 p.
6. Principles of Russian law: general theoretical and sectoral aspects / [N.I. Matuzov, A.V. Malko, K.A. Strus, etc.]; edited by N.I. Matuzova, A.V. Malko; State Educational Institution of Higher Professional Education "Saratov State Academy of Law". – Saratov: Publishing house of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Saratov State Academy of Law", 2010. – 704 p.
7. Skurko, E.V. Legal principles in the legal system, legal system and legislative system: theory and practice // Jurisprudence. – 2006. – No. 2. – P. 55–61.

¹ Коновалов А.В. Принципы права: монография / А.В. Коновалов. – Москва: Норма, 2022. С. 129.

Понятие «абсолютная монархия» в современной юридической науке

Владимиров Игорь Викторович,

аспирант юридического факультета МФПУ «Синергия»
E-mail: ghor-ka.vl.98@mail.ru

Существование в современном мире таких государств, как абсолютные монархии, диктует необходимость определения соответствующей научной дефиниции. В связи с неопределенностью понятия «абсолютной монархии» также возникает вопрос о том, как измерять «абсолютизм», ведь в современном мире, так или иначе, действует международное право, которое дает «ориентиры» странам в установлении государственных правовых норм. В работе планируется определить существуют ли сегодня страны с абсолютной монархией с точки зрения юриспруденции, или же страны, которые такими считаются, все-таки, имеют институты сдерживания и влияния на гегемона (монарха). В этой связи, необходимо решить вопрос об универсальном определении абсолютной монархии. Задачей является выявить: институциональный дизайн в разных формах монархии, будет рассмотрена региональная специфика стран с абсолютной монархией через призму нарративного и контент анализом. Также будет предложен метод ранжирования абсолютизма в рассматриваемых странах, выявлено универсальное определение «абсолютная монархия». Через вышеперечисленное будет раскрыта актуальность данной проблематики.

Ключевые слова: монархии, абсолютизм, законодательство, разделение властей, нарративы, гегемон, нормативно-правовые акты.

Существование в современном мире таких государств, как абсолютные монархии, диктует необходимость определения соответствующей научной дефиниции. В связи с неопределенностью понятия «абсолютной монархии» также возникает вопрос о том, как измерять «абсолютизм», ведь в современном мире, так или иначе, действует международное право, которое дает «ориентиры» странам в установлении государственных правовых норм. Безусловно, в данном вопросе могут возникать дискуссии: в какой мере страны должны придерживаться этим международным стандартам, кто их определяет, и приводит ли их несоблюдение к подавлению основных прав и свобод человека и гражданина.

Выбранные в качестве примеров страны (Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман, Катар) являются полноценными субъектами международного права, считаются одними из самых безопасных в мире, довольно влиятельными мировыми геополитическими субъектами, а значит у международного сообщества нет претензий к их основному законодательству, которое формирует государственный строй.

В целом, в научной среде нет единого термина «абсолютная монархия». Одни исследователи больше склонны к тому, что абсолютизм – это произвол одного человека во власти: «абсолютизм, как по смыслу понятия, так и по смыслу исторического факта, означает власть ничем не созданную, ни от чего, кроме самой себя не зависящую, ничем, кроме самой себя, не обусловленную»¹. Другие, под этим понятием понимают «соединение законодательной и исполнительной власти в руках одного лица – монарха»². Н.А. Пьянов подчеркивает: «в абсолютной монархии государственная власть полностью и безраздельно принадлежит монарху и не ограничена каким-либо представительным (законосовещательным или законодательным) органом. Монарх обладает самыми широкими полномочиями и в законодательной, и в исполнительной, и в судебной сферах»³. Также есть мнение, что абсолютная монархия – это тоталитарный режим. Например, А.Б. Венгеров отмечал: «для абсолютистской монархии характерно полное бесправие народа, отсутствие каких-либо представительных учреждений, сосредоточение всей государственной власти в руках монарха. Он издает законы,

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Облиздат, 1998. С. 77.

² Тургаев А.С., Хренов А.Е. Политология. Учебное пособие // Питер. – 2005. С. 150.

³ Пьянов Н.А. Теория государства и права учебное пособие в двух частях // Иркутский государственный университет. – 2011. С. 67.

назначает чиновников, ведет внешнюю и внутреннюю политику, собирает и расходует налоги»¹.

Определения отличаются, но в них есть определенно схожие нарративы: отсутствие разделения властей, оппозиции, концентрация власти в одних руках.

Таким образом, можно сформулировать обобщенное определение: «абсолютная монархия» – форма правления, при которой монарх руководствуется своими убеждениями, не ставя себя под юрисдикцию закона, а само законодательство основывается на сложившихся традициях.

Но, возникает вопрос: к каким монархическим странам современного мира в чистом виде подходит это определение и все вышеупомянутые? На этот счет мнения расходятся.

Одни эксперты считают, что таких монархий не существует в современном мире, по крайней мере, в чистом виде. Так, например, советский и российский ученый-правовед В.Е. Чиркин писал: «В настоящее время таких монархий уже нет: в последней из них – султанате Омане в 1996 г. монарх даровал конституцию»². С.А. Трушков высказывался: «многие монархии являются самыми настоящими социальными государствами, гораздо более социальными, чем многие современные республики. Если мы рассмотрим пример Саудовской Аравии, – кстати, одной из редких сохранившихся сегодня абсолютных монархий, – то мы увидим, что уровень жизни саудовцев весьма высок»³.

Другие же эксперты высказывают несколько противоположную точку зрения: так, например, М.А. Сапронова отмечает, что все арабские монархии имеют схожие черты: влияние институтов, не прописанных в конституции, влияние семьи монарха на него «прежде всего <...> “семейный совет” <...> в состав этого совета, который назначается и возглавляется самим монархом, входят близкие родственники правителя по мужской линии, а также главы основных ветвей правящего клана»⁴. Л.Р. Симонишвили подчеркивает: «в 1992 г. король Саудовской Аравии учредил Основной закон (низам), по которому <...> монарх является верховным судьей, от его имени творится правосудие»⁵.

Таким образом, видно, что, «абсолютизм» многогранен, его современные трактовки могут отличаться, но у него имеются характерные черты: королю принадлежит вся высшая власть, в стране нет законодательного органа, который бы определял полномочия монарха, в стране с такой формой правления развиты неформальные институты права.

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов // Юриспруденция. – 2000. С. 61.

² Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник – 2-е изд., испр. и доп. // М.: Юристъ, 2000. С. 141.

³ Монархии 21 века. Монархия в XXI веке: анахронизм или норма? [Электронный ресурс] // <https://herver.my1.ru>.

⁴ Сапронова М.А. Политические системы арабских стран: учеб. пособие // Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 2015. С. 207.

⁵ Формы правления. История и современность: учебное пособие. [Электронный ресурс] // <https://modernlib.net>.

В данной статье мы рассмотрим пример арабских монархий, обозначенных как «абсолютные монархии».

Через нарративы глав этих государств и/или их окружения, высших госслужащих (официальные заявления) следует выявить степень «абсолютизма» и возможное верховенство традиций над законодательством, исходя из чего можно будет сделать вывод: подходят ли данные страны под сформулированное нами определение и, таким образом, проверить верификацию «абсолютизма», которую можно вывести через градационную шкалу.

Сама шкала определяется из нескольких степеней (от меньшего к большему): 1. Монархия не абсолютная. 2. Монархия не абсолютная, но с элементами абсолютизма. 3. Монархия абсолютная, но с элементами ограничения. 4. Монархия абсолютная.

Главным законодательным актом Саудовской Аравии является «Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия. Согласно ст. 5 которого «Система власти Королевства Саудовская Аравия – монархия»⁶. А в ст. 6 сказано: «подданные короля приносят присягу на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка в повиновении и верности ему в горе и в радости, в удаче и в бедствиях»⁷. «Низамы стоят на четвертом уровне в иерархии источников мусульманского права Саудовской Аравии, представляя собой особые декреты королевской власти»⁸.

В 2022 году наследный принц и, одновременно, премьер-министр Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман в интервью авторитетному американскому журналу «The Atlantic» заявил: «В исламском праве главой исламского истеблишмента является вали аль-амр, правитель. Так что окончательное решение не за муфтием. Последняя фетва принадлежит королю. Таким образом, муфтий и Совет по фетвам подобны советникам короля. Но по вопросам мусульманского вероучения у правителя есть окончательная фетва [решение]»⁹.

Сам же король Салман бин Абдулазис, выступая на 7-й сессии Совета Шуры заявил: «страна никогда не отклонится от применения законов исламского шариата без какой-либо дискриминации»¹⁰.

Посол КСА (Королевства Саудовская Аравия) в РФ Абдурахман Ибрахим Ар-Расси, на вопрос «какие политические реформы возможны в королевстве?» сказал: «[король] реконструировал совет министров, распустил множество комитетов, вместо которых создал единый совет министров

⁶ Конституция Сауд Аравия [Электронный ресурс] // <https://worldconstitutions.ru>.

⁷ Там же.

⁸ Труды юридического факультета. Т. XI. Правовая карта мира: попытки начертания (теоретические, исторические и практические аспекты). СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 215.

⁹ The Atlantic. Absolute power. [Электронный ресурс] // <https://www.theatlantic.com> свободный, поиск по сайту.

¹⁰ Служитель двух святынь изложил внутреннюю и внешнюю политику королевства. [Электронный ресурс] // <https://saudianews.ru>.

по делам политики и безопасности, а также совет по делам экономического развития»¹.

Изложенное позволяет определить, что Саудовская Аравия – монархия с очень сильной королевской властью. Исходя из этого, формируется вывод, что король – абсолютный глава государства, формирующий органы государственной власти и «защищенный» религиозной составляющей, что добавляет ему «сакральных» полномочий. Что позволяет определить Саудовскую Аравию по градационной шкале как «4».

Рассмотрим соседнюю для Саудовской Аравии страну – ОАЭ.

Официально в Конституции этой страны записано: «Объединенные Арабские Эмираты – федеративное, независимое и суверенное государство»². Однако, данная федерация состоит из шести Эмиратов, каждый из которых является монархией. Эмиры избирают Президента страны, а сами не избираемы, т.е. прямых выборов высшей власти в стране нет. В самой конституции при ряде общедемократических положений прописано, что в ОАЭ действует шариат (Статья 7)³. Таким образом, это уже негласно показывает, что ОАЭ имеет яркие черты абсолютизма. Также отсутствует оппозиция: «Организованной оппозиции нет, деятельность политических партий и профсоюзов запрещена. Большая часть населения, не являющееся эмиратскими арабами, не имеет ни гражданских, ни политических прав»⁴. Также, президент в ОАЭ избирается каждые пять лет, но нюанс: его избирает Федеральный Верховный Совет, который состоит из семи наследственных эмиров. Президентом может быть избран абсолютно любой гражданин ОАЭ, являющийся эмиром Абу Даби, но так т.к. должность эмира Абу Даби наследственная, то и пост президента тоже.

Однако, в последнее время законодательство продолжает демократизироваться: например, президент ОАЭ озвучил такие изменения в законодательстве: «Новое законодательство предлагает усиленную защиту женщин и домашнего персонала, укрепляет положения об общественной безопасности и охране, а также смягчает ограничения на внебрачные отношения»⁵. Такие тенденции означают, что абсолютизм продолжает изменяться («демократизироваться»), в связи со взаимодействием с другими странами, т.е. «внешний мир» продолжает оказывать влияние на абсолютистскую систему, и она начинает трансформироваться.

По градационной шкале ОАЭ может отвечать цифре 3.

Еще одна страна арабских монархий – Оман. Вторая статья Конституции гласит: «Государственная религия – ислам, основа правовой системы – мусульманский шариат»⁶. Сорок первая статья гласит о том, что султан – глава государства и «символ национального единства»⁷. А также упоминается «Совет правящей семьи», который выбирает наследника престола, при этом Совет Омана – двухпалатный парламент, где верхнюю назначает султан, а нижнюю избирают граждане.

В интервью «РГ» министр иностранных дел Омана сказал: «Народ внутренне должен быть подготовлен к тому, чтобы принять правила демократического общества. <...>. В итоге мы постепенно пришли к всеобщим выборам в парламент. И к тому, что все более важную роль в нашем обществе играют женщины»⁸.

Исходя из этих нарративов, можно сделать вывод, что Оман, безусловно, абсолютная монархия, но имеет ряд положений правового государства с правовыми институтами влияния на монарха. То есть, соответствует «3» по предложенной шкале.

Завершает обзор – Катар. Уже в первой статье говорится, что основа законодательства – шариат. И в этой же статье отмечается: «форма правления – демократическая»⁹. Интересно, что шестая статья говорит об обязательном соблюдении международного права в стране. «Семья» присутствуют и в Конституции страны. Ее круг определяет глава государства – эмир, это говорит о том, что она все равно подотчетна главе государства, но ее полномочия заключаются в обеспечении преемника.

В конституции говорится и о демократических ценностях, (например, ст. 37 о личной жизни¹⁰). Но «принцип наследования регулируется шариатом»¹¹.

Политические же деятели часто говорят, в том числе ссылаясь на конституцию, что в их стране соблюдаются права человека и гражданина, базовые принципы демократии. В частности, на фоне кризиса в Афганистане в 2021 году, министр иностранных дел Катара сказал: «Мы всегда призывали «Талибан» и правительство [Афганистана к соблюдению прав человека], и мы повторили это вчера: достижения афганского народа должны быть защищены, включая права женщин и их роль в развитии Афганистана»¹².

Таким образом, Катар также можно определить, по предложенной градационной шкале, как абсолютную монархию с элементами ограничения.

¹ «Для нас важно, чтобы все народы в регионе жили в мире» Посол Саудовской Аравии о реформах, терроризме и войнах на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс] // <https://lenta.ru>.

² Legal Advice. The Constitution of the United Arab Emirates. [Электронный ресурс] // <https://legaladviceme.com>.

³ Там же.

⁴ Энциклопедия Кругосвет. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). [Электронный ресурс] // <https://www.krugosvet.ru>.

⁵ Emirates. ОАЭ приняли крупнейшую законодательную реформу в своей истории. [Электронный ресурс] // <https://wam.ae>.

⁶ Мастерская конституционного дизайна. Конституция Омана. [Электронный ресурс] // <https://legaladviceme.com>.

⁷ Там же.

⁸ Оман не вмешивается в политику других государств. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru>.

⁹ The Constitution. [Электронный ресурс] // <https://www.law.msu.ru>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Катар призвал талибов соблюдать права женщин. [Электронный ресурс] // <https://www.rbc.ru>.

Подводя итог, можно отметить, что по шкале от 1 до 4, предложенная нами, Королевство Саудовская Аравия находится на четвертой позиции и является абсолютной монархией. Так как все органы исполнительной и законодательной власти лишь помогают королю управлять, но не накладывают правовых ограничений на его власть, формируются им, и исполняют, в целом, его волю. Все это отвечает критериям абсолютизма.

Остальные же страны соответствуют критерию «3» по предложенной градационной шкале. Соответственно, все определенные арабские страны являются абсолютными монархиями, несмотря на ряд институтов, которые законодательно формально сдерживают власть монарха. Все страны придерживаются шариату, а значит религиозные каноны выше светских, а также конечное решение во всех странах за главой государства не смотря на наличие различных органов законодательной, судебной и исполнительной власти.

Наличие конституций у этих стран является лишь сводом правил, которые демонстрируют абсолютную власть монарха в основном законе. Поэтому данные монархии нельзя считать конституционными.

Таким образом, определение абсолютной монархии, сформулированное в данной статье, применимо к абсолютным монархиям в целом, и к современным арабским монархиям в частности.

Литература

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров // Юриспруденция. – 2000. – 528 с.
2. «Для нас важно, чтобы все народы в регионе жили в мире» Посол Саудовской Аравии о реформах, терроризме и войнах на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс] // https://lenta.ru/articles/2016/12/19/saudis_point_of_view/?ysclid=lfpgx2mxzj660857280, свободный, поиск по сайту.
3. Конституция Сауд Аравия [Электронный ресурс] // <https://worldconstitutions.ru/?p=86>, свободный, поиск по сайту.
4. Катар призвал талибов соблюдать права женщин. [Электронный ресурс] // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/613f4ccb9a7947d9b4a854fb?ysclid=lmxua6p62z375643695>, свободный, поиск по сайту.
5. Монархии 21 века. Монархия в XXI веке: анахронизм или норма? [Электронный ресурс] // <https://herver.my1.ru/news>, свободный, поиск по сайту.
6. Мастерская конституционного дизайна. Конституция Омана. [Электронный ресурс] // <https://legaladviceme.com/legislation/120/uae-constitution-of-united-arab-emirates>, свободный, поиск по сайту.
7. Оман не вмешивается в политику других государств. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2005/04/12/oman.html?ysclid=lmxg-0q12iw750070304>, свободный, поиск по сайту.
8. Пьянов Н.А. Теория государства и права учебное пособие в двух частях / Н.А. Пьянов // Иркутский государственный университет. – 2011. – 218 с.
9. Служитель двух святынь изложил внутреннюю и внешнюю политику королевства. [Электронный ресурс] // <https://saudianews.ru/?p=19913>, свободный, поиск по сайту.
10. Сапронова М.А. Политические системы арабских стран: учеб. пособие / М.А. Сапронова // Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 2015. – 248 с.
11. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров // Облиздат – М.: – 1998. 672 с.
12. Тургаев А. С., Хренов А.Е. Политология. Учебное пособие / А.С. Тургаев, А.Е. Хренов // Питер. – 2005. – 560 с.
13. Терехова Т. А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод / Т.А. Терехова, С.К. Малахаева // Гуманитарный вектор. № 1 (41). – 2015. – С. 143–152.
14. Труды юридического факультета. Т. XI. Правовая карта мира: попытки начертания (теоретические, исторические и практические аспекты) / ред.: М.В. Антонов, А.В. Закревский, Р.Ю. Почекаев, Н.Б. Срединская, Н.В. Тарасов, Е.Н. Трикоз. // СПб.: Скифия-принт, 2019. – 370 с.
15. Формы правления. История и современность: учебное пособие. [Электронный ресурс] // <https://modernlib.net/books>, свободный, поиск по сайту.
16. Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник / В.Е. Чиркин // – 2-е изд., испр. и доп. // М.: Юристъ, – 2000. – 384 с.
17. Энциклопедия Кругосвет. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). [Электронный ресурс] // https://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/OBEDINENNIE_ARABSKIE_EMIRATI_OAE.html, свободный, поиск по сайту.
18. Emirates. ОАЭ приняли крупнейшую законодательную реформу в своей истории. [Электронный ресурс] // <https://wam.ae/ru/details/1395302997838?> свободный, поиск по сайту.
19. The Atlantic. Absolute power. [Электронный ресурс] // <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2022/04/mohammed-bin-salman-saudi-arabia-palace-interview/622822/>, свободный, поиск по сайту.
20. The Constitution. [Электронный ресурс] // <https://www.law.msu.ru/uploads/files/Конституция%20Катара%20%28англ%29.pdf?ysclid=lmxq4y-zwv462022327>, свободный, поиск по сайту.
21. Legal Advice. The Constitution of the United Arab Emirates. [Электронный ресурс] // <https://legaladviceme.com/legislation/120/uae-constitution-of-united-arab-emirates>, свободный, поиск по сайту.

ABSOLUTE MONARCHIES TODAY. THE CONCEPT OF “ABSOLUTE MONARCHY” IN MODERN LEGAL SCIENCE

Vladimirov I.V.

Moscow Federal Pedagogical University “Synergy”

The existence in the modern world of such states as absolute monarchies dictates the need to determine the corresponding scientific definition. In connection with the uncertainty of the concept of “absolute monarchy”, the question also arises of how to measure “absolutism”, because in the modern world, one way or another, international law operates, which gives “guidelines” to countries in establishing state legal norms. The work plans to determine whether there are countries today with an absolute monarchy from the point of view of jurisprudence, or whether countries that are considered such, nevertheless, have institutions of containment and influence on the hegemon (monarch). In this regard, it is necessary to resolve the issue of a universal definition of absolute monarchy. The task is to identify: institutional design in different forms of monarchy; the regional specifics of countries with an absolute monarchy will be considered through the prism of narrative and content analyses. A method for ranking absolutism in the countries under consideration will also be proposed, and a universal definition of “absolute monarchy” will be identified. Through the above, the relevance of this issue will be revealed.

Keywords: monarchies, absolutism, legislation, separation of powers, narratives, hegemon, regulatory legal acts.

References

1. Vengerov A.B. Theory of State and Law: Textbook for Law Schools / A.B. Vengerov // Jurisprudence. – 2000. – 528 p.
2. “It is important for us that all peoples in the region live in peace” Ambassador of Saudi Arabia on reforms, terrorism and wars in the Middle East. [Electronic resource] // https://lenta.ru/articles/2016/12/19/saudis_point_of_view/?ysclid=lfpgx2mx-zj660857280, free, site search.
3. Constitution of Saudi Arabia [Electronic resource] // <https://worldconstitutions.ru/?p=86>, free, site search.
4. Qatar called on the Taliban to respect women’s rights. [Electronic resource] // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/613f4cb9a7947d9b4a854fb?ysclid=lmxua6p62z375643695>, free, site search.
5. Monarchies of the 21st century. Monarchy in the 21st century: anachronism or norm? [Electronic resource] // <https://herver.my1.ru/news>, free, site search.
6. Constitutional design workshop. Constitution of Oman. [Electronic resource] // <https://legaladviceme.com/legislation/120/uae-constitution-of-united-arab-emirates>, free, site search.
7. Oman does not interfere in the politics of other states. [Electronic resource] // <https://rg.ru/2005/04/12/oman.html?ysclid=lmxg-0q12iw750070304>, free, site search.
8. Pyanov N.A. The theory of state and law, a textbook in two parts / N.A. Pyanov // Irkutsk State University. – 2011. – 218 p.
9. The Clerk of the Two Holy Mosques outlined the internal and external policies of the kingdom. [Electronic resource] // <https://saudianews.ru/?p=19913>, free, site search.
10. Sapronova M.A. Political systems of Arab countries: textbook. allowance / M.A. Sapronova // Kazan: Kazan Publishing House. un-ta. – 2015. – 248 p.
11. Tikhomirov L.A. Monarchical statehood / L.A. Tikhomirov // Oblidat – M.: – 1998. 672 p.
12. Turgaev A. S., Khrenov A.E. Political science. Textbook / A.S. Turgaev, A.E. Khrenov // Peter. – 2005. – 560 p.
13. Terekhova T. A., Malakhaeva S.K. Narrative analysis as an understanding method / T.A. Terekhova, S.K. Malakhaeva // Humanitarian vector. No. 1 (41). – 2015. – pp. 143–152.
14. Proceedings of the Faculty of Law. T. XI. Legal map of the world: attempts to draw (theoretical, historical and practical aspects) / ed.: M.V. Antonov, A.V. Zakrevsky, R. Yu. Pochekaev, N.B. Sredinskaya, N.V. Tarasov, E.N. Trikoz. // St. Petersburg: Skifia-print, 2019. – 370 p.
15. Forms of government. History and modernity: textbook. [Electronic resource] // <https://modernlib.net/books>, free, site search.
16. Chirkin V.E. State Studies: textbook / V.E. Chirkin // – 2nd ed., revised. and additional // M.: Yurist, – 2000. – 384 p.
17. Encyclopedia Around the World. United Arab Emirates (UAE). [Electronic resource] // https://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/OBEDINENNIE_ARABSKIE_EMIRATI_OAE.html, free, site search.
18. Emirates. The UAE has adopted the largest legislative reform in its history. [Electronic resource] // <https://wam.ae/ru/details/1395302997838?free>, site search.
19. The Atlantic. Absolute power. [Electronic resource] // <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2022/04/mohammed-bin-salman-saudi-arabia-palace-interview/622822/>, free, site search.
20. The Constitution. [Electronic resource] // <https://www.law.msu.ru/uploads/files/Constitution%20Qatara%20%28eng%29.pdf?ysclid=lmxq4yzwv462022327>, free, site search.
21. Legal Advice. The Constitution of the United Arab Emirates. [Electronic resource] // <https://legaladviceme.com/legislation/120/uae-constitution-of-united-arab-emirates>, free, site search.

Совет министров Российской империи: проблемы правового статуса и функционирования

Ермаков Евгений Геннадиевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: ermakoff69@bk.ru

Статья посвящена проблеме правового статуса Совета министров в системе высшего управления Российской империи. Отсутствие единства министров и правовая неопределенность статуса длительное время оказывали влияние на функционирование Совета министров, который должен был выступать в качестве высшего коллегиального исполнительного органа, быть центром рационально организованной системы бюрократического управления. В статье проанализированы условия и показан процесс превращения Совета министров в государственно-правовой институт, который после проведенной модернизации государственного строя в начале XX в. возглавил систему исполнительной власти, установил согласованность в действиях разрозненных ведомств и руководил борьбой с революционным движением. К ведению Совета министров стали относиться вопросы законодательства, разнообразные дела внутреннего управления, особо вносимые императором вопросы внешней политики и государственной обороны, а также значительные права в области государственного бюджета.

Ключевые слова: государственное управление, исполнительная власть, правительство, Совет министров, консолидация правительства, император, премьер-министр, первая русская революция, Государственный совет, Комитет министров, Государственная дума.

Построение нового российского государственного аппарата происходило в условиях фундаментального изменения социально-экономических и политических основ общества, а сам характер преобразований отличался стремительностью и радикальностью, при этом не беря во внимание национальные традиции государственного строительства. В связи с этим обращение к историческому прошлому, к проблемам эволюции государственного аппарата как неотъемлемой части отечественной государственности позволит не только установить преемственность в структуре и компетенции государственных органов, выделить и проанализировать сущность проблем, стоящих на пути совершенствования современного российского государственного механизма, но и способствует более рациональному и правильному решению конкретных задач по оптимизации структуры государственных органов, их организации и деятельности.

В первой половине XIX в. при разработке реформ или обсуждении животрепещущих проблем текущей политики российские монархи предпочитали использовать форму временных (а зачастую и секретных) совещаний, члены которых назначались лично монархом. Однако эпоха реформ Александра II требовала более высокой степени координации деятельности правительственных учреждений. Предлагаемые проекты реорганизации высших учреждений (Государственного совета и Сената), а также предложения по введению в государственный порядок «выборного начала» сопровождались закономерными требованиями о консолидации правительства. Идея состояла в формировании органа аналогичного западноевропейским кабинетам с введением поста премьер-министра. Однако Александр II относился к этому замыслу подозрительно, видя в этом покушение на свою абсолютную власть путем давления на него объединенных министров. Определенные опасения вызывала должность премьер-министра, в которой усматривались попытки узурпации верховной власти императора, тем более что наглядный пример показывал наш восточный сосед: сегун в Японии фактически отстранил японского императора от власти, встав во главе государства и администрации, оставив за монархом лишь выполнение сакральной функции. Забегая вперед, следует отметить, что противники будущего председателя Совета министров С.Ю. Витте приписывали ему желание «получить от царя диктаторские полномочия, упразднить Государственный совет, назначить министрами своих креатур, превратить

царя по японскому образцу в микадо, а себя в сегуна» [9, с. 157]. Однако отсутствие объединенного правительства имело негативные последствия для развития государства. Так, военный министр Д.А. Милютин писал «как объяснить то загадочно бессилие, которое проявлялось в действиях нашего правительства в такое время, когда со всех сторон надвигались на государство грозные тучи? Главной этой причиной считаю расшатавшийся устарелый механизм администрации и отсутствие единства в составе высшего правительства» [6, с. 355]. Также Д.А. Милютин отмечал, что и сам государь «как будто систематически» поддерживал рознь между бюрократической аристократией. Существующий Комитет министров, являвшийся «верховным местом империи», в условиях проводимой модернизации высшего звена управления, не смог выполнить объединительную задачу, и чтобы снять остроту проблемы «объединенного правительства» в октябре 1857 г. неофициально стал функционировать Совет министров.

Первоначально Совет министров воспринимался как очередное приватное собрание («Ближний совет») под руководством императора, в котором монарх не должен быть стесняем «никакими канцелярскими формами», под которыми понималась регулярность созыва Совета, протоколирование обсуждения рассматриваемых вопросов в Совете, длительность заседаний и т.п. То есть была создана некая «надстройка» над действующими органами, которые продолжали осуществлять свои функции без какого-либо взаимодействия, а учреждение Совета министров во главе с монархом, сходного по составу с Комитетом министров, без четкого разграничения компетенции между ними, не послужило основой для установления скоординированности в действиях центральных ведомств. Помимо этого, в течение второй половины XIX в. было создано множество специальных совещаний, комитетов и комиссий для рассмотрения отдельных вопросов, которые трудились медленно и неторопливо годами, отражая свою деятельность в множественных документах. Тем не менее наличие этих структур позволяло политической активной части государственной бюрократии высказывать мнение по поводу вопросов государственного управления, разрабатывать и предлагать различные законопроекты.

Главным отличием Совета министров от остальных органов стало то, что в нем предусматривалось обсуждение вопросов особой важности, требующих присутствия царя. Для придания Совету официального статуса 12 ноября 1861 г. был издан указ «Об учреждении Совета Министров и порядке движения дел в оном, и о поручении Комитету Министров, всем Министрам и Главноуправляющим составить подробные соображения в сокращении делопроизводства» [4]. В связи с этим великий князь Константин Николаевич написал Александру II: «Дай Бог, чтобы Совет министров с теми правилами, которые ты вновь подтвердил, удовлетворил твоим ожиданиям и дал министрам то единство, которое ты всегда от них требовал» [6, с. 358].

Анализ положений указа позволяет сделать вывод о попытке конкретизации компетенции Совета министров, но результативность была невелика: Совет министров был наделен множеством полномочий, но формулировка этих полномочий не всегда была четко выраженной. Сохранявшаяся неопределенность границ полномочий Совета и Комитета министров, по мнению С.М. Середонина, привела к тому, что «едва ли было легко указать, какие дела, требующие совместного действия нескольких ведомств, подлежали именно разрешению Совета, а не Комитета министров» [6, с. 359].

Созыв Совета министров по воле императора привел к отсутствию регулярности в его деятельности. Александр II активно прибегал к помощи Совета лишь на начальном этапе реформаторской деятельности – в 1861–1862 гг. В 1863–1867 гг. Совет созывался раз в два месяца, потом вообще два раза в год, с 1872 по 1882 г. – крайне редко [8, с. 91]. Сужалась сфера его деятельности: начиная с 1863 г. прекращается практика рассмотрения в Совете годовых отчетов министров и главных управлений. А.В. Головнин отмечал, что «у нас министры съезжаются по вторникам», чтобы обсудить и решить несколько незначительных дел, «но важные дела решаются или личными докладами, или в особых комитетах, в которых участвуют не все министры, а некоторые в одном, другие в другом, притом с членами не из министров. Оттого происходит, что гг. министры часто узнают из газет важные правительственные распоряжения» [6, с. 371].

В конце 60-х – начале 70-х гг. П.А. Шувалов, пользуясь поддержкой великого князя Константина Николаевича, сумел неофициально объединить под своим началом нескольких министров и министерств. Поставив во главе министерства внутренних дел, министерства путей сообщений и на должность государственного контролера свои креатуры П.А. Шувалов создал подобие правительства. Однако П.А. Валуев считал, что это квазиправительство мало занималось делом, а больше «толками о своих противниках и праздными фразами о своих принципах». Временный союз П.А. Шувалова с великим князем Константином Николаевичем мог бы стать основой для создания если не правительственного кабинета, то поспособствовать выработке четкой правительственной программы. Однако замысел П.А. Шувалова состоял в том, чтобы воспользовавшись расположением великого князя продвинул свой продворянский проект привлечения выборных представителей к деятельности Государственного совета. В результате союз с великим князем развалился, а в 1874 г. П.А. Шувалов был вынужден подать в отставку.

Революционная ситуация конца 70-х – начала 80-х гг. вновь обострила проблему объединенного правительства. Действия Комитета министров продемонстрировали существующие разногласия среди министров и даже их растерянность. О замешательстве властей и их невозможности оперативно и однозначно решить проблемы свидетельствует

создание в 1878–1879 гг. ряда особых совещаний, чья деятельность была охарактеризована следующими высказываниями: «ребяческие, ничтожные отдельные меры, общие фразы с пожеланиями – вот и все. Ни мысли, ни взглядов на общее положение вещей и на причины обнаружения явлений» [6, с. 360].

Даже создание в феврале 1880 г. Верховной распорядительной комиссии и объединение правоохранительных органов в борьбе с революционным движением не поспособствовало консолидации министров. В самом начале царствования Александра III М. Т. Лорис-Меликов предложил ему программу преобразований, поставив во главу угла достижение единства в действиях правительства. В иных правительственных проектах реформ эта идея также звучала: в 1882 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев параллельно с предложением о созыве Земского собора призывал к созданию правительства с единой программой действий.

Вопросы объединения правительства больше не поднимались до царствования Николая II. В начале 1905 г. министр финансов В. Н. Коковцов констатировал: «Совет существует не столько для того, чтобы устанавливать солидарность в мнениях отдельных министров, сколько с целью дать государю возможность обозреть проектируемые министрами законы и административные меры и установить между этими мерами и законами то соответствие, которое он считает желательным» [9, с. 160]. Однако Николай II, как и его предшественники, был убежден, что именно монарх должен стоять во главе административного аппарата. Это и являлось основным препятствием на пути создания правительственного кабинета в западноевропейском смысле. Однако проблема объединенного правительства продолжала существовать, а попытки достичь однородности правительства за счет подбора министров, разделяющих мнение неформального лидера, не увенчались успехом. Власть отказывалась придать институциональность какому-либо из высших учреждений империи.

Новый виток обсуждений вопроса о создании объединенного правительства приходится на август 1905 г., когда в условиях намечающегося кардинального изменения государственной жизни в связи с созданием представительного органа, и чтобы удержать реформу в намеченных пределах было необходимо создание единого и сильного высшего исполнительного органа. Как было отмечено в анонимной записке, поданной на имя Николая II, создание Государственной думы аналогично созыву Генеральных штатов накануне Французской революции, в результате чего французское правительство, пойдя на созыв народных представителей, «вызвало духа, но оказалось бессильным, чтобы его заковать» [6, с. 457].

В условиях кризисной ситуации, порожденной Всероссийской октябрьской политической забастовкой, всеобщей растерянности в правительственном лагере и отсутствии твердой и планомерной внутренней политики был опубликован

указ от 19 октября 1905 г. «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» [5]. И. А. Кравец, характеризуя указ, отмечает, что «перемена правового статуса Совета министров заключалась в том, что из совещательной инстанции по делам высшего управления с плохо очерченной компетенцией он превращался в постоянно действующее высшее исполнительно-распорядительное учреждение с рядом самостоятельных полномочий» [2, с. 162]. Тем не менее правительственное управление продолжало оставаться непосредственной сферой деятельности монарха: Совет министров не нес ответственности перед Государственной думой, и только от дискреционного усмотрения монарха зависело назначение лица на должность министра или его увольнение. Председатель Совета также назначался монархом и по желанию императора заседания Совета министров могли проходить под его председательством. Наряду с Советом министров продолжали функционировать конкурирующие с ним учреждения, не входящие в общее министерское управление: к их числу относились департаменты и особые присутствия Государственного совета, Военный и Адмиралтейский совет, государственный контролер, министерство Императорского двора и уделов.

Объединяющим для министерского устройства началом явилось создание поста главы правительства – председателя Совета министров. Его правовой статус существенным образом отличался от статуса председателя Комитета министров. Председатель мог представлять Совет министров на заседаниях Государственной думы и Государственного совета, без чьего-либо вмешательства извне строил отношения с министрами и остальными членами Совета, имел право требовать от членов Совета «о доставлении необходимых ему сведений и объяснений», мог лично докладывать императору о ходе дел и контролировал всеподданнейшие доклады министров императору, которые должны были быть согласованы с ним. Однако в случае возникновения разногласия между министрами и невозможностью добиться единства в рассматриваемом вопросе, решающий голос принадлежал монарху на чье усмотрение передавался спорный вопрос, что входило в явное противоречие с общими установлениями указа 19 октября, целью которого являлось создание «особого правительства, отдельного от монарха». Исходя из этого, Н. Г. Королева совершенно верно отмечает, что «права председателя Совета министров не дают основания рассматривать его положение как главы кабинета, что присуще конституционным буржуазным государствам, где главенствующая роль премьера определялась его опорой на парламентское большинство, ответственностью кабинета перед парламентом» [1, с. 38]. По мнению А. П. Яцковой, предоставленная председателю власть над министрами и другими лицами, входившими в Совет, являлась попыткой придать скоординированности действиям правительства, со-

здать управленческую систему подобную западно-европейским парламентским кабинетам [9, с. 152].

Основные государственные законы Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г. в главе 11 «О Совете Министров, министрах и Главноуправляющих отдельными частями» окончательно закрепили правовое положение Совета министров в реформированной системе высших органов Российской империи. Еще раз было подчеркнуто, что Совет министров выполняет функцию по «управлению и объединению действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Совет министров рассматривал законопроекты, разработанные министрами и главноуправляющими, контролировал совместную деятельность нескольких ведомств, разбираал дела, внесенные лично монархом, осуществлял надзор за актами ведомственного нормотворчества.

Совет министров был включен в сферу чрезвычайного законодательства на основании статьи 87 Основных государственных законов, которая позволяла в промежутки между сессиями Государственной думы и когда имели место исключительные обстоятельства, неотложно требующие принятия закона, расширялась сфера административной деятельности Совета включением в нее вопросов законодательного характера, то есть Совет министров получил право издавать законодательные акты в междумский период.

23 апреля 1906 г. был упразднен Комитет министров и комитетские дела, обозначенные Б.Э. Нольде как «остаток нашего государственного порядка до реформы», перешли к Совету министров. Одной из наиболее важных категорий дел, полученных Советом министров, были «дела, разрешение коих превышает пределы власти, вверенной в особенности министру, и требующие высочайшего разрешения». Также Совет министров унаследовал множество мелких дел («административная вермишель») и ряд так называемых «одиозных» вопросов, решать которые единолично министры отказывались и пытались инициировать коллективное рассмотрение и вынесение решения [7, с. 188].

Совет министров получил ряд полномочий в финансовой сфере. Он руководил составлением финансовых смет министерствами и ведомствами и решал разногласия, возникающие между ведомствами, министерством финансов и государственным контролем в процессе осуществления финансовой деятельности. На основании статьи 13 указа 8 марта 1906 г. об утверждении «Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных», если государственная роспись не будет утверждена к началу сметного периода, Совет министров предоставлял в распоряжение министерств и главных управлений денежные средства (кредиты) «в размере действительной потребности» на основании бюджета, утвержденного в прошлом финансовом году.

Таким образом, в ходе конституционной реформы начала XX в. была решена проблема в области государственного управления, существовавшая в течение нескольких десятилетий – создание постоянно действующего органа исполнительной власти с юридически закрепленными функциями и полномочиями, обеспечивающего единство в центральном и местном управлении. С целью укрепления принципа министерской солидарности была учреждена должность председателя Совета министров. Однако по многим важным вопросам управления председатель был зависим от императора, что создало основу для будущих конфликтов между главой правительства и монархом. Стоит также отметить, что реформа Совета министров определялась не только осознанием властью необходимости преобразования системы центрального управления, а созданием в его лице противовеса Государственной думе.

Литература

1. Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров в 1905–1907 гг. М., 1982.
2. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебное пособие. М., 2000.
3. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр.2. Т.XXXVI. Отдел. 2. № 37619.
5. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXV. № 26820
6. Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010.
7. Сучкова М.В. Реформа Совета министров Российской империи в период первой русской революции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2020. № 10.
8. Чернуха В.Г. Совет министров в 1862–1882 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IX. Л., 1978.
9. Яцкова А.П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

COUNCIL OF MINISTERS OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE PROBLEM OF LEGAL STATUS AND FUNCTIONING

Ermakov E.G.

Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia named after V.Y. Kikot

The article is devoted to the problem of the legal status of the Council of Ministers in the system of supreme administration of the Russian Empire. The lack of unity of ministers and the legal uncertainty of the status for a long time had an impact on the functioning of the Council of Ministers, which was supposed to act as the highest collegial executive body, to be the center of a rationally organized system of bureaucratic management. The article analyzes the conditions and shows the process of transformation of the Council of

Ministers into a state-legal institution, which, after the modernization of the state system in the early twentieth century, headed the system of executive power, established coherence in the actions of disparate departments and led the fight against the revolutionary movement. The Council of Ministers began to be responsible for legislative issues, various internal management matters, foreign policy and state defense issues specially introduced by the emperor, as well as significant rights in the field of the state budget.

Keywords: state administration, executive power, government, council of Ministers, consolidation of government, emperor, prime minister, first Russian revolution, State council, Committee of Ministers, State Duma.

References

1. Koroleva N.G. The first Russian revolution and tsarism. Council of Ministers in 1905–1907. M., 1982.
2. Kravets I.A. Constitutionalism and Russian statehood at the beginning of the twentieth century. Tutorial. M., 2000.
3. Nolde B.E. Essays on Russian state law. St. Petersburg, 1911.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZ RI). Sobr. 2. T. XXXVI. Department. 2. № . 37619.
5. PSZ RI. Sobr. 3. T. XXV. № . 26820
6. Remnev A.V. Autocratic government. Committee of Ministers in the system of higher administration of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries). M.: ROSSPEN, 2010.
7. Suchkova M.V. Reform of the Council of Ministers of the Russian Empire during the first Russian revolution // Humanitarian, socio-economic and social sciences, 2020. № . 10.
8. Chernukha V.G. Council of Ministers in 1862–1882. // Auxiliary historical disciplines. Vol. IX. L., 1978.
9. Yatskova A.P. Basic state laws of the Russian Empire April 23, 1906 – the first Russian constitution. Diss. ...cand. legal s. M., 2001.

Представления о праве войны в Российском царстве по источникам середины XVII века

Савченко Дмитрий Александрович,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет
E-mail: kaftigip@law.asu.ru

Зеленин Алексей Анатольевич,

д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой истории России, Кемеровский государственный университет
E-mail: kir.kemsu@yandex.ru

Мырзалимов Руслан Муратбекович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет
E-mail: Rrd231@rambler.ru

В статье излагаются результаты исследования опубликованных источников, в которых отражены представления российского правительства середины XVII века о справедливых основаниях начала войны и допустимых способах ее ведения. Отмечен тот факт, что решение исследовательской задачи существенно затрудняется ограниченностью доступных для современного исследователя источников и отсутствием среди них обязательных для России рассматриваемого периода международных правовых актов, положения которых были бы прямо посвящены регламентации права войны и определяли основания и порядок реализации военного принуждения.

В то же время обосновывается вывод о том, что, поскольку войны были неотъемлемой и значимой частью государственной деятельности, принятие решений об их начале и способах проведения не могло не опираться на принципиальные подходы, сформировавшиеся в правовом сознании царя и его окружения, определяемые глубоко религиозной природой правовой системы Московского государства. Сделан вывод о том, в Российском царстве сложились собственное понимание справедливой войны, соответствующее основным принципам российской религиозно-правовой системы. Война понималась как «месть царя своим недругам». Запрещенными считались несанкционированные царем внутренние войны. При ведении военных действий официально осуждалось убийство женщин и детей, убийство и изнасилование пленных, а также спекуляция пленными.

Ключевые слова: Российское царство, правовые представления, война, месть, запреты, Соборное уложение.

Война на всем протяжении отечественной истории представляла собой важное социальное явление. Она играла роль одного из ключевых инструментов реализации политических интересов субъектов социальных отношений, с одной стороны, и сама представляла собой сложную систему общественных связей, нуждающихся в нормативном регулировании. Поэтому нет оснований сомневаться в том, что с момента зарождения права как относительно самостоятельного социального регулятора, в общественном сознании формируются представления о справедливых основаниях начала и ведения войны, о ее допустимых приемах и способах. Те из указанных представлений, которые получают политическую поддержку со стороны публичной власти, приобретают характер правовых норм и выражение в свойственных соответствующему этапу развития правовой системы формах.

Значительный научный интерес представляет реконструкция представлений о правовых аспектах войны, которые сложились в общественном сознании России к середине XVII века. Это был чрезвычайно значимый для эволюции отечественного государства и права период, когда, опираясь на исторические традиции и преодолевая последствия острого кризиса Смутного времени, Московская монархия активно развивалась в качестве полиэтнической империи нового типа – Российского царства – уже на своей собственной национальной основе.

С юридической точки зрения война выступала в качестве ключевого правового инструмента защиты безопасности страны и основ ее политического строя. Поэтому без понимания сложившихся у представителей власти идей о справедливых основаниях и политически одобряемых средствах ведения войны, а также формах их внешнего выражения и закрепления, научные представления о правовой системе России середины XVII века были бы не полными. Такая неполнота препятствует установлению основных тенденций и закономерностей правового развития нашей страны.

Решение поставленной задачи существенно затрудняется ограниченностью доступных для современного исследователя источников информации о правилах поведения, признаваемых в качестве обязательных или рекомендуемых к исполнению для исследуемого исторического периода. Основным источником информации об отечественном праве середины XVII века является, как известно, Соборное Уложение 1649 года – уникальный законодательный акт систематизированного характера, комплексно регламентировавший наиболее

важные социальные связи. Поэтому для реконструкции юридических норм, регулировавших отношения имущественного или карательного характера мы имеем возможность обратиться к тексту этого Уложения и непосредственно на его основе сделать достаточно полные выводы о содержании гражданско-правовых и уголовно-правовых предписаний, установленных государственной властью.

В части правовых норм, определявших возможные основания начала и средства ведения войны вопрос источников является более сложным. Современная юриспруденция рассматривает их в качестве элемента международного права как особой, относительно самостоятельной правовой системы, не совпадающей с системой права национального. Формой внешнего выражения и закрепления таких норм выступают международные договоры, причем, прежде всего, многосторонние. В середине XVII века в Европе система таких договоров начинает формироваться. Речь прежде всего идет о Мюнстерском (между императором Священной Римской Империи и Францией, а также их соответствующими союзниками) и Оснабрюкском (между императором Священной Римской Империи и Швецией, а также их соответствующими союзниками) соглашениях. Они были заключены по итогам Тридцатилетней войны в Священной Римской империи 15 мая и 24 октября 1648 года. Его участниками, наряду со Священной Римской империей, Францией и Швецией, были также Испания, Швейцария и Нидерланды (Республика Соединенных провинций). Чуть ранее, 30 января 1648 года был заключен мирный договор между Нидерландами и Испанией, которым была завершена Восемидесятилетняя война между ними. Таким образом, именно в 1648 году, когда в Москве был созван Земский собор, завершившийся принятием Уложения, в Европе была сформирована система договоров (Вестфальский мир), в которой нашли свое отражение в том числе и принципы, ставшие основой права войны.

Вместе с тем, Российское царство участником этих соглашений не являлось. Не участвовала Россия и в каких-либо иных многосторонних договорах, которые закрепляли бы принятые на себя обязательства в части оснований и способов ведения войн. Поэтому мы можем констатировать, что обязательные для нашего государства международные правовые акты, положения которых были бы прямо посвящены регламентации права войны и в которых бы в полном объеме непосредственно определялись основания и порядок реализации военного принуждения, в середине XVII века отсутствовали.

Это не означает, что верховная власть Российского царства не имела своих представлений по данным вопросам. Войны были неотъемлемой и очень значимой частью государственной деятельности, поэтому принятие решений об их начале и способах проведения не могло не опираться на некие принципиальные подходы, сформировавшиеся в правовом сознании царя и его окружения.

Можно предположить, что они во многом определялись глубоко религиозной природой всей правовой системы Московского государства и нашли косвенное отражение в правовых и религиозных актах и практиках середины XVII века. Поэтому в качестве источников информации о сложившихся в Российском царстве в этот период представлениях о праве войны мы полагаем возможным использовать отдельные положения Соборного Уложения 1649 года в их системной связи с текстами религиозной присяги на верность царю (крестоцеловальными записями). Кроме того, интересную дополнительную информацию дают тексты вопрошников, которые применялись иерархами церкви при проведении исповеди прихожан и которые отражают представления о неодобряемых православной церковью формах поведения, требующих раскаяния и наказания.

Полагаем не подлежащим сомнению то обстоятельство, что Российский монарх и его окружение были хорошо осведомлены и о европейских делах, в том числе о ходе и результатах Тридцатилетней войны. Россия имела разносторонние связи с европейскими державами, а с одним из ведущих участников Вестфальского мира – Шведской империей имела союзные отношения. В этой связи в Оснабрюкском договоре 1648 года по инициативе Швеции в перечень союзников был включен «Великий князь Московский», что не могло случиться без ведома Русского царя и, возможно, без знания им содержания этого ключевого документа Вестфальского мира [13].

Сам текст соглашения не был переведен на русский язык и вряд ли получил какое-либо распространение в России. Можем предположить, что это было связано, в том числе, и с тем обстоятельством, что закрепленный в Вестфальском мире принцип веротерпимости не мог рассматриваться верховной властью Российского царства как заслуживающий одобрения и рецепции.

Не известно нам и о переводах на русский язык доктринальных работ европейских ученых, посвященных праву войны. Это относится и к опубликованному в 1625 году трактату Гуго Гроция «Три книги о праве войны и мира», который оказал серьезнейшее воздействие на развитие международного права. В трактате на основе концепции природной справедливости делался, в частности, вывод о существовании трех оснований для справедливой войны: самооборона, возмещение убытков и наказание. Шведский король Густав II Адольф очень ценил труды Гуго Гроция, который с 1634 года до своей смерти в 1645 году служил Швеции в качестве посла во Франции. Не исключено, что дьяки и толмачи Посольского приказа могли ознакомиться с книгой Гуго Гроция в латинском оригинале. В то же время распространение в России она не получила, так как практическая польза в этом, вероятно, не усматривалась.

Вместе с тем отдельные источники середины XVII века, содержащие изложение европейских представлений о правовых основах начала войны,

на русский язык все же были переведены и получили определенное распространение. Речь идет об изданной в 1647 году во исполнение повеление царя Алексея Михайловича тиражом 1200 экземпляров книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» – адаптированном вольном переводе руководства по военной тактике авторства капитана нидерландской армии Иоганна Якоби фон Вальгаузена «Военное искусство пехоты», немецкое издание которого появилось в 1615 и 1620 годах [10, с. 162]. Эта работа отражала идеи нидерландской военной школы, успешно применявшиеся также шведским королем Густавом II Адольфом. Вероятно, она играла роль своеобразного методического пособия для обеспечения тех военных реформ, которые проводило правительство молодого царя Алексея Михайловича. Имеются сведения о том, что в воинской среде «Учение» рассматривалось как официальный документ [4, с. 150].

Прежде всего, обратим внимание на то обстоятельство, что «Учение» четко разделяет войны на *внутренние* (междоусобные) и *внешние* (международные): «как есть межусобная война в своей земле и как есть явные войны, которые войны из земли или за землю бывают». При этом в книге отмечается, что внутренние войны «все языческие писцы всех злее почитали», что может толковаться как признание их нежелательности и несправедливости. В отличие от них «явные и всемирные войны те есть справедливы, а называют их законными, которые правдою и делом основаны и прямою причиною починаются и которые мочно правдою и доброю совестью почати и в нем служити».

Вместе с тем трактовка справедливых оснований войны здесь отличается от положений трактата Гуго Гроция. В «Учении» к справедливым отнесены войны *против иноверцев* («которые ведены против тех, которые божию чести и слова его ищут попати и изгнати, и которые есть враги имени христову»), а также войны *оборонительные* («когда един государь у другого ищет землю осилети и отнати, и тогда встречной супостат имеет справедливую войну вести причину себя обороняти»). Такая трактовка в части войн против иноверцев не соответствовала Вестфальским принципам веротерпимости, но при этом была вполне созвучна религиозной природе правосознания представителей власти Московского государства. Именно это обстоятельство могло сыграть свою роль в принятии решения о переводе этой книги на русский язык и ее последующем использовании в России.

Религиозную природу имеют также те ограничения и обязательства, которые в трактовке составителей «Учения» возлагаются на государя в вопросах начала войны. Книга предписывает ратным людям, а равно и государям, задумавшим вести войну «господа бога в сердцы своем имети». Начиная войну, государи должны «рассуждати, прямую ли доброоснованную причину они имеют войну вести и не супротивна ли та война богу и слову его и не сяжет ли та война искреннему и подданым к разорению». Таким образом, основным огра-

ничением для начала войны провозглашается ее «противность богу и слову его».

И ответственность государь несет только перед богом. В «Учении» было закреплено положение о том, что строгий ответ перед «вышним воеводою» должны держать те государи, которые по маловажному поводу («для обычная вины») начинают войну и один другого «в землю впадет и выграбит и пожжет». Такой подход полностью соответствовал российским представлениям об ответственности царя только перед богом, нашедшим отражение, в частности, в главе первой Соборного Уложения 1649 года.

«Учение» предписывает «всем великим государем... первоитти к богу, и у того просить, повольно ли им есть войну вести» [6, с. 17]. Именно так и поступал русский царь перед началом военных действий.

Таким образом, «Учение», не будучи посвященным, собственно, праву войны, вместе с тем содержало изложение важных принципиальных положений о справедливых причинах войны и основания для ее начала. По мнению В.Э. Грабаря, этот труд «знакомил русского читателя половины XVII в. с основными положениями права войны в той форме, в которую они вылились в европейской практике во времена, предшествовавшие появлению известного труда Гуго Гроция «О праве войны и мира»» [6, с. 13]. Вместе с тем, по нашему мнению, официальный характер издания, осуществленного по решению Российского царя, а также соответствие его положений ключевым российским религиозно-правовым представлениям об ответственности царя только перед богом, позволяют предположить, что «Учение», в этой части, не только излагало зарубежные взгляды. Оно, в первую очередь, отражало и закрепляло официальную позицию царя Алексея Михайловича по фундаментальным вопросам права войны, в том числе о разделении войн на внутренние и внешние, об осуждении внутренних войн и о справедливости внешних оборонительных войн и войн против иноверцев.

4. Правовые представления о праве войны, прежде всего войны внутренней, нашли свое некоторое отражение в основном юридическом источнике середины XVII века – Соборном Уложении 1649 года, а также во взаимосвязанном с ним текстах крестоцеловальных и шертных грамот.

Как известно, крестоцеловальная запись на верность царю Алексею Михайловичу, которая имела в российской религиозно-правовой системе важное государственно-правовое значение, содержала запреты посягательств на *право государя быть царем*: запрет «хотеть иного Государя» и запрет «подыскивать под ним государства» [11, с. 421].

Уголовно-правовую санкцию за несоблюдение этих запретов закрепляла статья 2 главы II Уложения 1649 года. В ней составители Уложения определили круг составляющих «подыскание государства» деяний, за которые могла назначаться смертная казнь. Они исходили из того, что самого

по себе «хотения иного Государя», не подкрепленного конкретными действиями (то есть «голово умысла» на смену царя, одобрительного отношения к такой замене, что по сложившейся практике было безусловным основанием для «государева дела»), для применения смертной казни еще недостаточно. Поэтому в статье описываются те деяния, в которых должно было найти свое выражение посягательство на политические права царя.

На первом месте здесь указывались действия тех, «кто при державе Царского Величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злоумышления начнет збирать». Речь, как видим, идет о приготовлении к насильственному захвату власти, выразившемся в *создании вооруженного формирования* («збор рати»).

Описание указанного преступного деяния в Уложении дано под заметным влиянием литовского правового опыта. Формулировка очень схожа с положением Литовского статута (артикул 3 раздела 1), посвященным одному из проявлений оскорбления величества: «...хотечи кто осести и опановати тое панство Великое князство и господарем на нем быти, и войско – люд служебный збирал, выводил». Составители Уложения считали правильным именно *сбор войска* считать достаточным для наказания смертью проявлением желания завладеть государством.

В то же время для подобного решения было немало оснований и в московском правовом опыте первой половины XVII века, когда наиболее опасные, а главное, результативные проявления «самозванства» были неразрывно связаны с созданием вооруженных формирований («воровской рати»). При этом подход составителей Уложения содержал важные отличия от подхода составителей Литовского статута.

По литовскому праву «сбор войска» считался способом овладения властью в государстве после смерти главы Речи Посполитой и его потомков. Речь шла о тех ситуациях, когда возникала необходимость выборов нового короля, а кто-либо из претендентов стремился повлиять на их итоги путем демонстрации военной силы. Подобные случаи были нередкими в польско-литовской истории и особенно характерными для периодов «безкоролевья» («безкрулья»). Одновременно соответствующее положение Литовского статута было направлено против попыток раскола Речи Посполитой. По этому поводу М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Статут имеет в виду специальный вид политического преступления, свойственный только Литовско-Русскому государству – отделение этого государства от династии польских королей, то есть разрушение Унии» [3, с. 9]. При живом короле Польши, который одновременно был великим князем литовским, подобное развитие событий было невозможно. Поэтому сбор войска с целью овладеть государством рассматривался по литовскому праву как форма оскорбления величества государя *после его смерти*.

Иной подход мы видим в Российском царстве. Его история начала XVII века показала, что и *при живом царе* (Годунов, Шуйский, Романов) появление «самозванца» или иного претендента на престол, располагающего военной силой, представляет серьезную угрозу для царской власти в Москве или «отдельных государствах российского царствия» (например, в Астраханском царстве). Именно поэтому в Уложении 1649 года «сбор рати» рассматривается как посягательство на «Государеву честь» в период царствования Алексея Михайловича («при державе Царского Величества»), а не после его смерти, и смысл этого словосочетания, вопреки мнению М.Ф. Владимирского-Буданова [3, с. 9], вполне очевиден.

Вместе с тем, в указанной норме Уложения может быть обнаружен и иной аспект. Ведь здесь фактически подразумевается бессрочный *запрет на «сбор рати»* во всех случаях, когда на это не имелось указания или разрешения царя. Как следствие это означало и полный *запрет несанкционированных верховной властью военных действий*, то есть запрет внутренней войны.

Иными словами, средневековое право на «частную войну» окончательно упразднилось.

Законной согласно Уложению считалась только такая война, когда «изволит государь кому своему государеву недругу мстити недружбу, и укажет послати на них своих государевых бояр и воевод» (гл. VII, ст. 1). Тем самым война по своему правовому характеру была признана разновидностью «мести», а ее основанием читалась «недружба государю». Внутри страны применение войск и военных мер принуждения разрешалось только по указанию царя против бунтовщиков (участников массовых восстаний и беспорядков) [5, с. 30], которые явно не повинуются царю. Кроме того, в крестоцеловальной записи на верность царю закреплялось предписание «битись с теми людьми», у кого будет «скоп и заговор или иной какой злой умысел на Государя», либо сообщить о таких лицах представителям власти.

Закрепленный в Уложении запрет внутренней несанкционированной войны нашел отражение и в тексте *шертной записи* 1648 года на верность царю, царице и недавно родившемуся царевичу, по которой давали присягу мусульманские подданные [11, с. 440]. Здесь в качестве самостоятельного был выделен запрет «*воинского похода под Государевы города*». Нехристианским подданным Московского царя предписывалось: «...и его Государевых людей не побивать и не грабить, и под его Государевы сибирские и русские города и остроги войною не приходить». О ставших известными преступных намерениях других лиц («на русских людей... скоп и заговор, или иной какой лихой умысел, или воинским людям поход под Государевы города») клянувшийся должен был под страхом возмездия [11, с. 440] сообщить воеводам и приказным людям.

5. Отдельные источники середины XVII века дают некоторую информацию о религиозно-правовом

понимании в России допустимых средств и методов ведения войны.

Так, в ранее упомянутой официально изданной Москвев 1647 года книге «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» говорилось о том, что ратному человеку «подобает быти зеркалу учтивости, чести и чувству» [6, с. 21].

Религиозный образец поведения христианского воинства еще в XVI века был отражен, в частности, в «Валаамской беседе», где противопоставлялись православные и иноверцы (неверные): «Неверные тщатся в ратех на убийство, и на грабление, и на блуд, и на всякую нечистоту своими храбростями и тем хвалятся. А верным воином подобает в войнах быти с царского повеления и стоять противу врагов креста Христова крепко и неподвижно; а к своеверным и в домах их быти кротко, щедро и милостиво, и их не бити, ниже мучити, и грабления не творити, жен и девиц не сквернити, черниц и вдовиц и прочих сирот и всех православных христиан ничем не вредити, да от их слез и воздыхания войском всем зле не постражут» [8, с. 22].

Источники не позволяют говорить о том, что эти увещания сразу привели к заметному изменению военных обычаев. Есть основания полагать, что под влиянием русской церкви только к середине XVII века отношения, связанные с ведением военных действий, получили дополнительную нормативную регламентацию. Война как принудительное средство приобрела действительные ограничения в сфере причинения вреда населению и распоряжения пленными. О сформировавшихся здесь религиозно-правовых запретах свидетельствуют, в частности, вопросы (по Требнику в рукописи XVII века), на которые предлагалось отвечать на исповеди всем лицам, наделенным властными полномочиями («приказным властным»).

Кроме ответа на вопросы о совершении измены («государю крест целовав не изменил ли еси в чем», «не сдал ли еси града сопостатам», «в чью землю отъехать не мыслил ли еси»), обладающим властью лицам предлагалось покаяться, среди прочего, в таких деяниях как:

- «на рати в войске человека повинувшагося пред тобою, вернаго или не вернаго, не убил ли еси»;
- «в ратном деле женьска полу и младенцев не противящихся ти не убивал ли».

Указанные вопросы, по нашему мнению, отражают уже устоявшееся представление о том, что в ходе войны *не разрешается убивать женщин, детей и сдающихся в плен*.

Из вопросов на исповеди следует и недопустимость *изнасилования* пленниц («пленницы жены или девицы или рабы своя блудом не осквернил еси»), а также продажи в *рабство христиан* («вернаго неверным не продал ли еси в работу») и *спекуляции пленными* иноверцами («или невернаго продая пленника купленово, прикупа у нево не имывал ли еси») [1, с. 171].

Таким образом, содержание официально изданного в Москве адаптированного воинского наставления в совокупности с русскими религиозными текстами, крестоцеловальными записями, а также Уложением 1649 года дает основания предположить, что к середине XVII века в Российском царстве сложились собственное понимание справедливой войны, соответствующее основным принципам российской религиозно-правовой системы. Война понималась как «месть царя своим недругам». Войны подразделялись на внутренние и внешние. Справедливыми объявлялись войны против «врагов имени Христова» (иноверцев), а также войны оборонительные. Несанкционированные царем внутренние войны безусловно запрещались. Официально осуждалось убийство при ведении военных действий женщин и детей, убийство и изнасилование пленных, а также спекуляция пленными.

Литература

1. Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям / А.И. Алмазов – Одесса, 1894. – Т. 3: Приложения. – 296 с., 89 с.
2. Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война / Сесили Вероника Веджвуд; Пер. с англ. И.В. Лобанова. – Москва: АСТ, 2013. – 571 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (По поводу «Истории Кодификации» С.В. Пахмана. СПб., 1876) / Владимирский-Буданов М. Ф. // Сборник государственных знаний. Т. 4. – Санкт-Петербург: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1877. – Раздел «Критика и библиография». – С. 3–38.
4. Волков А.А. Обучение ратных людей // Ратные подвиги Древней Руси. / Волков А.А. Москва: Эксмо-Алгоритм, 2010. – 656 с.
5. Голикова Н.Б. Организация политического сыска в России XVI–XVII вв. / Голикова Н.Б. // Государственные учреждения России XVI–XVII вв. – Москва: Изд-во МГУ, 1991. – С. 11–36.
6. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Грабарь В.Э.; Науч. ред.: Батлер У.Э.; Отв. ред. и предисл.: Томсинов В.А. – Москва: Зерцало, 2005. – 888 с.
7. Гроций Г.О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; Пер. с латин. А.Л. Саккетти – Москва: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. – 867 с.
8. Дружинин В. Г., Дьяконов М.А. Беседа преподобных Сергия и Германа валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 10. 1885–1887. Санкт-Петербург, 1889. Отд. 2.

9. Лаппо И.И. Литовский статут в московском переводе-редакции XVII века / Лаппо И.И. // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 49. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1914. – Февраль – С. 209–235.
10. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. / Абрамович Г.В., Ивина Л.И., Маньков А.Г., Миронов Б.Н., и др. – Ленинград: Наука, 1987. – 448 с.
11. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. В 5 т. – Москва: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813–1826, 1894. – Т. 3. – 1822–556 с.
12. Статут Великого княжества Литовского. 1588 года // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. – Материалы– Москва, 1854. – Т. 18. – С. 1–582.
13. Digital modern German text Treaty of Osnabrück. lwl.org. 25 March 2014. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7ae67bbd-64fbd403-9f79831a-74722d776562 /https/ web.archive.org /web/ 20170131085219/ http://www.lwl.org/ westfaelische-geschichte /portal/ Internet/ finde/ langDatensatz.php?urlID=740&url_tabelle=tab_ quelle

IDEAS ABOUT THE RIGHT OF WAR IN THE RUSSIAN KINGDOM ACCORDING TO THE SOURCES OF THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY

Savchenko D.A., Zelenin A.A., Myrzalimov R.M.
Altaj State University; Kemerovo State University

The article presents the results of a study of published sources, which reflect the views of the Russian government in the middle of the XVII century about the just grounds for the outbreak of war and acceptable ways of conducting it. It is noted that the solution of the research task is significantly hampered by the limited sources available to the modern researcher and the absence among them of international legal acts binding on Russia during the period under review, the provisions of which would be directly devoted to the regulation of the law of war and determine the grounds and procedure for the implementation of military coercion.

At the same time, the conclusion is substantiated that, since wars were an integral and significant part of state activity, the decision-making on their beginning and methods of conducting could not but rely on the principled approaches formed in the legal consciousness of the tsar and his entourage, determined by the deeply religious nature of the legal system of the Moscow state. The conclusion is made that the Russian Kingdom has its own understanding of a just war, corresponding to the basic principles of the Russian religious and legal system. The war was understood as “the tsar’s revenge

on his enemies.” The internal wars unauthorized by the tsar were considered prohibited. During the conduct of military operations, the murder of women and children, the murder and rape of prisoners, as well as the profiteering of prisoners were officially condemned.

Keywords: The Russian kingdom, legal representations, war, revenge, prohibitions, the Cathedral Code.

References

1. Almazov A.I. Secret confession in the Eastern Orthodox Church: Experience of external history: Research mainly from manuscripts / A.I. Almazov – Odessa, 1894. – Т. 3: Applications. – 296 pp., 89 pp.
2. Wedgwood S.V. Thirty Years’ War / Cecily Veronica Wedgwood; Per. from English I.V. Lobanova. – Moscow: AST, 2013. – 571 p.
3. Vladimirsky-Budanov M.F. Relations between the Lithuanian Statute and the Code of Tsar Alexei Mikhailovich (Regarding the “History of Codification” by S.V. Pakhman. St. Petersburg, 1876) / Vladimirsky-Budanov M. F. // Collection of state knowledge. Т. 4. – St. Petersburg: Publishing house. D.E. Kozhanchikova, 1877. – Section “Criticism and Bibliography”. – P. 3–38.
4. Volkov A.A. Training of military people // Military feats of Ancient Rus’. / Volkov A.A. Moscow: Eksmo-Algorithm, 2010. – 656 p.
5. Golikova N.B. Organization of political investigation in Russia in the 16th-17th centuries. / Golikova N.B. // State institutions of Russia in the 16th-18th centuries. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1991. – P. 11–36.
6. Grabar V.E. Materials on the history of literature of international law in Russia (1647–1917) / Grabar V.E.; Scientific ed.: Butler W.E.; Rep. ed. and preface: Tomsinov V.A. – Moscow: Zertsalo, 2005. – 888 p.
7. Grotius G. On the law of war and peace: Three books that explain natural law and the law of peoples, as well as the principles of public law / Hugo Grotius; Per. from Latin A.L. Sacchetti – Moscow: Scientific-ed. center “Ladomir”, 1994. – 867 p.
8. Druzhinin V. G., Dyakonov M.A. Conversation of the Venerable Sergius and Herman of Valaam Wonderworkers. Apocryphal monument of the 16th century. // Chronicle of the activities of the Archaeographic Commission. Vol. 10. 1885–1887. St. Petersburg, 1889. Dept. 2.
9. Lappo I.I. Lithuanian statute in the Moscow translation-edition of the 17th century / Lappo I.I. // Journal of the Ministry of Public Education. New episode. Part 49. – St. Petersburg: Senate type., 1914. – February – P. 209–235.
10. Council Code of 1649: Text. Comments. / Abramovich G.V., Ivina L.I., Mankov A.G., Mironov B.N., etc. – Leningrad: Nauka, 1987. – 448 p.
11. Collection of state charters and agreements stored in the State Collegium of Foreign Affairs. In 5 volumes – Moscow: Type. N.S. Vsevolozhsky, 1813–1826, 1894. – Т. 3. – 1822–556 p.
12. Statute of the Grand Duchy of Lithuania. 1588 // Temporary journal of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities. – Materials – Moscow, 1854. – Т. 18. – P. 1–582.
13. Digital modern German text Treaty of Osnabrück. lwl.org. 25 March 2014. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7ae67bbd-64fbd403-9f79831a-74722d776562 /https/ web.archive.org /web/ 20170131085219/ http://www.lwl.org/ westfaelische-geschichte /portal/ Internet/ finde/ langDatensatz.php?urlID=740&url_tabelle=tab_ quelle

Сорокин Виталий Викторович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет
E-mail: sorokin.v.v@yandex.ru

Савченко Дмитрий Александрович,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет
E-mail: kaftigip@law.asu.ru

Мырзалимов Руслан Муратбекович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет
E-mail: Rrd231@rambler.ru

Автор статьи утверждает, что в процессе толкования права подлежит выявлению не воля законодателя, а дух права. Между тем в толковании права главное – оптимальное отношение познающего субъекта к познаваемому объекту, имеющая результатом постижение искомым смыслов. Толкуемая норма – лишь повод для обнаружения смысла. При отрицании духа права правовая система общества перестает отвечать элементарным психологическим требованиям формирования правового сознания человека, его совершенствования и духовного здоровья. При господстве догматического, позитивистского подхода к праву вообще невозможно понять, как право функционирует и достигает регулятивного эффекта. Право, будучи явлением духа, во всей своей глубине не может быть понято на основе применения рационалистических методов. Правоведение, адекватно воспринимающее субординацию между духом права и буквой закона, предостерегает от искушения рассматривать право как сферу, независимую от духовных абсолютов. Действующее право не совсем то, что изложено в текстах нормативных актов. Различение духа права и буквы закона, поэтому требует особых видов толкования текстов (буквальное, расширительное, ограничительное), также аналогии права и аналогии закона. В силу своего рационального и государственного характера регулятивность закона имеет ограниченные возможности, в то время как регулятивность духа права гораздо богаче по содержанию и величине социальной энергии, поскольку в формировании реальных юридических решений принимают участие высшие инстанции правовой психологии. Существует целый ряд отношений, которые не поддаются регламентации при помощи буквы закона, но в то же время регулируются духом права, имеют правовое выражение и измерение. Таким образом, буква закона есть лишь один из моментов осуществления духа права.

Ключевые слова: толкование права, внутреннее убеждение, правовая оценка, истина, буква закона, формализм, духовно-нравственный подход, правовая психология, правовая культура, судебское усмотрение.

Абстрактный характер правовых норм объективно обуславливает известную неопределенность в их практической реализации, поскольку всегда возникает вопрос о том, что следует считать правильным в конкретной ситуации. При этом следует учитывать все многообразие факторов, немаловажную роль среди которых играет психология человека и мотивы, которыми он руководствуется. Следует учитывать и то обстоятельство, что любое слово характеризуется семантическим разнообразием значений и может иметь различную смысловую нагрузку.

Значительный простор толкования обеспечивает и индивидуально-правовое регулирование. Благодаря нему, в частности, получают распространение разного рода положения (ситуационные, альтернативные, факультативные и пр.), применение которых зависит от усмотрения субъекта.

Сошлемся на мнение Президента США Вудро Вильсона, считавшего, что граждане США всегда были связаны не столько «буквой закона», сколько их практическим толкованием, а оно, в свою очередь, зависело от особенностей переживаемой ситуации [5, с. 412].

Вместе с тем, в судебной практике РФ объективно сложилась ситуация, когда любого рода оценочные категории, равно как и общие принципы права, фактически не находят практического применения [25, с. 115]. Доказательством правомерности этого суждения являются, в частности, разъяснения практики применения законодательства, содержащиеся в Постановлениях Пленумов ВС РФ. Впрочем, данную ситуацию мы можем наблюдать и в деятельности органов исполнительной власти, представители которой, всегда продолжают придерживаться «буквы закона», даже в тех случаях, когда существует общественный запрос на более гибкий подход.

Для нас очевидно, что подлинная цель толкования права заключается в обеспечении оптимального отношения субъекта толкования к объекту, подлежащему таковому. В результате толкуемая норма имеет значение лишь для постижения искомого смысла, она, по сути, не более чем повод для его обнаружения. При этом предметом толкования является духовное и нравственное содержание толкуемой нормы, а вовсе не воля законодателя. В результате становится предельно ясно, что правосудие становится таковым лишь в том случае, когда основано на подлинно нравственной и, соответственно, религиозной основе. Таким образом, закон представляет собой своего рода шаблон, один из тех, которым следует большинство обывателей, в то время как смысл права – гораздо выше и заключается в его живом духе.

Характер правовой действительности в любом обществе детерминируется качеством состояния духовной жизни социума. Правовая действительность, в свою очередь, обеспечивает качественные условия реализации творческого начала для субъектов права и воздействует на качественную динамику развития правовой культуры. Таким образом, в роли реального создателя правовых традиций выступает не сам нормативный правовой акт, а именно «дух права», выражающий правовую реальность в человеческом бытии. Он имеет надпозитивный характер, и, в случаях пренебрежительного отношения к духовной природе права, может покинуть даже самое совершенное нормативное «тело».

Содержание государственных законов может характеризоваться пробельностью, противоречивостью и даже сложностью восприятия – именно в этих случаях на первый план выступает «дух права», способствующий адекватному восприятию всего сущего правовым сознанием, обеспечивающий разумные и целесообразные действия субъектов.

«Дух права» представляет собой системную основу общественного правосознания. Именно он обеспечивает органическое единство и полноту форм права. Поэтому значение любого юридического закона находится в прямой зависимости от того, в какой степени в нем выражается универсальный дух права.

В таком понимании образ права, воздействующий на сознание человека и его действия, сопоставим с искусством. Данное сравнение вполне приемлемо и в силу того, что, в праве, как и в искусстве, внешнюю форму невозможно рассматривать отдельно от сути.

В силу того, что «дух права» главенствует над «буквой закона», представляется невозможным ощутить существование права на исключительно предметно-материальном уровне. Такая возможность формируется лишь на духовном, психологическом уровне, вне которого право утрачивает характеристики явления бытия.

Сказанное выше способствует кардинальной переоценке общественной роли юриста. Служение Фемиде предстает в качестве разновидности духовной деятельности. В результате профессиональные качества юриста необходимо оценивать не столько с позиций уровня его теоретических познаний, сколько с позиции эффективности приложения этих познаний к общественному служению, преодоления зла в собственном духе и возможности трансляции собственной духовности другим.

Право, безусловно, выступает в роли важнейшего из способов бытия человека и общества, однако, эта роль может быть реализована лишь тогда, когда оно остается явлением духа в общественной практике. Тогда его содержание приобретает внешнюю и внутреннюю самостоятельность, независимость от содержания политического, экономического, социокультурного: простое оформление экономико-политических процессов юридически-

ми средствами представляет собой не право, а его имитацию, внешнюю видимость.

В результате можно прийти к выводу о том, что пробелов в праве объективно существовать не может, поскольку свойство пробельности присуще исключительно нормативному массиву. В силу этого все правоприменители призваны изыскивать правовой смысл руководствуясь «духом права», но не восполнять право. При этом правоприменителям следует помнить о том, что в поиске смысла необходимо обнаружить единственную истину. Предположение об их множественности означало бы их ложность и абсурдность создаваемой ими действительности. Поиск истины, таким образом, имеет целью обнаружение абсолютной правды, не являющейся предметом чьего-либо договора.

Изучение обстоятельств дела представляет собой объект внутреннего убеждения правоприменителя. Это внутреннее убеждение невозможно регулировать нормой права: так, в противном случае, принцип независимости судей может быть низведен до презумпции, и даже фикции, препятствующей реализации гражданских прав и свобод. Не случайно в процессуальном законодательстве судья ограничен лишь указаниями на силу доказательств и порядком доказывания. Остальное предоставляется его совести, и психологический склад личности становится определяющим фактором при вынесении соответствующего судебного решения.

Автономия воли судьи обеспечивается, в частности, принципом свободной оценки доказательств согласно внутреннему его убеждению. В данном случае представляет значительный интерес слово «внутреннее»: оно автоматически приковывает внимание к психической деятельности участников процесса. Согласимся с И.А. Исаевым, утверждавшим, что «человеческое начало» интегрировано в нормотворческую сферу, благодаря, в первую очередь, искусству толкования [11, с. 23].

Характеризуя феномен внутреннего убеждения судей, сошлемся на одну из его трактовок, приведенных М.С. Строговичем¹. Согласно этой позиции внутреннее убеждение судей представляет собой основной критерий оценки доказательств. Таким образом, оценка достоверности доказательств основывается, в первую очередь, на убежденности суда в этой достоверности, а не на качестве этих доказательств [24, с. 15]. Примечательно, что сам исследователь так и не предложил собственного определения внутреннего убеждения.

Обратим внимание и на исследовательскую позицию А.Я. Вышинского, утверждавшего, что установление абсолютной истины не является целью судебного решения, и, в силу конкретных условий, судья должен выносить решение, основываясь

¹ Последний, впрочем, характеризовал этот подход как классическую «теорию внутреннего судебного убеждения, данную в буржуазных уголовно-процессуальных кодексах и в большинстве буржуазных трудов по теории уголовного процесса [Прим. авторов].

на предположении о максимальной достоверности фактов, подлежащих его оцениванию [7, с. 5]¹.

К сожалению, противопоставление внутреннего убеждения и абсолютной истины, представляющее, на наш взгляд, вредную крайность и проявление релятивистского подхода, сторонникам которого, в принципе, не следует использовать категорию «истина», имеет место и в сегодняшние дни.

Так, по мнению Ю.В. Кореневского, лишь внутреннее убеждение судьи, прокурора и следователя имеет значение. Абсолютную истину установить невозможно, эта истина известна им лишь в их собственных представлениях. Поскольку нет никаких объективных критериев установления истины, лежащих за пределом сознания правоприменителя, задача последнего заключается лишь в том, чтобы решить, правильно ли это его представление [10, с. 154–155].

Менее категоричен в своих суждениях Т. Хилл, однако и он считает возможным рассматривать в качестве основного критерия истины «интеллектуальное удовлетворение» правоприменителя [29, с. 104].

Отдельной характеристики заслуживает термин «беспристрастность». Полагаем, что возможность наличия этого качества у судьи представляет собой чистой воды фикцию. Карьерист в судейском кресле всегда будет придерживаться наиболее безопасной для его карьерного роста позиции, пусть даже если в результате вынесенного решения пострадает безвинный. Напротив, судья, характеризующийся высокими нравственными качествами, не сможет сохранить беспристрастность, будучи сторонником той стороны, за которой истина.

По мнению ряда исследователей, внутреннее убеждение представляет собой специфическую категорию правосознания, означающую отсутствие у судьи сомнений в истинности правовых предписаний» [9, с. 5]. При этом обратим внимание на дискуссионный характер термина «внутреннее». По мнению В.И. Телятникова, характеристики личности судьи не имеют к этому термину отношения [26, с. 40]. Большинство же авторов, занимавшихся разработкой данной проблемы, исходят из того, что внутренний мир правоприменителя определяет его внутреннее убеждение и, соответственно, целевую направленность его действий [3; 23].

Мы, в свою очередь, солидарны именно с этой позицией – представить себе принятие правосудного решения от заведомо не порядочного человека, по меньшей степени, глупо.

С точки зрения психологии, по мнению Л.С. Халдеева, внутреннее убеждение представляет собой не только абсолютную уверенность правоприменителя в правильности сделанных им выводов и заключений, но и следование голосу совести [27, с. 39]. Л.М. Карнеева, в свою очередь, отмечает значимость внутреннего убеждения с точки зре-

ния дальнейшего развития процесса: поскольку в силу внутреннего убеждения субъект доказывания не сомневается в правильности принятого им решения, это решение становится предпосылкой продолжения процесса. Внутреннее убеждение здесь является стимулом к дальнейшим волевым действиям правоприменителя [12, с. 33].

Одним из существенных элементов внутреннего убеждения является судейское усмотрение [2; 17; 16; 18; 21]. По мнению некоторых исследователей, основаниями использования последнего в правоприменительной деятельности являются, помимо диспозитивных правовых норм и альтернативных санкций норм императивных, оценочные понятия, относительные определения и юридические коллизии [14, с. 3]. Используя судейское усмотрение правоприменитель не занимается формированием новых норм права, но определяя права и обязанности участников процесса, по сути, созидает право.

Так, по словам Р. Йеринга, стороны «...отыскивают право перед судьей» [1, с. 89]. Со своей стороны, А.Ф. Кони отмечал, что практическая деятельность судьи характеризуется конвергенцией юридических и нравственных начал, что нравственный закон также основан на определенных требованиях, к числу которых относятся нравственная чуткость судьи, его жизненный опыт, духовное саморазвитие, и, основанное на «голосе совести», стремление к справедливости. Поскольку истина, которую должен установить суд имеет объективный характер, а судейское усмотрение субъективно, установление истины – чрезвычайно сложная задача, требующая абсолютной концентрации душевных сил [13, с. 342].

В трудах И.А. Покровского можно обнаружить следующее суждение: «Несмотря на всякие учения о безусловном главенстве закона, в действительности судья никогда не был и никогда не может стать простым механическим применителем закона, логической машиной, автоматически выбрасывающей свои решения. Его деятельность всегда имеет творческий элемент, и игнорировать этот последний значит также создавать себе вредную фикцию, закрывать глаза перед неустранимой реальностью» [22, с. 70–71].

Духовные качества профессионального юриста – это основа нравственной юриспруденции, соответственно, именно нравственные качества судьи, в качестве водораздела между усмотрением и произволом, детерминируют постулаты правосудия. Нравственные качества правоприменителя усиливают регулятивное значение правовых предписаний, что не может не свидетельствовать о правоте утверждения о том, что социальная ценность права, как социального института, зависит от нравственной состоятельности общества.

Лишенный абсолютных нравственных опор, ум неизбежно выпускает продукцию не чистую, ошибочную. Обман возрастает вместе с самомнением, которое обычно сопровождается доверием к собственной способности суждения, нежеланием и неумением проверять и видеть свои ошибки. Это свя-

¹ Позицию эту, тем более, не следует игнорировать в силу хотя бы того обстоятельства, что именно она предопределила повышение уровня репрессивности в обществе в известный период отечественной истории [Прим. авторов].

зано с не ориентированностью и отсутствием безошибочных критериев. Критерии, условия и способы чистой проверки в поисках не искаженности истины и ориентиры, облегчающие возможность точных выборов путей, должны быть объективными. Поэтому юрист-правоприменитель начинает более или менее точно ориентироваться и проверять себя, только когда он принимает и применяет принципы права и в юридической деятельности и в повседневной практике своей жизни. Чем менее субъект права ориентирован, тем очевиднее в нем действуют глупость и неразумие, то есть различные виды слабости ума. Слабоумие клиническое – вещь относительно редкая, но слабоумие бытовое встречается на каждом шагу. Причина – в неискании истины, другими словами – в игнорировании нравственных абсолютов. Субъект права, не ищущий истины в этом смысле слова, тем самым не исполняет своего предназначения. И именно по этой причине в юридической сфере он совершает целый ряд подмен, которые ему услужливо подсовываются, в частности – так называемым общественным мнением.

То, к каким вредоносным подменам приводит отказ от нравственных абсолютов демонстрирует следующая цитата из работ А.Я. Вышинского: «революционная законность требует гибкого и, так сказать, свободного (что не значит произвольного) отношения к закону. Не буква закона, не юридическое крючкотворство, не слепое подобострастное преклонение перед законом, а творческое отношение к закону, такое отношение, когда требования закона (то есть тех юридических формул, в которых он выражен) корректируются пониманием цели, которой он призван служить. ...Единственной гарантией от извращений, единственным средством, способным предохранять от каких-либо ошибок, является правильное понимание и правильное осуществление генеральной линии нашей партии» [8, с. 28].

В.В. Мельник в качестве критерия обнаружения истины по делу называл здравый смысл, однако критерии самого здравого смысла выразил в неясных формулировках, как умное, рассудительное мышление предусмотрительного, добропорядочного, законопослушного, нравственно опрятного человека, для которого характерен серьезный, ответственный, осторожный, взвешенный, тщательно и всесторонне продуманный системный подход к принятию важных практических решений, к определению целей, задач, путей, средств и способов их достижения с учетом складывающейся обстановки [19, с. 140]. Представляется, что количеством эпитетов данную проблему решить не удастся.

Понятия добросовестности, разумности, целесообразности оказываются отвлеченными категориями с неявным содержанием при использовании судьейского усмотрения. Их значение тогда обретает явный смысл, когда правоприменитель реализует общепризнанные принципы права.

В.Г. Ярославцев на вопрос: где же проходит граница между допустимым усмотрением судьи и про-

изволом с его стороны? отвечает следующим образом: «эта граница исключительно в душе самого судьи как человека, в его нравственных качествах. Совестьливость судьи – неотъемлемая интегральная основа законного и справедливого решения» [28, с. 188]. Для того, чтобы внутреннее убеждение не перешло в личный произвол, право не может связать судью легальными правилами, а лишь исходит из презумпции, что каждый судья нравственен. Если же на практике это не так, тем хуже и для истины, и для сторон процесса.

И еще раз о совести. В соответствии с нормами действующего Уголовно-процессуального кодекса, принятого в 2001 г., не только судьи и присяжные заседатели, но и представители обвинения, органов следствия и дознания, должны оценивать доказательства, не имеющие заранее установленной силы, по своему внутреннему убеждению, которое, в свою очередь, должно быть основано не только на их качестве, но и на законе и совести¹. Совесть, таким образом, играет ключевую роль встраивании внутреннего убеждения.

Ясно одно: обязательность воли правоприменителя, оценивающего спорную ситуацию, чья оценка подлежащих применению правовых норм доминирует над всеми остальными, налагает на него огромную ответственность, которая по плечу не каждому [15, с. 371]. Для того, чтобы выявить истину по тому, или иному юридическому делу, правоприменителю необходимо использовать определенные механизмы ее интерпретации, которые, по мнению Е.В. Васьковского, есть ни что иное, как совокупность приемов, применяемых к порождению человеческого духа, с единственной целью – понять их [4, с. 30]. С нашей точки зрения, доверие к человеческому духу допустимо в тех случаях, когда он не предоставлен себе самому, а демонстрирует приверженность к непреходящим гуманитарным, нравственным ценностям. В такой ситуации, для действий правоприменителя общие принципы права представляют собой самый достоверный нравственный ориентир.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II. М.: Мысль, 1999. 554 с.
2. Барак А. Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999. 364 с.
3. Бохан В.Ф. Психологический анализ содержания судейского убеждения // Вопросы судебной психологии. Вып. 1. Минск: БГУ, 1972. 172 с.
4. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. 128 с;
5. Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М.: Изд. В.М. Саблина, 1905. 800 с.
6. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психоло-

¹ ст. 17 УПК РФ [Прим. авторов].

- логический журнал. 2004. Том 25. № 5. С. 16–31.
7. Вышинский А.Я. Доклад на открытом собрании ячейки ВКП (б) НКЮ РСФСР 15.12.1931 г. в связи с письмом тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Советская юстиция. 1932. № 1. С. 3–13.
 8. Вышинский А.Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 21–36.
 9. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судебного убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1975. 144 с.
 10. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. Под ред.: Власихин В.А. М.: Юрист, 2000. 272 с.
 11. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М.: Проспект, 2015. 364 с.
 12. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1988. 68 с.
 13. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт-Издат, 2013. 589 с.
 14. Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности (общетеоретический и нравственно-правовой аспекты). Автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2009. 34 с.
 15. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. 143 с.
 16. Лазерсон М. Свободное судебное усмотрение // Право. Еженедельная юридическая газета. 1911. № 52. С. 2967–2974.
 17. Люблинский П.И. Судейское усмотрение // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 10. 234 с.;
 18. Марфицин Е.Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. 418 с.
 19. Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М.: Дело, 2000. 496 с.
 20. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 24–26.
 21. Папкина О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 413 с.
 22. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2016. 351 с.
 23. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. 118 с.
 24. Строгович М.С. Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе // Советская юстиция. 1936. № 22. С. 15–25.
 25. Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6. С. 115–118.
 26. Телятников В.И. Убеждение судьи. СПб.: Юридический центр, 2004. 336 с.

27. Халдеев Л.С. Судья в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2000. 500 с.
28. Ярославцев В.Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество. М.: Юстицинформ, 2007. 500 с.
29. Hill T. The evolution of modern Psychology. New York, 2002. 214 p.

THE SPIRIT OF LAW IS A FACTOR IN THE INTERPRETATION OF LEGAL ACTS

Savchenko D.A., Sorokin V.V., Myrzalimov R.M.
Altaj State University

The author of the article argues that in the process of interpreting the law, it is not the will of the legislator that is to be revealed, but the spirit of the law. Meanwhile, in the interpretation of law, the main thing is the optimal relationship of the cognizing subject to the cognizable object, which results in the comprehension of the sought meanings. The interpreted norm is only a reason for discovering meaning. When the spirit of law is denied, the legal system of society ceases to meet the elementary psychological requirements for the formation of a person's legal consciousness, its improvement and spiritual health. Under the dominance of a dogmatic, positivist approach to law, it is generally impossible to understand how law functions and achieves a regulatory effect. Law, being a phenomenon of the spirit, cannot be understood in all its depth on the basis of the application of rationalistic methods. Jurisprudence, which adequately perceives the subordination between the spirit of law and the letter of the law, warns against the temptation to view law as a sphere independent of spiritual absolutes. The current law is not exactly what is set out in the texts of regulations. The distinction between the spirit of law and the letter of the law therefore requires special types of interpretation of texts (literal, expansive, restrictive), as well as analogies of law and analogies of law. Due to its rational and state nature, the regulatory nature of the law has limited capabilities, while the regulatory spirit of the law is much richer in content and amount of social energy, since the highest authorities of legal psychology take part in the formation of real legal decisions. There is a whole series of relations that cannot be regulated by the letter of the law, but at the same time are regulated by the spirit of law and have legal expression and measurement. Thus, the letter of the law is only one of the moments of the implementation of the spirit of law.

Keywords: interpretation of law, inner conviction, legal assessment, truth, letter of the law, formalism, spiritual and moral approach, legal psychology, legal culture, judicial discretion.

References

1. Anthology of world legal thought: in 5 volumes. T. II. M.: Mysl, 1999. 554 p.
2. Barak A. Judicial discretion. M.: NORM, 1999. 364 p.
3. Bokhan V.F. Psychological analysis of the content of judicial conviction // Questions of forensic psychology. Vol. 1. Minsk: BSU, 1972. 172 p.
4. Vaskovsky E.V. A guide to the interpretation and application of laws. M.: Legal Bureau «GORODETS», 1997. 128 p.
5. Wilson V. State. Past and present of constitutional institutions. M.: Publishing house. V.M. Sablina, 1905. 800 p.
6. Volovikova M.I. Moral and legal ideas in the Russian mentality // Psychological Journal. 2004. Volume 25. No. 5. P. 16–31
7. Vyshinsky A. Ya. Report at an open meeting of the CPSU (b) cell of the People's Commissariat of the RSFSR on December 15, 1931 in connection with the letter of Comrade. Stalin to the editors of the magazine "Proletarian Revolution" // Soviet Justice. 1932. No. 1. P. 3–13.
8. Vyshinsky A. Ya. Problems of assessing evidence in Soviet criminal proceedings // Socialist legality. 1936. No. 7. P. 21–36.
9. Groshevoy Yu.M. Problems of formation of judicial persuasion in criminal proceedings. Kharkov: Vishcha school. Publishing house at Khark. Univ., 1975. 144 p.
10. Evidence in criminal proceedings. Tradition and modernity. Edited by: Vlasikhin V.A. M.: Yurist, 2000. 272 p.
11. Isaev I.A. The shadow side of the law. Irrational in law. M.: Prospekt, 2015. 364 p.

12. Karneeva L.M. Evidence in the Soviet criminal process. Volgograd: Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. 68 p.
13. Koni A.F. Selected works and speeches. M.: Yurayt-Izdat, 2013. 589 p.
14. Korablina O.V. Discretion in law enforcement activities (general theoretical and moral and legal aspects). Author's abstract. dis. ... Ph.D. Saratov, 2009. 34 p.
15. Lazarev V.V. Social and psychological aspects of the application of law. Kazan: Kazan University Publishing House, 1982. 143 p.
16. Lazerson M. Free judicial discretion // Law. Weekly legal newspaper. 1911. No. 52. P. 2967–2974.
17. Lyublinsky P.I. Judicial discretion // Journal of the Ministry of Justice. 1904. No. 10. 234 p.
18. Marfitsin E.G. Investigator's discretion (Criminal procedural aspect): dis. ... Doctor of Law. Sci. Omsk, 2003. 418 p.
19. Melnik V.V. The art of proof in adversarial criminal proceedings. M.: Delo, 2000. 496 p.
20. Nevvazhay I.D. Types of legal culture and forms of legal consciousness // Jurisprudence. 2000. No. 2. P. 24–26.
21. Papkova O.A. Discretion of the court. M.: Statute, 2005. 413 p.
22. Pokrovsky I.A. Basic problems of civil law. M.: Statute, 2016. 351 p.
23. Reznik G.M. Inner conviction when assessing evidence. M.: Legal. lit., 1977. 118 p.
24. Strogovich M.S. Basic issues of assessing evidence in criminal proceedings // Soviet justice. 1936. No. 22. P. 15–25.
25. Suslov V.V. Hermeneutics and legal interpretation // State and law. 1997. No. 6. P. 115–118.
26. Telyatnikov V.I. The judge's conviction. St. Petersburg: Legal Center, 2004. 336 p.
27. Khaldeev L.S. Judge in criminal proceedings. M.: Yurayt, 2000. 500 p.
28. Yaroslavtsev V.G. Moral justice and judicial law-making. M.: Justitsinform, 2007. 500 p.
29. Hill T. The evolution of modern Psychology. New York, 2002. 214 p.

Особенности правового регулирования оптового рынка электроэнергии

Бобьякова Полина Викторовна,

студент, направление подготовки магистров, Тамбовский государственный технический университет
E-mail: p.bobyakova@mail.ru

В статье рассматривается оптовый рынок как базовый субъект в сфере энергоснабжения. В состав субъектов оптового рынка электроэнергии входят поставщики – генерирующие компании, и покупатели – энергосбытовые организации, гарантирующие поставщики, а также в отдельных случаях крупные покупатели электроэнергии. Особыми субъектами оптового рынка являются совет рынка, коммерческий оператор и центр финансовых расчетов. Сложившиеся правоотношения на оптовом рынке электроэнергии достаточно разнообразные и имеют свою специфику. Администратор торговой сети оптового рынка электроэнергии (субъект-администратор электроэнергетической оптово-рыночной системы торгового типа) является наиболее значимым субъектом электроэнергетического оптово-рыночного сегмента. Действующие на российской территории законодательные предписания регламентируют конкретизированные специфические черты, присущие имеющемуся у Администратора торговой сети оптового рынка электроэнергии статуса с точки зрения права. В законодательстве соответствующие положения закреплены с определенной целью, которая состоит, в том числе, в поддержание равновесия между интересами субъектов-приобретателей и субъектов-продавцов (субъектов-поставщиков) электроэнергии, равнозначной среды для каждого рыночного субъекта, предупреждении злоупотреблений статусом «монополист» Администратора торговой сети оптового рынка электроэнергии, а также для обеспечения контроля/надзора за действиями и функционированием данного субъекта. Основная форма Администратора торговой сети оптового рынка электроэнергии – НКО (организация некоммерческого типа) в виде некоммерческого партнерского образования. Данный оптово-рыночный субъект создается на базе членства других оптово-рыночных субъектов в рамках соответствующего сектора.

Ключевые слова: оптовый рынок электроэнергии, электроэнергетический оптово-рыночный сегмент, услуги по передаче электроэнергии.

На сегодняшний день оптовый рынок является базовым субъектом в сфере энергоснабжения. Правовое закрепление в законодательстве основано на Правилах оптового рынка электрической энергии и мощности утвержденными постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 1172¹ (далее – Правила оптового рынка), а также главой № 6 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»² (далее – Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»).

В состав субъектов оптового рынка электроэнергии входят поставщики – генерирующие компании, и покупатели – энергосбытовые организации, гарантирующие поставщики, а также в отдельных случаях крупные покупатели электроэнергии. Особыми субъектами оптового рынка являются совет рынка, коммерческий оператор и центр финансовых расчетов.

У каждого из субъектов оптового рынка электроэнергии свой круг обязанностей.

1. В перечень обязательств системного субъекта-оператора входит диспетчерское (технологическое оперативное) управление централизованного типа ЕЭС РФ в режиме 24/7 (круглосуточном), в том числе: на основании предоставляемого данным субъектом указания в режиме 24/7 производится смена функционального состояния/режимов составляющих энергетической системы (деактивация/активация передающих электрическую энергию линий, запуск/приостановка функционирования имеющихся на электрических станциях агрегатов, осуществление рабочих мероприятий из категории «профилактические», покрытие нагрузок из разряда «пиковые» и пр.).

2. В сферу ответственности коммерческого субъекта-оператора и рыночного совета входят такие обязанности, как поддержание подходящих функциональных режимов оптово-рыночных субъектов в среде их одновременной рабочей деятельности путем исполнения отраженных в со-

¹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (ред. от 29.07.2023) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» (ред. от 08.08.2023) // КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112537/

² Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 04.08.2023 № 489 – ФЗ) // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 31 марта 2003 г. № 13 ст. 1177.

глашении обязательств. Кроме того, они производят перераспределение платежных сумм по факту и плановых, руководствуясь документами-актами передачи/приема электрической энергии, а также регламентированным порядком формирования ее стоимости, вследствие чего предоставляют субъектам-покупателям и субъектам-поставщикам информацию, полученную в ходе осуществления соответствующих расчетных операций.

3. Предприятие, занимающееся координацией всей общероссийской электросети, несет ответственность за содержание/обслуживание действующих электросетей и обеспечивает их использование и состояние, согласно действующим нормативам поддержания безопасности. С технологической позиции направляет электроэнергию агрегат-генератор. Учитывая данное обстоятельство, можно сформулировать умозаключение о том, что наименование соглашения по предоставлению услуг по передаче электроэнергии обладает достаточно условным характером, потому что данная организация, учитывая технологическое решение процесса, способна только поддерживать связанный с передачей электрической энергии процесс, благодаря сохранению работоспособного состояния электросети.

АТС ОРЭ (субъект-администратор электроэнергетической оптово-рыночной системы торгового типа) является наиболее значимым субъектом электроэнергетического оптово-рыночного сегмента.

Перед формированием данного субъекта стоит главная цель, заключающаяся в обеспечении продажи/купли в рамках рассматриваемого рыночного сегмента. Чтобы представленная выше цель была в полной мере достигнута, законодательный акт федерального значения, посвященный сфере электрической энергетики, определяет ряд функциональных задач АТС ОРЭ. При этом, диапазон данных функциональных задач обладает исчерпывающим характером.

Действующие на российской территории законодательные предписания воспевают другим субъектами электроэнергетического оптово-рыночного сегмента реализовывать закрепленные за АТС ОРЭ функции. Другим подтверждением данного фактора можно назвать существование только у АТС ОРЭ возможности формировать свои организационно-структурные единицы зонального уровня в границах конкретных энергозон с низкой величиной индикатора пропускной способности коммуникационной линии взаимодействия с Единой общероссийской энергосистемой. Соответствующая информация приведена в содержании Основных ориентиров реформы российской сферы электрической энергетики, которые прошли одобрение на основании изданного российским Правительством Постановления № -526 от 11.07.2001 года)¹.

¹ Постановление Правительства РФ от 11.07.2001 № 526 (ред. от 20.03.2013) «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал

Действующие на российской территории законодательные предписания регламентируют конкретизированные специфические черты, присущие имеющемуся у АТС ОРЭ статуса с точки зрения права. В законодательстве соответствующие положения закреплены с определенной целью, которая состоит, в том числе, в поддержание равновесия между интересами субъектов-приобретателей и субъектов-продавцов (субъектов-поставщиков) электроэнергии, равнозначной среды для каждого рыночного субъекта, предупреждении злоупотреблений статусом «монополист» АТС ОРЭ, а также для обеспечения контроля/надзора за действиями и функционированием данного субъекта.

Основная форма АТС ОРЭ – НКО (организация некоммерческого типа) в виде некоммерческого партнерского образования. Данный оптово-рыночный субъект создается на базе членства других оптово-рыночных субъектов в рамках соответствующего сектора.

Физические лица (включая ИП) и предприятия, не имеющие статуса участников электроэнергетического оптово-рыночного сегмента, лишены какой-либо возможности играть роль субъектов-участников АТС ОРЭ.

В контексте настоящей исследовательской работы целесообразно привести указание на то обстоятельство, что на данный момент нет четкого варианта разрешения вопроса о том, могут ли МО (образования муниципального типа), российские субъекты и РФ участвовать в ряду членов данного партнерского образования некоммерческого типа. Вместе с тем, данное партнерство за ключевую цель собственного функционирования не должно рассматривать извлечение финансовых выгод и перераспределение извлеченной финансовой прибыли среди субъектов-участников. По этой причине организация коммерческого типа не вправе реализовывать функциональные обязанности АТС ОРЭ.

С точки зрения других субъектов-участников электроэнергетического оптово-рыночного сегмента особую заинтересованность вызывают такие реализуемые АТС ОРЭ функциональные обязанности:

- принятие непосредственного участия в выработке и согласовании проектной версии правил-норм электроэнергетического оптово-рыночного сегмента, а также предложений-рекомендаций, касающихся их дополнения и корректировки;
- организация и реализация контроля/надзора относительно исполнения правил-норм электроэнергетического оптово-рыночного сегмента. Соответствующие положения закреплены в диспозиции пункта 2 статьи 31 и пункта 3 статьи 33 законодательного акта федерального значения, посвященного электроэнергетической сфере.

правовой информации, 26.03.2013 <https://zakonbase.ru/content/base/280967/>

Таким образом, субъекты-участники электроэнергетического оптово-рыночного сегмента с помощью партнерской структуры некоммерческого типа имеют возможность принимать активное и непосредственное участие в формировании и обеспечении нового электроэнергетического оптово-рыночного сегмента.

Стоит более подробно ознакомиться с практикой работы судом касаясь деятельности, осуществляемой субъектами электроэнергетического оптово-рыночного сегмента.

Так, в содержании изданного Девятым арбитражным судом апелляции Постановления № -09АП-88754/21 от 21.04.2022 года в рамках делопроизводства № -А40–208845/2021 указано, что компании АО «ЦФР» и АО «Барнаульская ТЭЦ-3» подписали друг с другом комиссионное соглашение относительно реализации электроэнергетических ресурсов на основании конечных итогов выборки конкурентного характера заявок с целью оптимизации/балансировки системного комплекса № -0414-ВМА-У-КМ-14 от 25 июля 2014-го года, а также комиссионное соглашение по поводу реализации электроэнергетических ресурсов на основании конечных итогов выборки конкурентного характера стоимостных заявок вперед на сутки № -0414-RSV-У-КМ-14 от 25 июля 2014-го года.

Для реализации положений данных соглашений Публичное акционерное общество «Россети Северный Кавказ» и Акционерное общество «ЦФР» подписали друг с другом соглашение по реализации/приобретению электроэнергии на основании выборки конкурентного характера заявок для балансировки/оптимизации системного комплекса № -0523-ВМАУ-КР-15 от 26 ноября 2015-го года, а также соглашение приобретения/реализации электроэнергетических ресурсов на основании конечных итогов выборки конкурентного характера стоимостных заявок вперед на сутки № -0523-RSV-У-КР-15 от 26 ноября 2015-го года.

В содержании п. 1.1 данных документов-соглашений речь идет о том, что соглашение по приобретению/реализации электроэнергии подписано на основании соглашений о подключении и оптово-рыночных регламентов, которые выступают приложениями к связанному с присоединением соглашению. Отраженные в соглашении о присоединении положения и регламенты обладают обязательным характером для субъектов-участников в ходе реализации обязательств и прав в рамках настоящего соглашения.

Положения п. 8.1 связанного с присоединением соглашения указывают на то, что организация Акционерное общество «ЦФР» предоставляет оптово-рыночному субъекту-участнику услугу, которая касается расчета обязательств и требований оптово-рыночных субъектов-участников и ФСК, а также играет в рамках соответствующего рынка оптового типа роль унифицированной стороны в рамках заключаемых сделок, подписывает от собственного имени соглашения по оптовой реализации электроэнергии, согласно стандарти-

зированным формам и/или условиям предварительного плана, которые закреплены в содержании настоящего Соглашения. Услуга комплексного характера состоит в реализации Акционерным обществом «ЦФР» разновидности деятельности, о которой идет речь в содержании п. 8.2 настоящего Соглашения.

Положения п. 8.2 определяют, что настоящее Общество рассчитывает обязательства/требования субъекта-участника оптово-рыночного сектора в ходе реализации (приобретения) электроэнергии на основании соответствующих соглашений.

Помимо всего прочего, положения п. 8.2.7. указывают на то, что Акционерное общество «ЦФР» принимает непосредственное участие в финансово-расчетных операциях субъекта-участника электроэнергетического оптово-рыночного сектора с иными субъектами-участниками, в частности, составляет и отправляет для выполнения в организацию кредитного типа документацию с расчетами на оплату электро мощности (электроэнергии) и санкции штрафного характера, а также контролирует ее выполнение.

Из приведенной выше информации следует, что произведенные настоящим Обществом расчеты в письменном виде (включая соглашения цессии) – это свидетельство существования задолженности субъекта-участника рынка электроэнергии.

Так же, интересна обратная судебная практика. Рассмотрим дело № А27–14323/2022 по исковому заявлению ПАО «ФСК – Россети» к АО «Кузбассэнерго» о взыскании задолженности за услуги по передаче электроэнергии и неустойки.

ПАО «ФСК – Россети» (далее – Истец) обратилось в Арбитражный суд Кемеровской области (далее – Суд) с иском к АО «Кузбассэнерго» (далее – Ответчик) о взыскании задолженности за услуги по передаче электроэнергии за период с марта 2018 года по март 2021 года и неустойки.

Организации Акционерное общество «АТС», Акционерное общество «ЦФР» и российская Федеральная антимонопольная служба» были задействованы в рамках делопроизводства как 3-и лица, которые касаются оспариваемого предмета не заявляют обособленных требований.

Имеющие в рамках делопроизводства материалы говорят о том, что субъект-заявитель (субъект-истец) представляется субъектом-участником электроэнергетического оптово-рыночного сегмента, играя роль организации, управляющей ЕНЭС (единой общероссийской, национальной электросетью).

Кроме того, субъект-ответчик тоже играет роль субъекта-участника соответствующего оптово-рыночного сегмента, обеспечивая поставку электроэнергии. Кроме того, он представляется субъектом-участником взаимоотношений, касающихся реализации/приобретения электро мощности и электроэнергии в рамках оптово-рыночного сегмента, которым с АО «ЦФР», АО «АТС», АО «СО ЕЭС» и Ассоциацией «НП Совет рынка» подписан Договор о подключении к оптово-рыночному си-

стемному комплексу торгового типа № -007-ДП/08 от 31 марта 2008-го года.

17.04.2017 между Истцом и Ответчиком (совместно именуемые Стороны) в отношении ГТЭС Новокузнецкая подписан акт разграничения балансовой принадлежности электросетей № 4 (далее – Акт), которым стороны определили наличие технологического присоединения ГТЭС Новокузнецкая к электрическим сетям Истца.

22.02.2022 Истец отправил в адрес Ответчика оферту на заключение договора оказания услуг по передаче электрической энергии по ЕНЭС (далее – Договор). Ответчик, в свою очередь, отказался от подписания Договора.

28.03.2022 Истец повторно отправил в адрес Ответчика Договор с актами об оказании услуг по передаче электрической энергии за период март 2018 года – март 2021 года, а также первичную документацию с требованием по оплате оказанных услуг. Однако указанный Договор и акты об оказании услуг Ответчик также не подписал.

По мнению Истца, неподписание Договора со стороны Ответчика не освобождает последнего от обязанности оплатить фактически оказанные услуги. Объемы потребления электрической энергии Ответчика определяются по приборам учета, установленным на границе балансовой принадлежности с Истцом. Субъекты, опосредованно потребляющие электрическую энергию через электросетевую инфраструктуру ГТЭС Новокузнецкая, отсутствуют.

Ссылаясь на данные обстоятельства, Истец обратился в суд, однако суд отказал в исковых требованиях по следующим основаниям.

Истец в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 28.10.2003 № 648 является организацией по управлению ЕНЭС.

В соответствии с положениями п. 2 ст. 26 законодательного акта федерального значения (ФЗ), который посвящен электроэнергетической сфере, предоставление услуг, касающихся передачи электроэнергии, реализуется путем заключения и исполнения соглашения о предоставлении услуг на возмездной основе. При этом, данное соглашение обладает публичным характером.

Положения ст. 9 Законодательного акта федерального значения (ФЗ), посвященного энергетике, определяют, что субъект-заявитель (субъект-истец) предоставляет в рамках соглашения возмездным образом услуги, касающиеся передачи электроэнергетических ресурсов по ЕНЭС оптово-рыночным субъектам и прочим лицам, которые обладают соответствующим правом (являются собственниками/эксплуататорами электроэнергетических объектов, которые технологически подключены к ЕНЭС в законодательно регламентированном порядке).

Согласно положениям п. 31 Правил электроэнергетического оптово-рыночного сегмента, прошедшим утверждение изданным российским Правительством Постановлением № -1172 от 27 дека-

бря 2010-го года, совокупный объем выпущенной электроэнергии электрической станцией ГТЭС Новокузнецкая субъект-ответчик реализует в рамках оптово-рыночного сегмента в ГТП (группах точек поставки), прошедших необходимые регистрационные процедуры. Кроме того, в представленных ГТП субъект-ответчик покупает электроэнергию в рамках оптово-рыночного сегмента для обеспечения потребностей ГТЭС Новокузнецкая.

Потребление электро мощности и электроэнергии на хозяйственные и свои нужды электрических станций устанавливается Соглашением о подключении как потребление электро мощности и электроэнергии для работы подстанций и электрических станций, и потребление, нужное для обслуживания производства, являющегося основным, однако не имеющее прямой связи с процессами технологического плана производства энергии электрического и теплового типа на электрических станциях, и не предполагает потребление электро мощности и электроэнергии в объемах поставки субъектам-потребителям в рамках рознично-рыночного сегмента и прочих организациям. Соответствующие положения закреплены в диспозиции п. 156 оптово-рыночных Правил.

В содержании п. 14.1 Соглашения о присоединении регламентирован порядок реализации/приобретения электроэнергии по нерегулируемой (свободной) стоимости, которая устанавливается посредством отбора конкурентного характера стоимостных заявок вперед на сутки (а также для поддержания выполнения обязанностей по регулируемым соглашениям приобретения/реализации электрической энергии и мощности, свободным двусторонним договорам купли-продажи электрической энергии и оплаты стоимости системных ограничений и (или) потерь), Ответчик, группы точек поставки которого расположены на территориях ценовых зон, обязан заключить с АО «ЦФР» договор купли-продажи электрической энергии по результатам конкурентного отбора ценовых заявок на сутки вперед (далее – Договор купли-продажи на РСВ), а также договор комиссии на продажу электрической энергии по результатам конкурентного отбора ценовых заявок на сутки вперед (далее – Договор комиссии на РСВ).

Между АО «ЦФР» и Ответчиком заключены Договор комиссии на РСВ от 25.07.2014 № 0089-RSV-U-KM-14, а также Договор купли-продажи на РСВ от 25.07.2014 № 0089-RSV-U-KP-14.

Правила оптового рынка и Договор о присоединении предусматривают, что АО «ЦФР», выполняя одновременно поручения каждого участника оптового рынка, заключившего Договоры комиссии на РСВ, реализует электрическую энергию, полученную от каждого комитента, одновременно всем участникам оптового рынка, заключившим с АО «ЦФР» Договоры купли-продажи на РСВ, а покупка конкретным участником оптового рынка суммарных объемов электроэнергии, определенных для него согласно Правилами оптового рынка и условиям Договора о присоединении, осуществ-

вляется у всех участников оптового рынка посредством АО «ЦФР».

Пунктом 49 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 861 (далее – Правила недискриминационного доступа), установлено, что стоимость услуг по передаче электрической энергии сетевой организации, оказанных сетевой организацией производителю электрической энергии, который является субъектом оптового рынка электрической энергии (мощности) и осуществляет продажу электрической энергии (мощности) на оптовом рынке, определяется исходя из величины превышения потребления электрической энергии на собственные нужды над нормативным значением потребления на собственные нужды, определяемого в соответствии с правилами оптового рынка электрической энергии (мощности) переходного периода и договором о присоединении к торговой системе оптового рынка, за вычетом объемов электрической энергии, отпущенной потребителям электрической энергии, присоединенным к энергетическим установкам такого производителя, самостоятельно оплачивающим услуги сетевой организации. При этом указанная плата не должна превышать стоимость услуг сетевой организации, рассчитанной исходя из объема электрической энергии, отпущенной производителю электрической энергии из сетей сетевой организации.

АО «АТС», являясь в соответствии со статьей 33 Закона об электроэнергетике коммерческим оператором оптового рынка, осуществляет деятельность по организации торговли на оптовом рынке электрической энергии и мощности, связанную с заключением и организацией исполнения сделок по обращению электрической энергии, мощности и иных объектов торговли, обращение которых допускается на оптовом рынке.

Согласно положениям Договора о присоединении АО «АТС» рассчитывает максимально допустимую величину месячного расхода электроэнергии на собственные нужды генерации, при этом такая величина определяется в отношении всей электростанции Ответчика в целом, а не отдельных ГТП генерации и потребления, зарегистрированных за Ответчиком.

В рассматриваемом случае АО «АТС» в спорный период определены максимально допустимые величины месячного расхода электроэнергии на собственные нужды генерации в отношении электростанции ГТЭС Новокузнецкая.

В спорный период Истец определял объем оказанных услуг по приборам учета, на основании показаний которых составлены акты фиксации среднеарифметической фактической мощности, сводные акты учета электроэнергии, интегральные акты учета перетоков электроэнергии.

При этом Истец не учитывал положения пункта 49 Правил недискриминационного доступа и то обстоятельство, что объем потребления элек-

троэнергии лишь в отдельные месяцы спорного периода превысил вышеуказанные величины, определенные АО «АТС».

Стоимость услуг по передаче электроэнергии в части превышения фактически потребленной электроэнергии над нормативным значением потребления на собственные нужды согласно подготовленному по инициативе Суда расчету Ответчика составила 8 432,84 руб. Истцом указанный расчет не оспорен.

Кроме того, согласно пункту 1.1 статьи 23.2 Закона об электроэнергетике деятельность по оказанию услуг по передаче электрической энергии осуществляется в условиях естественной монополии и регулируется в соответствии с законодательством о естественных монополиях, Законом об электроэнергетике и другими федеральными законами.

Согласно пункту 80 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178, в качестве базы для расчета цен (тарифов) на услуги по передаче электрической энергии по единой национальной (общероссийской) электрической сети используются объем отпуска электрической энергии в целях компенсации потерь электрической энергии при ее передаче по электрическим сетям в единой национальной (общероссийской) электрической сети и величина мощности, определяемая в соответствии с Правилами недискриминационного доступа.

Аналогичная норма о необходимости учёта величины заявленной мощности при расчёте услуги по передаче электрической энергии закреплена в формулах 1 и 4 пунктов 25–25.2 Методических указаний по расчету тарифов на услуги по передаче электрической энергии по единой национальной (общероссийской) электрической сети, утвержденных Приказом ФСТ РФ от 21.03.2006 № 56-э/1 (далее – Методические указания), в соответствии с которыми при расчёте ставки тарифа на услуги по передаче электрической энергии на содержание объектов электросетевого хозяйства учитывается также и суммарная величина заявленной мощности.

В соответствии с пунктом 26 Методических указаний ставка тарифа на оплату потребителями услуг по передаче электроэнергии по ЕНЭС нормативных технологических потерь электрической энергии (мощности) в ЕНЭС для субъекта Российской Федерации рассчитывается исходя из цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность), приобретаемую организацией по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью на оптовом рынке электрической энергии (мощности) в целях компенсации потерь электрической энергии, и объемов потерь электроэнергии (мощности) в ЕНЭС, определенных в сводном прогнозном балансе производства и поставок электрической энергии (мощности) в рамках Единой энергетической системы России.

Факт неучета объекта Ответчика в сводном прогнозном балансе подтверждается представленной Истцом выпиской из сводного прогнозного баланса производства и поставок электрической энергии.

При этом в подписанном между сторонами Акте содержатся характеристики присоединения, в частности совокупная величина номинальной мощности присоединенных к электрической сети трансформаторов, уровень напряжения, максимальная мощность, величина номинальной мощности.

Истцом не представлено доказательств принятия им, как профессиональным субъектом оптового рынка, всех необходимых мер для включения в сводный прогнозный баланс производства и поставок электрической энергии (мощности) в рамках ЕНЭС в спорный период плановых объемов передачи электрической энергии и заявленной мощности по точкам поставки ГТЭС Новокузнецкая.

При этом Суд отклонил ссылку Истца на возмездный характер деятельности по передаче электрической энергии, поскольку указанный принцип не освобождает заинтересованное лицо от обязанности надлежащим образом обосновать предъявленное требование, в том числе с учетом регулируемого характера соответствующей деятельности.

Истец, использовавший при расчете иска величины мощности и нормативы потерь, не отвечающие требованиям относимости к спорным отношениям, не воспользовался своим правом на проведение экспертной оценки понесенных им в связи с оказанными Ответчику услугами и подлежащих возмещению экономически обоснованных расходов, ввиду чего отказ в Иске является следствием несовершенства им необходимых процессуальных действий, риск неблагоприятных последствий которых он несет в силу прямого указания процессуального закона.

Указанное согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 07.05.2021 по делу № А05–9306/2019.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод что правоотношения на оптовом рынке электроэнергии достаточно разнообразные и имеют свою специфику.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч. 2) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996, № 5, ст. 410.
2. «Об электроэнергетике»: Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35 – ФЗ (ред. от 04.08.2023 № 489 – ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2003, № 13, ст. 1177.
3. Постановление Правительства РФ от 11.07.2001 № 526 (ред. от 20.03.2013) «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации, 26.03.2013 <https://zakonbase.ru/content/base/280967/>
4. Постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 529 «О совершенствовании порядка функционирования оптового рынка электрической энергии (мощности)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (ред. от 29.07.2023) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» (ред. от 08.08.2023) // СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112537/
6. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 08.06.2023) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») // СПС «КонсультантПлюс».
7. «Обзор судебной практики по спорам об оплате неучтенного потребления воды, тепловой и электрической энергии, поставленной по присоединенной сети» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 23.09.2022 г. по Делу № А64–2528/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Функционирование и развитие электроэнергетики Российской Федерации в 2022 г. [Текст]: Ежегодный публичный доклад // Центр информационной политики press@interrao.ru
10. Адаменко, А.П. Ответственность гарантирующего поставщика за неисполнение обязательств по договору энергоснабжения [Текст] / А.П. Адаменко // Современный юрист. 2018. № 3 (24). С. 84.
11. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Общие положения [Текст]: книга 1 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский – М.: Статут, 2011. – 682с.
12. Свирков, С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. [Текст] / С.А. Свирков. – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 364с.
13. Казакова, А.В. Правовое положение гарантирующего поставщика электроэнергии: ответственность по договору энергоснабжения / А.В. Казакова. – [Текст]: непосредственный // Новый юридический вестник. – 2020. – № 2 (16). – С. 13–16. – URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/156/4778/> (дата обращения: 13.07.2023).

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE WHOLESALE ELECTRICITY MARKET

Bobyakova P.V.

Tambov State Technical University

The article considers the wholesale market as a basic entity in the field of energy supply. The subjects of the wholesale electricity market include suppliers – generating companies, and buyers – energy sales organizations, guaranteeing suppliers, as well as in some cases large buyers of electricity. Special subjects of the wholesale market are the market council, the commercial operator and the financial settlement center. The existing legal relations in the wholesale electricity market are quite diverse and have their own specifics. The administrator of the wholesale electricity market trading network (the subject is the administrator of an electric power wholesale market system of a trading type) is the most significant subject of the electric power wholesale market segment. The legislative regulations in force on the Russian territory regulate the concretized specific features inherent in the status of the Administrator of the wholesale electricity market trading network from the point of view of law. In the legislation, the relevant provisions are fixed for a specific purpose, which consists, among other things, in maintaining a balance between the interests of the subjects-purchasers and subjects-sellers (subjects-suppliers) of electricity, an equivalent environment for each market entity, preventing abuse of the status of “monopolist” Administrator of the wholesale electricity market trading network, as well as to ensure control/supervision of the actions and functioning of this entity. The main form of the Administrator of the wholesale electricity market trading network is an NGO (non-profit type organization) in the form of a non-profit partner education. This wholesale market entity is created on the basis of membership of other wholesale market entities within the relevant sector.

Keywords: wholesale electricity market, electricity wholesale market segment, electricity transmission services.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation Part 2 (Civil Code of the Russian Federation ch.2) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (ed. from 01.07.2021, with amendments. from 08.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996, No. 5, Article 410.
2. “On Electric Power Industry”: Federal Law No. 35 – FZ of March 26, 2003 (ed. No. 489 – FZ of 08/04/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003, No. 13, article 1177.
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 11.07.2001 No. 526 (ed. of 20.03.2013) “On reforming the electric power industry of the Russian Federation” // Official Internet portal of legal Information, 26.03.2013 <https://zakonbase.ru/content/base/280967/>
4. Decree of the Government of the Russian Federation of August 31, 2006 No. 529 “On improving the functioning of the wholesale market of electric energy (capacity)” // Law assistance system “Consultant Plus”.
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1172 of 27.12.2010 (ed. of 29.07.2023) “On approval of the Rules of the wholesale market of electric energy and capacity and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation on the organization of the functioning of the wholesale market of electric energy and capacity” (ed. of 08.08.2023) // Law assistance system “Consultant Plus” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112537/
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 04.05.2012 No. 442 (ed. of 08.06.2023) “On the functioning of retail electric energy markets, full and (or) partial restriction of the mode of consumption of electric energy” (together with the “Basic provisions of the functioning of retail electric energy markets”, “Rules of full and (or) partial restriction of the mode of consumption of electric energy”) // Law assistance system “Consultant Plus”.
7. “Review of judicial practice on disputes on payment of unaccounted consumption of water, heat and electric energy supplied via the connected network” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22.12.2021) // Law assistance system “ConsultantPlus”.
8. Decision of the Arbitration Court of the Tambov region of 23.09.2022 in Case No. A64–2528/2022 // Law assistance system «ConsultantPlus».
9. Functioning and development of the electric power industry of the Russian Federation in 2022 [Text]: Annual public report // Information Policy Center press@interrao.ru
10. Adamenko, A.P. Responsibility of the guaranteeing supplier for non-fulfillment of obligations under the power supply contract [Text] / A.P. Adamenko // Modern Lawyer. 2018. No. 3 (24). p. 84.
11. Braginsky, M.I., Vitryansky, V.V. Contractual law. General provisions [Text]: book 1 / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky – M.: Statute, 2011. – 682p.
12. Svirkov, S.A. Civil law regulation in the field of energy supply: monograph. [Text] / S.A. Svirkov. – M.: Infotropik Media, 2019. – 364p.
13. Kazakova, A.V. The legal position of the guaranteeing electricity supplier: liability under the power supply contract / A.V. Kazakova. – [Text]: direct // New Legal Bulletin. – 2020. – № 2 (16). – P. 13–16. – URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/156/4778/> (accessed: 13.07.2023).

Правовое регулирование альтернативных форм привлечения инвестиций: на примере краудфандинга

Вожагов Максим Вадимович,

аспирант, кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: mvozhagov@bk.ru

В статье проведен предметный и функциональный анализ правового регулирования краудфандинга, как альтернативного инструмента привлечения финансирования в инновационные проекты. Отмечено, что его правовое регулирование остается формальным, а должно обеспечивать баланс интересов инвестора, реципиента денежных средств, оператора платформы. Целью работы стало формирование авторской концепции регулирования рынка краудфандинга, внесение предложений по изменению действующего законодательства с целью создания комфортных условий для привлечения инвестиций с использованием инвестиционных платформ. В связи с тем, что частно-правовой природой краудфандинга для исследования применялись сравнительно-правовой и формально-юридический метод. Исследованы способы инвестирования краудфандинга, формально-юридические и организационные требования к краудфандинговой платформе. Новизна работы заключается в выявлении правовых противоречий в вопросах правового регулирования краудфандинга. Результатами исследования стали предложения по усилению юридических механизмов защиты краудфандинга, по установлению правил и участия государства через государственно-частные проекты. В ходе проведенного исследования автор полагает, что развитие новых правовых механизмов для развития инвестиционной деятельности, является неотъемлемой частью процесса обеспечения экономического суверенитета РФ.

Ключевые слова: инвестиционные платформы, краудфандинг, краудлендинг, краудинвестинг, утилитарные цифровые права, Банк России, розничные инвестиции.

Введение

Важным условием для развития инновационных технологий и укрепления технологического суверенитета России является поддержание стабильной финансовой базы для инновационных компаний, заинтересованных в запуске новых проектов, пилотном тестировании технологий и внедрении инновационных производственных инструментов. Важно понимать, что значимой особенностью таких компаний является отсутствие устойчивого денежного потока, и, как следствие, постоянная потребность в использовании различных инструментов для привлечения денежных средств извне, таких как венчурное финансирование, заемное финансирование или иные возможные инструменты.

В настоящее время российская экономика вынуждена противостоять беспрецедентному санкционному давлению со стороны западных стран, и переживает турбулентность, влекущую снижение инвестиционной активности. Принятые Банком России и Правительством Российской Федерации антикризисные меры стабилизировали экстраординарную ситуацию, однако она остается напряженной, что влечет, в том числе, изменение конъюнктуры венчурного рынка. В последний год инвестиционный климат для классических моделей финансирования инновационных проектов заметно ухудшился, что привело к резкому снижению инвестиционной активности. Так, по данным Dsight, за первые 11 месяцев 2022 года объем венчурных инвестиций в российские стартапы составил \$720 млн – это в 3,5 раза меньше итогов 2021 года¹. При этом количество сделок за данный период снизилось в три раза – до 103. На фоне ухудшающихся в России показателей венчурного инвестирования, поиск возможных альтернатив становится все более востребованным у инновационных проектов. Вместе с тем, использование альтернативных инструментов сопряжено со значительными рисками, для минимизации которых и должна быть задействована правовая система Российской Федерации.

Важным трендом, наблюдаемым в последние годы, становится рост интереса граждан России к розничным инвестициям. В науке и законодательстве отсутствует единое понимание розничных инвестиций. В целом, по мнению автора, под розничными инвестициями следует понимать совершаемые индивидуальным (частным) инвестором инвестиции в ценные бумаги или фонды, со-

¹ [Электронный ресурс] URL: <https://rb.ru/analytics/venture-results-2022/> (дата обращения: 15.09.2023).

держателем корзины ценных бумаг. Активное развитие инфраструктуры для розничных инвесторов на базе банков и крупных инвестиционных фондов привело к настоящему буму в России, по статистике, приведенной Банком России, в стране всего открыто 27 млн счетов для совершения розничных инвестиций¹.

Следует отметить, что средняя сумма, размещенная на индивидуальном инвестиционном счете розничного инвестора: 65–85 тысяч рублей, таким образом, рассуждая о розничном инвестировании и перспективах его развития в России, следует учитывать:

1. Речь идет о массовом явлении (приблизительно 15–20% населения РФ в той или иной форме вовлечены в инвестиционную активность);
2. Индивидуальные инвесторы вкладываются, преимущественно, небольшими суммами, что свидетельствует о том, что указанная деятельность для них не является основной, а связана, скорее, с интересом к рынку розничных инвестиций и желанием попробовать соответствующий инструмент.

Обстоятельства, озвученные выше, свидетельствуют о возможности использования опыта развития рынка частных инвестиций в РФ для преодоления существующего недостатка в финансировании инноваций через развитие устойчивого инструментария, позволяющего розничному инвестору вкладывать денежные средства в проекты.

Одним из распространенных в мире способов финансирования проектов является привлечение коллективных финансов с использованием инвестиционных платформ. В соответствии с исследованием Банка России, к середине 2022 года объем рынка коллективного финансирования достиг следующих показателей:

- объем привлекаемых средств увеличился почти в 1,5 раза и составил 20,4 млрд рублей².
- в начале 2023 года в реестре операторов инвестиционных платформ значилось 64 организации, а общее количество зарегистрированных на площадках инвесторов превысило 54 тысячи.

Инвестиционные платформы развиваются в России уже несколько лет, вместе с тем, они по-прежнему не занимают значимую часть финансового рынка. Динамика роста капитализации этого рынка остается относительно невысокой в сравнении с зарубежными показателями. Так, соответствующий рынок в Великобритании достиг 3,8 млрд \$³, в то время как в России он составляет, приблизительно, 36 млрд рублей⁴. Среди про-

блем, препятствующих развитию целевого рынка следует отметить: общее недоверие розничных инвесторов в России к рынку; отсутствие заинтересованности со стороны банков и корпораций в РФ, а также крупных инвесторов; повышенные риски; ограниченные возможности для инвесторов.

Очевидно, некоторые из существующих ограничений могут быть преодолены с использованием правовых механизмов, исследование которых представляет безусловный научный интерес.

Правовые основы розничного инвестирования через инвестиционные платформы (краудфандинг)

Деятельность по привлечению финансирования с использованием инвестиционных платформ в доктринальных источниках и обычной практике именуется «краудфандинг». С юридической точки зрения, краудфандинг – это разновидность гражданско-правовых отношений, в которых инвестиционная платформа играет роль площадки для регистрации отношений между сторонами.

Основными сторонами правовых отношений в рамках краудфандинга выступают:

- сторона, инвестирующая денежные средства (далее – «инвестор»);
- сторона, получающая денежные средства (далее – «реципиент инвестиций»);
- платформа, обеспечивающая взаимодействие сторон (далее – «инвестиционная платформа»).

Термин «краудфандинг» был введен в 2006 году журналистом Джеффом Хау, который рассматривал краудфандинг как один из возможных способов «краудсорсинга», определяемого журналистом как использование ресурсов масс в информационно-телекоммуникационной сети интернет для решения определенных задач⁵.

Следует отметить, что предложенный термин оказался удачным, он используется до сих пор во многих странах мира и является универсальным. На практике также встречается использование термина «краудфинансирование» как тождественного понятия, в частности, указанный термин можно обнаружить в ряде научных статей⁶, а также исследованиях Банка России⁷.

Вместе с тем, термин «краудфандинг» представляется более актуальным, он часто встречается в аналитических и доктринальных статьях, а также справочных материалах. Следует отметить особую теоретическую и практическую значимость четкого определения используемых терминов. Так, использование термина «краудфинансирование»,

¹ [Электронный ресурс] URL: <https://bcs-express.ru/novosti-analitika/kakie-summy-na-schetakh-u-investorov-i-vo-chto-oni-ikh-vkladyvaiut> (дата обращения: 15.09.2023).

² [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

³ [Электронный ресурс] URL: <https://www.statista.com/outlook/dmo/fintech/digital-capital-raising/crowdlending-business/united-kingdom> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴ [Электронный ресурс] URL: <https://dzen.ru/ZGYbt09XGTdwREdG> (дата обращения: 15.09.2023).

⁵ [Электронный ресурс] URL: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdsourcing (дата обращения: 11.09.2023).

⁶ Исаков Д.В. Краудфинансирование – альтернативный цифровой способ инвестирования // [Электронный ресурс] URL: www.lender-invest.ru (дата обращения: 11.09.2023).

⁷ [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120740/press_01032022_1.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

потенциально, может необоснованно сужать термин «краудфандинг» или привести к его рассмотрению в некорректном аспекте.

В актуальном исследовании Банка России¹ «краудфандинг» рассматривается как любая форма привлечения финансирования с использованием инвестиционных платформ, выступая более широким понятием по отношению к другим формам привлечения финансирования:

Краудлендинг: инвестирование путем предоставления займов;

Краудинвестинг: инвестирование путем приобретения ценных бумаг;

Инвестирование через УЦП: инвестирование путем приобретения утилитарных цифровых прав.

Представленные в исследовании формы привлечения розничного финансирования корреспондируют общепринятой в доктрине классификации видов краудфандинга по форме встречного предоставления инвесторам:

- 1) *Donation-based crowdfunding* (благотворительный краудфандинг) – краудфандинг без встречного предоставления со стороны реципиента инвестиций².
- 2) *Reward-based crowdfunding* (условно-возвратный краудфандинг) – краудфандинг, при котором реципиент инвестиций получает награждение, не связанное с денежным (например: утилитарное цифровое право)³.
- 3) *Investment-based crowdfunding* (краудинвестинг) – предполагает приобретение спонсором ценных бумаг или долей в компании – реципиенте инвестиций.
- 4) *Loan-based crowdfunding* (краудлендинг) – определённая форма краудфандинга, при которой инвесторы вкладывают личные средства и в качестве дохода получают от реципиента процент от суммы выданного займа⁴.

Приведенная выше теоретическая классификация краудфандинга соответствует видам инвестирования, предусмотренными Законом № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «**Закон**»)⁵. В соответствии с ст. 5 Закона, инвестирование с использованием

инвестиционной платформы может осуществляться следующими способами:

- 1) путем предоставления займов;
- 2) путем приобретения эмиссионных ценных бумаг;
- 3) путем приобретения утилитарных цифровых прав;
- 4) путем приобретения цифровых финансовых активов.

Безусловно, такие инвестиционные инструменты как краудфандинг требуют особого подхода к их правовому регулированию, способному обеспечить баланс интересов инвестора, реципиента денежных средств, оператора платформы, при этом сохранив прозрачность правового регулирования. Так, О.Ю. Патласов и А.А. Грахов справедливо отмечают, технологии, непосредственно связанные с организацией краудфандинга, нередко становятся инструментом для совершения преступлений, в связи с чем создание должной правовой системы является безусловным требованием для развития новых инвестиционных систем⁶. С выводами ученых нельзя не согласиться, ключевым фактором развития краудфандинговых платформ является обеспечение финансовой безопасности и устойчивого нормативно-правового регулирования.

Инвестиционные платформы как ключевое звено инвестиционной деятельности

Центральным элементом правовых отношений, возникающих при краудфандинге, выступает инвестиционная платформа, определяемая Законом как информационная система в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы (далее – «Платформа»). Таким образом, Платформа не отражает интересов каких-либо сторон, выступая лишь в роли значимого инфраструктурного элемента.

К деятельности Платформ применяется ряд требований, которые, условно, могут быть разделены на два класса:

1. Формально-юридические требования к деятельности юридического лица – оператора Платформы:

- наличие записи об операторе в реестре инвестиционных платформ Банка России;
- наличие уставного капитала хозяйственного общества – оператора Платформы не менее 5 млн рублей;
- соответствие определенным требованиям, касающимся аффилированных и связанных лиц,

тельные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.08.2019. № 31. П. 6 ст. 7.

⁶ А.А. Грахов, О.Ю. Патласов. Краудфандинг и сеть P2P: прогноз взаимодействия и альтернативного финансирования в условиях кризиса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 4 (26). С. 204–218.

¹ [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf дата обращения: 11.09.2023).

² Мотовилов О.В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Том 34. – Вып. 2. – С. 303.

³ Быкова О.Н., Ольховская М.О., Профатилев Д.А. Краудфандинг: интернет-благотворительность или инструмент инвестирования инновационного проекта? // Инновации. – 2015 – Вып. 2. С. 59.

⁴ Новые инструменты привлечения финансирования на развитие технологических компаний: практика использования и перспективы развития в России. Аналитический доклад. М., 2018. // URL : <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/219492205?ysclid=lo3zq9mnwr176613344> (дата обращения 15.09.2023)

⁵ Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законода-

а также руководства юридического лица – оператора Платформы.

2. Организационные требования к деятельности Платформы:

- хранение информации о договорах, заключаемых в рамках Платформы;
- раскрытие определенной информации о Платформе.

В середине 2023 года в России успешно действует 64 краудфандинговых платформ. Среди наиболее популярных отечественных площадок выделяют В Дело, JetLand, Город Денег, каждая из которых отличается специфическими условиями.

УЦП как основной актив в рамках краудфандинговой деятельности

Говоря о правовой природе утилитарных цифровых прав (УЦП), следует отметить, что они квалифицируются пунктами 1 и 3 статьи 8 Закона как цифровые права. Фактически УЦП представляет собой эмитируемое в информационно-телекоммуникационной сети интернет цифровое свидетельство, подтверждающее возникшее при приобретении УЦП у инвестора цифровое право, предоставленное реципиентом инвестиций.

Статья 8 Закона закрепляет три вида утилитарных цифровых прав:

- право требовать передачи вещи;
- право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Также пункт 3 статьи 8 Закона, позволяет выявить ряд дополнительных признаков, характеризующих утилитарные цифровые права: такие права должны изначально возникнуть как цифровые; основанием их возникновения является договор о приобретении утилитарного цифрового права; указанный договор должен быть заключен при использовании Платформы. Важно отметить, что Законом определяется ряд случаев, при которых право требования в электронном виде не может являться утилитарным цифровым правом: право требования сопряжено с государственной регистрацией или нотариальным удостоверением.

Включение утилитарных цифровых прав в Закон нацелено на регулирование условно-возвратного краудфандинга. Следует отметить, что право требования является обязательным квалифицирующим признаком утилитарного цифрового права, таким образом, поддержка какого-либо проекта через инвестиционную платформу без какого-либо встречного предоставления не предусмотрена Законом. Законодателем выносятся за периметр Закона благотворительная модель краудфандинга, вместе с тем, указанная форма по-прежнему сохраняет свою популярность в РФ, например, краудфандинговая платформа Boomstarter одно-

ментно в 2023 году привлекает финансирование в более чем 200 творческих проектов. Финансирование от инвесторов на платформе не предполагает какого-либо встречного предоставления от реципиента инвестиций, таким образом деятельность Boomstarter¹ не квалифицируется в соответствии с требованиями Закона. Указанный вакуум в части регулирования распространенной формы краудфандинга, очевидно, влечет ряд правовых противоречий, устранение которых должно стать безусловным приоритетом законодателя РФ.

На данный момент также представляется, что рынок краудфандинга может быть дополнительно усилен с использованием ряда юридических механизмов.

1. Одним из приоритетных направлений совершенствования законодательства о краудфандинге должно стать расширение возможностей для розничных инвесторов по снижению рисков, а также повышение общего уровня доверия к краудфандингу в России.

Предположительно, позитивный кумулятивный эффект на деятельность инвестиционных платформ в России может быть оказан в случае увеличения доли профессиональных институциональных инвесторов на рынке краудфандинга. Появление профессиональных участников рынка расширит присутствие розничных инвесторов на рынке, а также, очевидно, снизит риски, обусловленные низким качеством проектов – реципиентов инвестиций.

В целях синергии существующих инвестиционных платформ и крупных объединений инвесторов (инвестиционных фондов/клубов частных инвесторов) – рекомендуется рассмотреть возможность:

- (i) введения правил обращения нового класса виртуальных активов – фондов, представляющих собой пай (пул определенных активов), торгуемых в рамках Платформ. В таком случае торгуемым на инвестиционной площадке фондом, потенциально, может стать объединенная в портфель группа активов, находящаяся под управлением опытного инвестора, позволяющего розничному инвестору Платформы вкладывать денежные средства одновременно в несколько активов, минимизируя риски;
- (ii) введения единых правил деятельности инвестиционных фондов, объединений группы частных инвесторов, нацеленных на управление коллективными инвестициями в рамках Платформы. Появление инвестиционных фондов, функционирующих в рамках Платформ – важный шаг на пути усиления экспертизы на рынке краудфандинга в России. Действующее законодательство не исключает возможность коллективных инвестиций в рамках Платформы, однако появление унифицированных правил для фондов простимулирует появление новых больших игроков, а также приведет на рынок корпоративных инвесторов.

¹ [Электронный ресурс] URL: <https://boomstarter.ru/> (дата обращения: 11.09.2023).

2. Важным шагом для увеличения роли краудфандинга в инфраструктуре российского финансового рынка является участие государства в реализации отдельных проектов. Возможным направлением, для развития рынка, потенциально, может стать реализация государственно-частных инвестиционных проектов с использованием Платформ. Проектами, реализуемыми по ГЧП-модели могут стать важные с инфраструктурной и культурной точек зрения проекты, например, реставрация объектов культурного наследия.

Реализация ГЧП-проектов на рынке краудфандинга одновременно обеспечивает достижение нескольких значимых задач:

- (i) государство своим авторитетом легитимизирует деятельность инвестиционных платформ и рынок краудфандинга в целом;
- (ii) государство получает возможность частично перераспределить бюджетную нагрузку на граждан-розничных инвесторов;
- (iii) государство обеспечивает получение дополнительной обратной связи касательно отдельных принимаемых решений от граждан.

3. Не менее важным является увеличение прозрачности процедуры краудфандинга за счет расширения требований к инвестиционным платформам. Важной проблемой уже продолжительное количество времени остаются мошеннические проекты, представленные на Платформах. Деятельность, направленная на их минимизацию, является безусловным приоритетом законодателя в РФ, однако, представляется, что некоторые меры для обеспечения дополнительной прозрачности должны быть предприняты:

- (i) необходимо предусмотреть Законом обязательное включение оператором Платформы в правила инвестиционной платформы обязанность по предоставлению реципиентом инвестиций промежуточной отчетности инвестору с обязательным закреплением формы соответствующей отчетности.
- (ii) важно установить обязанность оператора инвестиционной платформы раскрывать методику оценки рисков в отношении проектов – реципиентов инвестиций, а также рисков соответствующих инвестиционных предложений, размещаемых на платформе.

Следует отметить, что большинство операторов инвестиционных платформ опираются, в большей степени, на формальные критерии (срок существования юридического лица проекта – реципиента инвестиций, среднемесячная выручка, кредитная история и пр.), однако предполагается, что минимизация рисков инвестора требует более обширной экспертизы (обзор динамики на соответствующем рынке, оценка потенциальной доли проекта на рынке, анализ конкурентов, пр.). Размещение соответствующей информации на Платформе существенно повысит информированность инвесторов о проектах, а также создаст благоприятные

условия для усиления качества проектов, инвестиционные предложения которых размещаются на платформе.

Хотелось бы отметить, что рынок краудфандинга уже неоднократно изучался исследователями в РФ, вместе с тем, по мнению автора, регулирование института краудфандинга остается несколько формальным и отчасти не ориентированным на реальные потребности бизнеса в этой сфере. Построение системы законодательства в отношении краудфандинга должно соответствовать ключевым принципам правового регулирования. В.С. Нерсесянц к принципам правоустановительной деятельности относит: правовой прогресс, правовую легитимность, общесоциальную легитимность, научную обоснованность, системность, профессионализм¹.

Приведенный перечень принципов свидетельствует о том, что правовое регулирование должно быть клиентоцентричным, ориентированным, в первую очередь, на создание комфортных условий для ведения бизнеса в России. Именно правовые механизмы должны стать ключевым элементом при развитии инфраструктуры розничного финансирования инновационных проектов.

Литература

1. Быкова О.Н., Ольховская М.О., Профатилов Д.А. Краудфандинг: интернет-благотворительность или инструмент инвестирования инновационного проекта? // Инновации. – 2015 – Вып. 2. С. 58–63.
2. А. А. Грахов, О.Ю. Патласов. Краудфандинг и сеть P2P: прогноз взаимодействия и альтернативного финансирования в условиях кризиса//Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 4 (26). С. 204–218.
3. Исаков Д.В. Краудфинансирование – альтернативный цифровой способ инвестирования // URL: <https://www.lender-invest.ru> (дата обращения: 11.09.2023).
4. Какие суммы на счетах у инвесторов и во что они их вкладывают // БКС Экспресс. 12.12.2022 // URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kakie-summy-na-schetakh-u-investorov-i-vo-chto-ony-vkladyvayut> (дата обращения 15.09.2023)
5. Краудфандинговая платформа // URL: <https://boomstarter.ru/> (дата обращения: 11.09.2023).
6. Краудфинансирование – инструмент привлечения финансирования для малого и среднего бизнеса // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120740/press_01032022_1.pdf (дата обращения: 11.09.2023).
7. Мотовилов О.В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Том 34. – Вып. 2. – С. 298–316.
8. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма-ИНФРА-М, 2012. – 560 с.

¹ Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма-ИНФРА-М, 2012. – 419–421 с.

9. Новые инструменты привлечения финансирования на развитие технологических компаний: практика использования и перспективы развития в России. Аналитический доклад. М., 2018. // URL.: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/219492205?ysclid=lo3zq9mnwr176613344> (дата обращения 15.09.2023)
10. Обзор рынка краудфандинга в России 2021 и 1 квартал 2022. Информационно-аналитический материал. М., 2022 // URL.: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
11. Объем рынка краудфандинга по итогам 2022 года вырос почти в 1,5 раза WBCMedia // URL.: <https://dzen.ru/a/ZGYbt09XGTdwREdG> (дата обращения: 15.09.2023).
12. Объем сделок в 2022 – в 3,5 раза меньше, чем в 2021: венчурные итоги // URL.: <https://rb.ru/analytics/venture-results-2022/> (дата обращения: 15.09.2023).
13. Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.08.2019. № 31. П. 6 ст. 7.
14. Crowdlending (Business) – United Kingdom // URL.: <https://www.statista.com/outlook/dmo/fintech/digital-capital-raising/crowdlending-business/united-kingdom> (дата обращения: 15.09.2023).
15. What is crowdsourcing? // URL: http://crowdsourcing.ru /article/what_is_the_crowdsourcing (дата обращения: 11.09.2023).

LEGAL REGULATION OF ALTERNATIVE FORMS OF ATTRACTING INVESTMENTS: THE EXAMPLE OF CROWDFUNDING

Vozhagov M.V.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

The article provides a substantive and functional analysis of the legal regulation of crowdfunding as an alternative tool for attracting financing to innovative projects. It is noted that its legal regulation remains formal, but should ensure a balance of interests of the investor, the recipient of funds, the operator of the platform. The aim of the work was the formation of the author's concept of regulating the crowdfunding market, making proposals to change the current legislation in order to create comfortable conditions for attracting investments using investment platforms. Due to the fact that the private-legal nature of crowdfunding, comparative legal and formal legal methods were used for research. The methods of crowdfunding investment, formal legal and organizational requirements for the crowdfunding platform are investigated. The novelty of the work lies in the identification of legal contradictions in the issues of legal reg-

ulation of crowdfunding. The results of the study were proposals to strengthen legal mechanisms for protecting crowdfunding, to establish rules and state participation through public-private projects. In the course of the study, the author believes that the development of new legal mechanisms for the development of investment activity is an integral part of the process of ensuring the economic sovereignty of the Russian.

Keywords: investment platforms, crowdfunding, crowdfunding, crowdinvesting, utilitarian digital rights, Bank of Russia, retail investments

References

1. Bykova O.N., Olkhovskaya M.O., Profatillov D.A. Crowdfunding: Internet charity or an investment tool for an innovative project? // Innovations. – 2015 – Issue 2. pp. 58–63.
2. A. A. Grakhov, O.Y. Patlasov. Crowdfunding and the P2P network: forecast of interaction and alternative financing in a crisis // Human Science: Humanitarian Studies. 2016. No. 4 (26). pp. 204–218.
3. Isakov D.V. Crowdfunding – an alternative digital way of investing // URL: <https://www.lender-invest.ru> (accessed: 11.09.2023).
4. What amounts are on investors' accounts and what they invest them in // BKS Express. 12.12.2022 // URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kakie-summy-na-schetakh-u-investorov-ivo-cto-oni-ikh-vkladyvaiut> (accessed 15.09.2023)
5. Crowdfunding platform // URL: <https://boomstarter.ru/> (date of application: 11.09.2023).
6. Crowdfunding – a tool for attracting financing for small and medium-sized businesses // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120740/press_01032022_1.pdf (accessed: 11.09.2023).
7. Motovilov O.V. The phenomenon of crowdfunding: a study of the features // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. – 2018. – Volume 34. – Issue 2. – pp. 298–316.
8. Nersesyants, V.S. General theory of law and the State: textbook / V.S. Nersesyants. – M.: Norm-INFRA-M, 2012. –560 p
9. New tools for attracting financing for the development of technology companies: the practice of using and prospects for development in Russia. Analytical report. Moscow, 2018. // URL.: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/219492205?ysclid=lo3zq9mnwr176613344> (accessed 15.09.2023)
10. Overview of the crowdfunding market in Russia 2021 and Q1 2022. Informational and analytical material. М., 2022 // URL.: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf (accessed: 09/15/2023).
11. The volume of the crowdfunding market by the end of 2022 has grown almost 1.5 times WBCMedia //URL.: <https://dzen.ru/a/ZGYbt09XGTdwREdG> (accessed: 09/15/2023).
12. The volume of transactions in 2022 is 3.5 times less than in 2021: venture results // URL.: <https://rb.ru/analytics/venture-results-2022/> (accessed: 09/15/2023).
13. Federal Law No. 259-FZ of August 02, 2019 “On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.08.2019. No. 31. Item 6 of Article 7.
14. Crowdlending (Business) – United Kingdom // URL.: <https://www.statista.com/outlook/dmo/fintech/digital-capital-raising/crowdlending-business/united-kingdom> (accessed: 09/15/2023).
15. What is crowdsourcing? // URL: http://crowdsourcing.ru /article/what_is_the_crowdsourcing (accessed: 09/11/2023).

Понятие, сущность и содержание нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации

Деревянко Мария Сергеевна,

студент (магистрант), Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: meretsi@yandex.ru

Нормотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации является одной из важнейших функций данных органов и неотъемлемой частью законодательного процесса в стране. Эта деятельность направлена на создание и изменение нормативных актов, которые служат основой для правового регулирования различных сфер жизни общества.

Сущность нормотворческой деятельности заключается в разработке и принятии нормативных правовых актов, которые определяют поведение граждан и организаций, а также основные принципы функционирования государства и общества в целом. Содержание нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти включает в себя разработку проектов нормативных актов, их согласование с другими федеральными органами исполнительной власти и общественными организациями, а также принятие окончательного решения о введении нормативного акта в действие. Таким образом, понятие, сущность и содержание нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации являются важнейшими составляющими регулятивного процесса и способствуют созданию нормативных правовых актов, которые содействуют развитию общества и гарантируют соблюдение законности и прав человека.

Актуальность темы статьи обусловлена отсутствием в настоящее время исследований, всецело раскрывающих и определяющих понятие, сущность и содержание нормотворческих полномочий федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации.

Целями настоящего исследования является изучение понятия, сущности и содержания нормотворческих полномочий федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации.

Задачей исследования является описание и определение понятия, сущности и содержания нормотворческих полномочий федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы государственными гражданскими служащими в целях обеспечения исполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти.

Для решения обозначенных задач использованы сравнительно-правовой, системно-структурный методы, а также метод анализа.

Ключевые слова: федеральный орган исполнительной власти, нормотворчество, нормативный правовой акт, министерство, нормотворческие полномочия.

Давая определение какому-либо понятию необходимо помнить, что под этим действием логика как наука понимает краткое раскрытие сути того, что представляет собой какое-либо свойство, деятельность, явление и другие объекты, которые мы хотим определить. А для того, чтобы раскрыть суть объекта, необходимо его всесторонне изучить, понять его сущность и содержание.

Исследованию нормотворчества уделяли внимание многие ученые-правоведы. Так, точка зрения Ю.Г. Арзамасова о нормотворчестве выглядит следующим образом: «Нормотворчество – это определенная форма юридической деятельности, направленная на создание, конкретизацию, дополнение или отмену норм права в целях упорядочения уже существующих либо возникновения новых отношений в социуме». «Оно включает в себя разные способы создания правовых норм. Это принятие нормативных правовых актов путем всенародного голосования (референдума), государственными и муниципальными органами, должностными лицами, актов, выраженных как в форме законов, так и подзаконных актов (актов Президента, Правительства, федеральных министерств, федеральных служб и т.д.)» [1].

По мнению А.П. Альбова и С.В. Николюкина «Нормотворчество – это организационно оформленная деятельность государственного органа (должностного лица) и иных социальных структур (муниципальных органов, профсоюзов, акционерных обществ и т.д.) по созданию правовых норм или по признанию правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения» [2].

По мнению А.П. Альбова и С.В. Николюкина «Правотворчество – это процесс осуществления юридически значимых действий по подготовке, принятию и опубликованию нормативных правовых актов, которые носят официальный характер, подготовлены и оформлены в строго процессуальной процедуре и регулируют наиболее важные общественные отношения» [2].

Бакарджиев Я.В. в своих трудах отмечал: «Правотворчество – деятельность компетентных государственных органов, направленная на создание, изменение или отмену правовых норм путем закрепления их в формах права» [3]. В.Н. Протасов указывает, что правотворчеством является выражение и закрепление юридических норм в разных видах источников права – нормативных правовых актах, судебных прецедентах, нормативно-правовых договорах, обычном праве и т.д. [4]

По мнению Д.Н. Кордика: «В то же время представляется, что по своему смысловому значению

понятие «правотворчество» является более широким и включает в себя в том числе и понятие «нормотворчество... в понятие нормотворческой деятельности в широком смысле входит не только самостоятельная деятельность федеральных органов исполнительной власти по созданию нормативных правовых актов, но и подготовка ими проектов федеральных законов, президентских и правительственных актов. В узком же смысле нормотворческую деятельность можно трактовать исключительно как подготовку и принятие федеральными органами исполнительной власти нормативных правовых актов, отнесенных к их ведению (компетенции)» [5].

По мнению автора, нормотворчество является частью правотворчества, как и законотворчество, то есть правотворчество охватывает своим обширным понятием три вышеуказанных. Несмотря на многообразие вариантов толкования понятия нормотворчества, единый подход к этому в настоящее время отсутствует. Таким образом, основным признаком, характеризующим нормотворчество, выступает то, что оно является деятельностью государственных органов по созданию подзаконных актов.

Нормотворческая деятельность основывается на Конституции Российской Федерации.

Возведение воли государства в закон, то есть закрепление ее в нормах права, является **сущностью** нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, которая имеет ряд характерных только ей особенностей:

осуществляется государственными органами (нормы права создаются государством, им же санкционируются и охраняются);

основывается на Конституции Российской Федерации;

обусловлена потребностью в урегулировании общественных отношений путем формулирования правил поведения для их участников на основе анализа процессов и явлений, характерных данным общественным отношениям;

наличие профессиональных навыков и развитого мышления у государственных гражданских служащих, ею занимающихся;

урегулирована нормами права;

является процессуальной и делится на стадии, несоблюдение последовательности которых может привести к срыву разработки нормативного правового акта, возникновению социальной напряженности и иным негативным последствиям;

имеет своей основной целью принятие новых норм права, но может также проявляться и в форме их изменения или отмены.

Целью нормотворческой деятельности является выработка предложений с последующим их включением в проект нормативного правового акта, а затем утверждение (принятие) нормативного правового акта соответствующим органом в лице уполномоченного должностного лица. Но чтобы в полной мере достичь этой цели, нормотворче-

ская деятельность должна осуществляться на базе неких основных принципов.

«Данные принципы должны пронизывать все стадии и этапы нормотворчества, распространяться на всех субъектов нормотворчества. Во многом отсутствие нормативно закрепленных принципов нормотворчества создает дополнительные трудности правового регулирования общественной жизни» [6].

По результатам анализа ряда мнений ученых-правоведов представляется необходимым отметить, что под принципами нормотворчества можно понимать научно обоснованные постулаты, которые, в случае их учета при нормотворческой деятельности, позволяют нормативному правовому акту быть волеизъявлением народа.

Представляется необходимым выделить следующие принципы нормотворческой деятельности.

1. Принцип демократизма – выступает основополагающим принципом в нормотворческой деятельности, поскольку выражается в открытом, доступном общественности порядке разработки, обсуждения и утверждения нормативных правовых актов. Посредством данного принципа народ выражает свою волю и интересы, давая предложения и замечания к проекту нормативного правового акта.

Концепция акта не может преследовать чьи-то конкретные интересы, не может быть односторонней или чрезмерно регламентировать общественные отношения. Именно соблюдение принципа демократизма позволит нормативному правовому акту быть действительно волеизъявлением народа.

«Этот принцип предполагает участие народа в принятии нормативных правовых актов и прежде всего законов. К основным формам непосредственной демократии в правотворческом процессе относятся принятие законов на референдуме, а также обсуждение проектов наиболее важных нормативных актов в СМИ. С содержательной стороны этот принцип требует, чтобы в законах и иных нормативных актах были отражены ожидания, интересы, потребности народа» [4].

2. Принцип законности – проявляется в том, что нормативные правовые акты должны приниматься федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации исключительно в рамках предоставленной им компетенции, установленной соответствующими положениями о таких органах. Кроме того, нормативные правовые акты не должны противоречить международному праву, Конституции Российской Федерации, федеральным законам и другим нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Нормы подзаконных актов, как правило, направлены на детализацию положений федеральных законов, чем создают условия для их эффективной реализации.

Также принцип законности гласит о том, что федеральный орган исполнительной власти Российской Федерации, приступая к подготовке проекта нормативного правового акта (будь то проект фе-

дерального закона, проект нормативного правового акта Правительства Российской Федерации, проект ведомственного акта и т.д.), должен точно установить, что предмет правового регулирования будущего нормативного правового акта относится к его компетенции.

«При подготовке любого нормативного правового акта (указа, приказа, положения и т.п.) следует убедиться, что решаемый с помощью проекта нормативного правового акта вопрос относится к компетенции того или иного органа власти. При этом допускается решение вопроса строго в тех пределах, которые установлены предписаниями, содержащимися в федеральных законах, указах Президента, постановлениях и распоряжениях Правительства» [1].

3. Принцип гуманизма – является нравственно-юридическим принципом и подразумевает меры ответственности за нарушение моральных принципов и неправильное поведение. Его реализация требует сбалансированности интересов различных сторон и учета общественного мнения. Часто возникают споры о том, какой «моральный кодекс» должен быть применен и какие ценности следует соблюдать. Поэтому важно постоянное обсуждение и совершенствование юридических норм, чтобы они отражали современные представления о добре и зле.

Гуманизм является фундаментальным принципом правовой системы, основой для создания законов и иных нормативных правовых актов. Он предполагает высокую степень уважения к личности, признание и защиту ее прав и свобод. Гуманистический подход в праве обеспечивает равенство перед законом и защиту прав и свобод каждого человека.

В современном мире гуманизм принимает на себя еще большую значимость. Гуманистические ценности признаются всемирными и отражаются в международных стандартах и документах, таких как Всеобщая декларация прав человека. Эти стандарты предлагают общепризнанные принципы, которым должны следовать все государства.

Гуманизм в правовой системе подразумевает, что законы должны быть справедливыми и отражать общечеловеческие ценности. Они должны гарантировать защиту прав и свобод каждого гражданина, независимо от его пола, расы, религии или убеждений. Это важное условие для создания справедливого и развитого общества.

Принцип гуманизма также требует активного участия граждан в формировании законов. Демократические принципы и механизмы, такие как выборы и общественное мнение, должны быть учтены при разработке правовых актов. Это позволяет учитывать интересы и потребности каждого гражданина и создавать законы, отвечающие потребностям общества в целом.

Таким образом, гуманизм играет важную роль в правовой системе, обеспечивая защиту и уважение к правам и свободам каждого человека. Он требует соблюдения общечеловеческих ценностей

и соответствия международным стандартам. Гуманистический подход в праве способствует созданию справедливого и развитого общества, где каждый гражданин равноправен и защищен законом.

4. Принцип научности. Важным фактором является анализ существующих нормативных актов и их практическое применение в жизни общества. Для этого необходимо изучить действующую нормативную базу, сравнить ее с практикой применения права и выявить возможные проблемы и противоречия.

Для достижения научности в нормотворчестве также важно учитывать международные стандарты и мировые тенденции развития права. Современное право является динамичной системой, которая постоянно претерпевает изменения и адаптируется к новым вызовам и требованиям общества. Поэтому для разработки и принятия научных нормативных актов необходимо учитывать и анализировать международный опыт и передовую практику других стран.

Однако научность в нормотворчестве не ограничивается только изучением и анализом информации. Важную роль играют также компетенции и опыт служащих федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Необходимо иметь квалифицированный персонал, обладающий глубокими знаниями в области права, социологии и других смежных наук.

Кроме того, научность в нормотворчестве требует прозрачности и открытости процесса принятия нормативных актов. Интересы и мнения различных сторон должны быть учтены при разработке новых законов и правил. Для этого необходимы публичные обсуждения и широкое привлечение общественности к процессу нормотворчества.

Таким образом, для достижения научности в нормотворчестве необходимо учитывать все вышеперечисленные факторы: анализ информации, учет международного опыта, компетентный персонал и прозрачность процесса принятия решений. Только так можно создать эффективную и справедливую нормативную базу, которая будет соответствовать современным вызовам и потребностям общества.

5. Принцип профессионализма. При разработке норм и правил важно обращаться за помощью к компетентным специалистам из различных областей, включая юристов, политологов, социологов, экономистов, философов и психологов. Ведь каждая из этих профессий уделяет особое внимание разным аспектам жизни общества.

Когда мы создаем нормы и правила, необходимо учитывать взгляды различных социальных групп, чтобы наши предложения могли быть успешно приняты и реализованы. Это позволит учесть интересы разных слоев населения и сделать нормы более справедливыми и эффективными. Не должны быть оставлены без внимания мнения и потребности работников, представителей различных социальных групп и меньшинств. Таким образом, для создания эффективных норм и пра-

вил необходимо вовлекать в процесс нормотворчества юристов-практиков, так как они могут предоставить ценную информацию о реальной практике применения законов и помочь обеспечить соблюдение конституционных прав, свобод и законных интересов граждан. Ведь именно юристы-практики сталкиваются с проблемами, возникающими при применении законодательства на практике и могут предложить наиболее эффективные решения.

Взаимодействие компетентных специалистов из разных областей и практикующих юристов в процессе создания норм и правил поможет сделать их более справедливыми, эффективными и соответствующими потребностям общества в целом. Только такое сотрудничество позволит обеспечить развитие правового государства и защиту прав и свобод граждан, что является одной из основных задач нашего общества.

6. Принцип плановости. Этот принцип говорит нам о необходимости учитывать общественное мнение и специализированные исследования, чтобы разработать соответствующую стратегию для развития законодательства в долгосрочной перспективе. Кроме того, важно определить приоритетные области, которые требуют наибольшего внимания и первостепенного регулирования.

Осуществление правовых реформ и внесение изменений должно осуществляться поэтапно и систематически. Необходимо учитывать реальные потребности и тенденции развития общества, а также принимать во внимание политические и экономические факторы. Плановость помогает избежать необдуманных и несогласованных решений, а также обеспечивает стабильность и надежность в правовой системе.

Для успешной реализации плановых мер необходимо создание механизмов мониторинга и контроля за выполнением поставленных задач. Анализ действующего законодательства, выявление предпосылок реализации федеральными органами исполнительной власти нормотворческих полномочий [7], регулярное обновление и оптимизация правовой базы также являются важными компонентами планового подхода.

Плановость в разработке и принятии правовых актов играет важную роль в обеспечении стабильности и эффективности правовой системы. Долгосрочная перспектива и учет реальных потребностей общества позволяют принимать обоснованные и устойчивые решения, а также способствуют развитию и улучшению правовой среды. Планирование также помогает предотвратить противоречия в законодательстве, обеспечивая более эффективное функционирование государства. Результаты планирования в правотворческой деятельности могут быть оценены на основе достижения поставленных задач и целей, в том числе путем учета мнения общественности и экспертных оценок.

Таким образом, планирование является важной составляющей и инструментом в области нормотворчества федеральных органов исполни-

тельной власти Российской Федерации, способствующим улучшению нормативно-правовой базы и обеспечению развития государства.

7. Принцип технико-юридического совершенства. Юридическая техника – это набор правил и методов, используемых для создания и структурирования юридических документов. Главная цель этой техники – сделать эти документы понятными и эффективными. Юридическая техника применяется к текстам правовых актов и включает в себя деловые подходы и приемы, разработанные в ходе их создания. Она может быть закреплена в специальных нормативных актах или основана на установившихся обычаях. Кроме того, юридическая техника играет важную роль в юридическом образовании и практике, помогая юристам разбираться в сложности правовых текстов и составлять их правильно и грамотно.

При написании юридических текстов необходимо придерживаться определенных требований. Прежде всего, тексты должны быть лишены эмоциональных выражений. Также важно, чтобы материал был точным, понятным, связанным и последовательным.

Допускается использование устойчивых юридических штампов, клише и специальной терминологии, если это необходимо. Однако следует помнить о читаемости текста и избегать излишнего количества специфичных терминов.

Юридические тексты должны быть уместно структурированы, с использованием заголовков, абзацев и списков, чтобы облегчить понимание информации. Кроме того, необходимо предусмотреть ссылки на законодательные акты, предыдущие решения и другие источники права, чтобы обеспечить полноту информации и узнаваемость.

В целом, юридические тексты должны быть выверенными и внимательно проработанными. Они представляют собой инструмент для точного и ясного регулирования правовых отношений и требуют особого внимания и аккуратности при их составлении.

8. Принцип гласности. Принцип гласности предусматривает возможность представления общественного мнения. Граждане имеют право высказывать свои взгляды и мнения в отношении деятельности государственных органов. Это важно для формирования конструктивного диалога между властью и людьми, а также для учета интересов граждан при принятии решений.

Участие граждан в принятии решений и контроле за деятельностью органов власти также является важной составляющей принципа гласности. Гражданам должны быть предоставлены возможности участвовать в процессе принятия решений, особенно в отношении вопросов, касающихся их интересов. Кроме того, контроль за деятельностью органов власти должен осуществляться не только государственными структурами, но и общественными организациями и гражданами.

Принцип гласности является необходимым инструментом для борьбы с коррупцией и злоупо-

треблениями властью. Открытость и прозрачность деятельности государственных органов позволяет предотвратить возможность сокрытия информации о неправомερных действиях и обеспечивает возможность контролировать деятельность органов власти.

«Суть принципа гласности заключается в том, что он является одним из признаков правового государства и гражданского общества, и означает открытое обсуждение и принятие законодательных актов, доведение до всеобщего сведения законодательных решений, обеспечивает условия для осуществления контроля общества за функционированием законодательных органов» [8].

Таким образом, принцип гласности является важным элементом демократического общества. Он предусматривает раскрытие информации о деятельности государственных органов, предоставление доступа к ней каждому гражданину, возможность представления общественного мнения и участие граждан в принятии решений и контроле за деятельностью органов власти. Этот принцип является необходимым условием для развития демократии и обеспечения прав граждан.

Таким образом, **содержанием** нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации является создание, изменение, принятие или отмена подзаконных правовых норм в рамках установленных процедур.

По мнению автора, нормотворчество играет важную роль в утверждении правопорядка и регулировании общественных отношений. Данная деятельность должна осуществляться на основе компетенции и соблюдения установленных процедур, чтобы обеспечить законность и справедливость принимаемых нормативных актов. Автор отмечает, что нормотворчество является одним из фундаментальных элементов государственного управления и его регулятивной функции, а также приходит к выводу, что эффективное нормотворчество способствует стабильности правовой системы и развитию гражданского общества.

Литература

1. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / Ю.Г. Арзамасов [и др.]; под редакцией Ю.Г. Арзамасова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 542 с. – (Высшее образование).
2. Правотворчество: учебное пособие для вузов / А.П. Альбов [и др.]; под редакцией А.П. Альбова, С.В. Николюкина. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 254 с. – (Высшее образование).
3. Теория государства и права в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / Я.В. Бакарджиев, В.А. Рыбаков, Р.А. Ромашов. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 304 с. – (Высшее образование).
4. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В.Н. Протасов. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 455 с. – (Высшее образование).
5. Кордик Д.Н. Понятие и содержание нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти: теоретические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 5.
6. Административно-правовые формы государственного и муниципального управления: учебное пособие / А.Н. Миронов. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 67 с.
7. Деревянко М.С. Предпосылки реализации нормотворческих полномочий федеральными органами исполнительной власти // Правовая позиция. 2023. № 8.
8. Иванов К.К. Принцип гласности в российском законотворчестве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4.
9. Тапорина В.В., Долгов С.Ф. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ПОНЯТИЕ, ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ // 2022. № 1.

THE CONCEPT, ESSENCE AND CONTENT OF THE NORMATIVE ACTIVITY OF FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Derevyanko M.S.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The normative activity of the federal executive authorities of the Russian Federation is one of the most important functions of these bodies and an integral part of the legislative process in the country. This activity is aimed at creating and changing regulations that serve as the basis for legal regulation of various spheres of society.

The essence of rule-making activity consists in the development and adoption of normative legal acts that determine the behavior of citizens and organizations, as well as the basic principles of the functioning of the state and society as a whole. The content of the normative activity of the federal executive authorities includes the development of draft regulations, their coordination with other federal executive authorities and public organizations, as well as the adoption of a final decision on the introduction of a regulatory act into effect.

Thus, the concept, essence and content of the normative activity of the federal executive authorities of the Russian Federation are the most important components of the regulatory process and contribute to the creation of regulatory legal acts that promote the development of society and guarantee respect for the rule of law and human rights.

The relevance of the topic of the article is due to the absence of Currently, there are studies that fully disclose and define the concept, essence and content of the normative powers of the federal executive authorities of the Russian Federation.

The purpose of this study is to study the concept, essence and content of the normative powers of the federal executive authorities of the Russian Federation.

The objective of the study is to describe and define the concept, essence and content of the normative powers of the federal executive authorities of the Russian Federation.

The results of this study can be used by state civil servants in order to ensure the execution of the powers of federal executive authorities.

Comparative-legal, system-structural methods, as well as the method of analysis are used to solve these tasks.

Keywords: federal executive authority, rulemaking, regulatory legal act, ministry, rulemaking powers.

References

1. Normography: theory and technology of rulemaking: textbook for universities / Yu.G. Arzamasov [et al.]; edited by Yu.G. Arza-

- masov. – 2nd ed., ispr. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 542 p. – (Higher education).
2. Lawmaking: a textbook for universities / A.P. Albov [et al.]; edited by A.P. Albov, S.V. Nikolyukin. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 254 p. – (Higher education).
 3. Theory of state and law in 2 h. Part 2: textbook for universities / Ya.V. Bakardzhiev, V.A. Rybakov, R.A. Romashov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 304 p. – (Higher education).
 4. Theory of state and law: textbook and workshop for universities / V.N. Protasov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 455 p. – (Higher education).
 5. Kordik D.N. The concept and content of the normative activity of federal executive authorities: theoretical and legal aspects // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2015. № 5.
 6. Administrative and legal forms of state and municipal management: textbook / A.N. Mironov. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. – 67 p.
 7. Derevyanko M.S. Prerequisites for the implementation of normative powers by federal executive authorities // Legal position. 2023. No. 8.
 8. Ivanov K.K. The principle of publicity in Russian lawmaking // Actual problems of humanities and natural sciences. 2012. No. 4.
 9. Taporina V.V., Dolgov S.F. LEGAL TECHNIQUE CONCEPT, APPROACHES TO RESEARCH AND PROBLEM STATEMENT // 2022. No. 1.

Российские организационно-правовые инструменты методологически обеспечивающие безопасность информации ограниченного доступа при осуществлении антикоррупционной деятельности

Елин Владимир Михайлович,

к.п.н., доцент департамента информационной безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры информационной безопасности МОСУ МВД РФ им. В.Я Кикотя
E-mail: elin_vm@mail.ru

Царегородцев Анатолий Валерьевич,

д.т.н., профессор, руководитель Департамента информационной безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

В настоящее время в нашей стране разработаны и применяются методика защиты информации ограниченного доступа, не составляющей государственную тайну, а также методика защиты персональных данных. К сожалению, предлагаемые решения не нашли своего отражения в базе методологического инструментария Минтруда России.

В статье представлены методики применяемые для обеспечения информационной безопасности информации ограниченного доступа при обработке в информационных системах в Российской Федерации. Произведен анализ методологий обработки информации при использовании системы «Посейдон» в качестве ИКТ-технологии в при осуществлении деятельности связанной с профилактикой коррупционных правонарушений. Значительное внимание уделяется методическим рекомендациям Федеральной службы по техническому и экспортному контролю Российской Федерации (ФСТЭК РФ) по защите информации ограниченного доступа в государственных информационных системах и информационных системах обработки персональных данных. Представлен вывод о возможности применения методических рекомендаций ФСТЭК применительно к методологическому обеспечению антикоррупционной деятельности.

Ключевые слова: информационная безопасность, информация ограниченного доступа, методы обеспечения безопасности, информационные угрозы, уязвимости информационных систем.

В современной Российской Федерации проблеме борьбы с коррупцией уделяется значительное внимание, поскольку в течение обозримой истории Ойкумены, во все времена и во всех странах коррупция противопоставляла, с одной стороны, законные интересы общества и государства, а с другой стороны, получаемую государственными служащими для себя лично или для третьих лиц выгоду в виде денег, ценностей, имущества услуг или прав.

В Российской Федерации законодатель относит к коррупционной деятельности злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения [1].

При этом противодействие коррупции, включающее в себя предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование причин коррупции и коррупционных правонарушений составляет элемент деятельности федеральных органов государственной власти (включая Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции[2]), органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц.

Информационно-коммуникационной технологией для обеспечения профилактики коррупционных преступлений определена автоматизированная система обработки информации «Посейдон», реализующая информационно-аналитическое обеспечение аналитической и проверочной деятельности в целях противодействия коррупции. В процессе функционирования «Посейдона» анализируется и проверяется деятельность по соблюдению антикоррупционных ограничений, запретов и требований [3], в том числе и на размещаемую в системе информацию (в состав которой могут входить персональные данные), поскольку состав и источники информации определяются ее координатором совместно с оператором системы «Посейдон» с участием поставщиков информации.

Защита информации ограниченного доступа в системе «Посейдон», ее использование и предоставление осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом Федеральный Закон «О противодействии коррупции» связывает защиту информации с запретом для должностных лиц «разглашать или использовать в целях, не связанных с выполнением служеб-

ных обязанностей, сведения, отнесенные к информации ограниченного доступа, ставшие им известными в связи с выполнением служебных обязанностей» [1]

Существуют специальные требования [4] по размещению и наполнению разделов сайтов связанных с антикоррупционными мероприятиями, исполнение которых возложено на федеральные государственные органы, Центральный банк Российской Федерации, Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, государственные корпорации (компании) и иные организации (далее: ФОИВ).

Методическими рекомендациями [5] определены основные подразделы в разделе «Противодействие коррупции», расположенного на площадке официальных сайтов ФОИВ в информационно-телекоммуникационной сети интернет и позволяют проводить мониторинг для определения рейтинга органов исполнительной власти по исполнению антикоррупционных требований. Методология предусматривает формирования подразделов, перечень которых ограничивается тематикой антикоррупционных нормативно-правовых актов, антикоррупционной экспертизой, комиссионную информацию о соответствующем служебном поведении и отсутствии конфликта интересов, данных о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также образцов документов, связанных с противодействием коррупции и инструменты обеспечения двусторонней связи для сообщений о проявлении коррупции.

Таким образом, при информационно-аналитическом обеспечении аналитической и проверочной деятельности в целях противодействия коррупции с использованием ГИС «Посейдон» методические документы Роструда не предполагают проведение комплекса мероприятий по защите информации ограниченного доступа.

С другой стороны, Указом Президента Российской Федерации [6] установлено, что вопросы государственной безопасности, связанные с реализацией как специальных, так и контрольных функций по применению некриптографического инструментария в сфере защиты информации ограниченного доступа (далее – техническая защита информации) реализуются Федеральной службой по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России). При этом понятие защиты информации ограниченного доступа включает в себя также предотвращение утечки информации ограниченного доступа по техническим каналам, защиту от специальных воздействий на как на саму информацию, так и на ее носители. Цели злоумышленника при этом несущественны и могут включать в себя добывание, уничтожение, искажение и блокирование доступа к информации ограниченного доступа.

В рамках реализации обязанностей ФСТЭК России разработал методологию защиты информации ограниченного доступа в ГИС либо в негосу-

дарственных информационных системах [7]. Здесь информация выступает как государственный информационный ресурс.

Объектами защиты в информационной системе выступают информация (в первую очередь компьютерные данные и программное обеспечение), информационные технологии и технические средства обработки и передачи данных и средства защиты информации.

Субъектами методологии выступают операторы ГИС, обладатели информации и заказчики по созданию ГИС, осуществляющие защиту информации в ГИС. Деятельность субъекта осуществляется на основании требований Российской Федерации о защите информации [8] и дополнительно регламентируется договорными обязанностями связанными с требованиями к участнику по обеспечению защиты информации.

Защита содержащейся в ГИС информации обеспечивается обладателем информации и оператором ГИС путем выполнения требований к организации и мерам защиты содержащейся в информационной системе информации.

Принимаемый субъектами комплекс организационно-технических мер защиты направлен на обеспечение целостности, доступности и конфиденциальности информации путем предотвращения ее неправомерных уничтожения, модифицирования, доступа, копирования, предоставления, распространения или блокирования.

Комплекс предусмотренных методологией нормативно-организационных мероприятий включает в себя формирование требований к системе защиты информации, разработку и внедрение указанной системы с ее последующей аттестацией с последующим вводом системы в действие. Обеспечение защиты информации осуществляется как в процессе эксплуатации, так и при выводе информационной системы из эксплуатации, а также после принятия решения об окончании обработки информации.

В основу совокупности требований к защите информации ограниченного доступа в аттестованной информационной системе положены рекомендации государственных стандартов [9], в связи с чем после принятия решения о необходимости защиты информации в аттестованной государственной информационной системе следует осуществить классификацию информационной системы по требованиям защиты информации. Исходя из того, что информационная безопасность определяется как состояние защищенности, следует определить совокупность угроз безопасности информации и, противопоставив конкретной угрозе комплекс противомер, осуществить разработку модели угроз безопасности информации и совокупности требований к системе защиты информации.

Классификация информационной системы осуществляется в зависимости от уровня значимости обрабатываемой информации и масштаба информационной системы (федеральный, региональный, объектовый).

Три уровня значимости информации связываются с возможностью наступления существенных, умеренных или незначительных негативных последствий для обладателя информации или оператора от нарушения конфиденциальности, целостности или доступности информации.

Негативные последствия связываются с невозможностью выполнения возложенных функций (полностью или частично), с недостаточной эффективностью или с необходимостью привлечения дополнительных сил и средств.

При обработке в информационной системе двух и более видов информации уровень значимости информации определяются отдельно для каждого вида информации. Итоговый уровень значимости информации, обрабатываемой в информационной системе, устанавливается по наивысшим значениям степени возможного ущерба, определенным для конфиденциальности, целостности, доступности информации каждого вида информации.

Устанавливаются три класса защищенности информационной системы, определяющие уровни защищенности содержащейся в ней информации. Класс защищенности подразделяется от третьего (низкого) к первому (высокому) уровням.

После осуществления анализа внешних и внутренних нарушителей и определения их потенциала определяются уязвимости государственной аккредитованной информационной системы и формируются предложения по противодействию угрозам безопасности информации в целях обеспечения конфиденциальности, целостности, доступности как основных свойств безопасности информации. При этом следует иметь в виду, что для определения информационных угроз следует банк данных угроз ФСТЭК России, характеризующийся в качестве рекомендации.

Структура и состав информационной системы, а также физические, логические, функциональные и технологические взаимосвязи между сегментами информационной системы обеспечивающие различные режимы обработки информации как в системе в целом, так и в ее отдельных сегментах относятся к функциональным характеристикам информационной системы. К ним также относятся инструменты взаимодействия с иными информационными системами и информационно-телекоммуникационными сетями и иные характеристики.

Модель угроз безопасности информации должна включать в себя структурно-функциональные характеристики информационной системы, ее описание, перечень угроз безопасности и способы их реализации, модель нарушителя, представляющую собой характеристику возможностей нарушителя, уязвимости информационной системы и последствия от нарушения свойств безопасности информации.

Политика информационной безопасности служит основой для формирования совокупности требований к системе защиты информации.

На основании технического задания на создание информационной системы или системы защиты информации обладатель информации либо заказчик на разработку информационной системы обязан организовать разработку системы защиты информации информационной системы, в основу которой надлежит положить требования стандартов на создание автоматизированных систем [10].

Проектирование системы защиты информации напрямую связано с представлением субъектов и объектов доступа, методов управления доступом, типов доступа и правил разграничения доступа участников к ресурсам информационной системы. При проектировании следует представить предложения по инструментарию защиты информации, структуре системы защиты информации, совокупности сертифицированных средств защиты информации и требований к параметрам настройки программного обеспечения.

Согласно требованиям технических регламентов [11] на разработку проектной и эксплуатационной документации системы защиты информации следует согласовать документацию с оператором информационной системы с учетом функциональных возможностей имеющихся сертифицированного инструментария защиты информации.

Организационные меры защиты информации реализуются на этапе внедрения СЗИ и включают в себя подготовку регламентных документов направленных на координацию деятельности администраторов и пользователей информационной системы с учетом правил разграничения доступа и ограничений действий пользователя по управлению и конфигурированию аттестованной информационной системы. Инструментарий предусматривает разработку комплекс учений по реализации мер защиты направленных на выявление инцидентов и мониторинг уровня защищенности информации согласно обязательным правилам и процедурам. При этом документами по защите информации определен комплекс обязательных правил и процедур.

Помимо разработки документов, определяющих правила и процедуры, реализуемые оператором для обеспечения защиты информации в информационной системе в ходе ее эксплуатации осуществляются анализ уязвимостей информационной системы и принятие мер защиты информации по их устранению. К числу мероприятий осуществляемых в отношении СЗИ на данном этапе также относятся: установка и настройка, предварительные испытания, опытная эксплуатация, приемочные испытания СЗИ в информационной системе.

На стадии аттестации информационной системы обладатель информации, заказчик или оператор информационной системы осуществляют организационные и технические мероприятия предусматриваемые в качестве аттестационных испытаний. После оценки эффективности аттестационных испытаний следует соотнести требования ФСТЭК России с установленными системами защиты.

Методы проведения аттестационных испытаний и проверок также определены ФСТЭК России и включают в себя экспертно-документальный метод, метод анализа уязвимостей информационной системы и метод тестирования.

В том случае, когда в ГИС помимо иной информации ограниченного доступа производится обработка персональных данных, одновременно применяются различные методологии: защиты информации ограниченного доступа не составляющей государственную тайну и требования к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных [12].

Обеспечение безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных (ИСПДн) осуществляется путем реализации комплекса организационных и технических мер, определенного ФСТЭК России [13] на основании требований ч. 4 ст. 19 ФЗ «О персональных данных» [14].

Обеспечение безопасности персональных данных осуществляется путем нейтрализации актуальных угроз безопасности персональных данных, причем для обеспечения каждого из уровней защищенности персональных данных разработаны конкретные составы и содержание мер по обеспечению безопасности персональных данных.

Применение криптографических методов обеспечения информационной безопасности персональных данных в ИСПДн регламентируются Приказом ФСБ России № 378[15].

Заключение

Таким образом, применение информационно-коммуникационных технологий в целях реализации задачи противодействия коррупции и профилактики коррупционных преступлений с использованием автоматизированной системы обработки информации «Посейдон» предполагает информационно-аналитическую и проверочную деятельность. При этом перед координатором системы «Посейдон», ее оператором, а также поставщиками информации определен круг задач, связанных не только с анализом и проверкой деятельности по соблюдению антикоррупционных ограничений, запретов и требований, но также и по выполнению требований обеспечения безопасности информации ограниченного доступа.

В настоящее время в нашей стране разработаны и применяются методика защиты информации ограниченного доступа, не составляющей государственную тайну, а также методика защиты персональных данных. К сожалению, предлагаемые решения не нашли своего отражения в базе методологического инструментария Минтруда России.

Литература

1. Федеральный Закон от 25.10.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228
2. Указ Президента Российской Федерации от 19.05.2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции»// СЗ РФ, 26.05.2008, № 21, ст. 2429
3. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон»)//<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47769>
4. Приказ Минтруда России от 7 октября 2013 г. № 530н «О требованиях к размещению и наполнению подразделов, посвященных вопросам противодействия коррупции, официальных сайтов федеральных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, государственных корпораций (компаний), иных организаций, созданных на основании федеральных законов, и требованиях к должностям, замещение которых влечет за собой размещение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» //РГ, № 295, 30.12.2013
5. Методические рекомендации для проведения мониторинга размещения на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» актуальной информации о мерах по профилактике и противодействию коррупции// Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://rosmintrud.ru/> по состоянию на 05.07.2023
6. Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» // СЗ РФ, 23.08.2004, № 34, ст. 3541
7. Приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17 «Об утверждении требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» // РГ, № 136, 26.06.2013.
8. Закон РФ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» / СЗ РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448,
9. ГОСТ Р 51563 «Защита информации. Порядок создания автоматизированных систем в защищенном исполнении. Общие положения»; ГОСТ Р 51624 «Защита информации. Автоматизированные системы в защищенном исполнении. Общие требования»
10. ГОСТ 34.601 «Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Стадии создания»

11. ГОСТ 34.201 «Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Виды, комплектность и обозначение документов при создании автоматизированных систем»
12. Постановление Правительства РФ от 1.11.2012 года № 1119 «Об утверждении требований содержащейся в государственных информационных системах»// СЗ РФ, 2012, № 45, ст. 6257
13. Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 «Об утверждении Составы и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»// РГ, № 107, 22.05.2013.
14. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»// СЗ РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451
15. Приказ ФСБ России от 10.07.2014 № 378 «Об утверждении Составы и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности»// РГ, № 211, 17.09.2014

RUSSIAN ORGANIZATIONAL AND LEGAL INSTRUMENTS METHODOLOGICALLY ENSURING THE SECURITY OF RESTRICTED ACCESS INFORMATION WHEN CARRYING OUT ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES

Elin V.M., Tsaregorodtsev A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Currently, in our country, methods for protecting restricted access information that do not constitute a state secret, as well as methods for protecting personal data, have been developed and are being applied. Unfortunately, the proposed solutions were not reflected in the base of methodological tools of the Russian Ministry of Labor. The article presents methods used to ensure information security of restricted access information when processed in information systems in the Russian Federation. An analysis was made of information processing methodologies when using the Poseidon system as an ICT technology in carrying out activities related to the prevention of corruption offenses. Considerable attention is paid to the methodological recommendations of the Federal Service for Technical and Export Control of the Russian Federation (FSTEC RF) on the protection of restricted access information in state information systems and information systems for processing personal data. A conclusion is presented about the possibility of applying the methodological recommendations of the FSTEC in relation to the methodological support of anti-corruption activities.

Keywords: information security, restricted information, security methods, information threats, information system vulnerabilities.

References

1. Federal Law of October 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // SZ RF, December 29, 2008, No. 52 (Part 1), Art. 6228
2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 19, 2008 No. 815 "On measures to combat corruption" // SZ RF, 05.26.2008, No. 21, Art. 2429
3. Decree of the President of the Russian Federation dated April 25, 2022 No. 232 "On the state information system in the field of anti-corruption "Poseidon" and amendments to some acts of the President of the Russian Federation" (together with the "Regulations on the state information system in the field of anti-corruption "Poseidon") // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47769>
4. Order of the Ministry of Labor of Russia dated October 7, 2013 No. 530n "On the requirements for the placement and filling of subsections dedicated to anti-corruption issues on the official websites of federal government bodies, the Central Bank of the Russian Federation, the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, the Federal compulsory health insurance fund, state corporations (companies), other organizations created on the basis of federal laws, and requirements for positions, the filling of which entails posting information on income, expenses, property and property-related liabilities" // RG, No. 295, 12/30/2013
5. Methodological recommendations for monitoring the placement on the official websites of federal executive authorities on the Internet information and telecommunications network of up-to-date information on measures to prevent and combat corruption // The text of the document is given in accordance with the publication on the website <https://rosmintrud.ru/> as of 07/05/2023
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 08/16/2004 No. 1085 "Issues of the Federal Service for Technical and Export Control" // SZ RF, 08/23/2004, No. 34, Art. 3541
7. Order of the FSTEC of Russia dated February 11, 2013 No. 17 "On approval of requirements for the protection of information that does not constitute a state secret, contained in state information systems" // RG, No. 136, 06/26/2013.
8. Law of the Russian Federation No. 149-FZ "On information, information technologies and information protection" / SZ RF, 07.31.2006, No. 31 (1 part), art. 3448,
9. GOST R 51563 "Information protection. The procedure for creating automated systems in a secure design. General provisions"; GOST R 51624 "Information protection. Automated systems in a secure design. General requirements"
10. GOST 34.601 "Information technology. Set of standards for automated systems. Automated systems. Stages of creation"
11. GOST 34.201 "Information technology. A set of standards for automated systems. Types, completeness and designation of documents when creating automated systems"
12. Decree of the Government of the Russian Federation of November 1. 2012 No. 1119 "On approval of the requirements contained in state information systems" // SZ RF, 2012, No. 45, Art. 6257
13. Order of the FSTEC of Russia dated February 18, 2013 No. 21 "On approval of the composition and content of organizational and technical measures to ensure the security of personal data during their processing in personal data information systems" // RG, No. 107, 05/22/2013.
14. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Federal Law of the Russian Federation, July 31, 2006, No. 31 (1 part), Art. 3451
15. Order of the FSB of Russia dated July 10, 2014 No. 378 "On approval of the composition and content of organizational and technical measures to ensure the security of personal data during their processing in personal data information systems using cryptographic information protection tools necessary to fulfill the requirements established by the Government of the Russian Federation protection of personal data for each level of security"// RG, No. 211, 09.17.2014

Некоторые итоги создания апелляционных и кассационных судов

Коршунов Юрий Алексеевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права прокурорско-следственного факультета Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: yurkorsh@gmail.com

Ранее, в рамках исследуемой темы, автором рассматривался ряд положений судебной реформы в Российской Федерации, связанной с созданием апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, оптимизации организации их деятельности [8]. Реформирование проводилось с целью создания дополнительных гарантий справедливого правосудия, повышения уровня независимости судей, надлежащей защиты прав и свобод граждан. Вместе с тем, в данной статье отмечается, что организация работы вновь образованных судов не лишена определенных недостатков, которые в своей совокупности не оказывают влияния на ее прогрессивный характер и которые можно нивелировать взвешенным и обстоятельным подходом к судебной деятельности. Защита прав и свобод граждан, в том числе участников специальной военной операции, ветеранов боевых действий и членов их семей, являются основными приоритетами в работе новых звеньев судебной системы.

Ключевые слова: судоустройство, судебная система, судебная реформа, апелляция, кассация, независимость судей, борьба с коррупцией, специальная военная операция, ветераны.

В 2019 году начали свою деятельность новые звенья системы судов общей юрисдикции – апелляционные и кассационные суды [2, 3, 4]. Организация данных судов ознаменовала новый этап судебной реформы, направленный на реализацию конституционного положения о России как о правовом государстве [1], создание дополнительных гарантий справедливого правосудия, повышение уровня независимости судей, надлежащую защиты прав и свобод граждан. Суды действуют уже несколько лет и можно с уверенностью сделать вывод о том, что это эффективные органы судебного контроля, стоящие в том числе и на защите государственных интересов. Ими наработана определенная практика рассмотрения судебных дел, которую можно использовать во благо как граждан, так и всего государства в целом.

Проходящая в настоящее время специальная военная операция обнажает множество проблем правового характера, связанных как с защитой прав и свобод населения на новых территориях, так и с защитой интересов участников боевых действий, ветеранов и членов их семей. При таких обстоятельствах организация новых звеньев судебной системы за несколько лет до этого выглядит весьма своевременным и обдуманым шагом со стороны государства.

Исходя из срока работы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, можно подвести некоторые итоги их деятельности, которые как и все новое не лишены определенных недостатков [8].

Так, территориальная юрисдикция судов распространяется на соответствующие судебные округа, включающие несколько субъектов Российской Федерации. Исключение составляют военные апелляционный и кассационный суды, их территориальная юрисдикция – вся территория государства. Окружная организация работы позволяет создать дополнительные гарантии верховенства закона, поскольку проверка судебных актов осуществляется за пределами территориальных юрисдикций нижестоящих судов, вне местных коррупционных и социальных факторов. Подобная организация работы признается позитивной в том числе и в теории государственного управления [11].

Такие государства, как Аргентинская Республика, Королевство Бельгия, Мексиканские Соединенные Штаты, Соединенные Штаты Америки, Федеративная Республика Бразилия, Французская Республика и др. строят организацию работы своих проверочных судебных инстанций на основе судебных округов. Так, судебные системы Бельгии, США и Франции имеют в своем составе соответственно 5, 13 и 35 апелляционных судов, чья терри-

ториальная юрисдикция распространяется на несколько субъектов федерации (административно-территориальных единиц) [9]. На постсоветском пространстве окружная организация работы судов характерна для Азербайджанской Республики, Грузии, Латвийской Республики и Эстонской Республики.

С появлением новых судов уровень независимости судей и объективность судебной деятельности повысились [5, 10], поскольку теперь отсутствует возможность совмещения в одном суде областного звена функций суда первой, апелляционной, а в некоторых случаях и кассационной инстанций, что до реформы ставило под сомнение объективность и беспристрастность решений, принятых в ходе апелляционного и кассационного пересмотра дела.

Реформой создана дополнительная гарантия справедливого правосудия, поскольку новые судебные органы организационно и инстанционно обособлены, они проверяют судебные акты нижестоящих судов на некотором удалении от них, что также способствует объективности судопроизводства.

Установлено, что полномочия апелляционных и кассационных судов можно классифицировать исходя из направлений их реализации на:

- процессуальные;
- контрольно-предупредительные;
- организационно-методические.

Процессуальные полномочия включают в себя совокупность прав и обязанностей по проверке актов нижестоящих судов; контрольно-предупредительные направлены на осуществление судебного контроля и предупреждение нарушений закона нижестоящими судами и иными лицами, устранение причин и условий принятия незаконных и необоснованных решений; организационно-методические реализуются в форме надлежащего методического обеспечения судебной деятельности и эффективной организации работы судов [6, 7].

Кроме того, можно сделать вывод о том, что в отличие от зарубежного опыта, существующие в настоящее время требования к профессиональной подготовке кандидатов на должности судей апелляционных и кассационных судов недостаточны, необходима регламентация на законодательном уровне положений о предварительной профессиональной подготовке кандидатов в судьи этих судов в специализированном учебном заведении перед их первоначальным назначением на судебскую должность, а также о наличии определенного профессионального опыта, связанного с работой судьей иных звеньев судебной системы, поскольку это позволит повысить квалификацию кандидатов в соответствии с требованиями к судебной деятельности.

Система предварительного обучения судей в специализированных учебных заведениях действует в Австрийской Республике, Бельгии, Венгрии, Итальянской Республике, Республике Индия, Республике Польша, Республике Сербия, Федеративной Республике Германия, Франции, Чешской

Республике, Японии и в других странах, на постсоветском пространстве – в Азербайджане, Армении, Грузии, Молдове и др. Российский государственный университет правосудия с его филиальной сетью вполне может обеспечить подобное обучение.

Определяется, что институт администраторов судов должен быть интегрирован в аппараты апелляционных и кассационных судов в форме администраторов судов – руководителей аппаратов этих судов. Именно эти лица должны организационно обеспечивать судебную деятельность, соответствующие должности федеральной государственной гражданской службы необходимо отнести к перечню должностей аппаратов апелляционных и кассационных судов исходя из того, что это позволит улучшить работу аппаратов, построить работу по организационному обеспечению деятельности судов на основе принципа единоначалия, освободить председателей судов от полномочий, не связанных с осуществлением правосудия, снизить рабочую нагрузку на них, что в целом улучшит качество отправления правосудия.

Установлено, что наиболее эффективно проблема доступа к правосудию в апелляционных и кассационных судах может быть решена путем предоставления судам права организации работы на основе выездных сессий, приближающих правосудие к населению, повышающих авторитет судебной власти и реализующих воспитательную функцию суда, исходя из того, что иные формы обеспечения доступа к правосудию, такие как применение видео-конференц-связи, различных онлайн-технологий, обеспечивающих режим удаленного доступа в судебное заседание, а также организация работы судов на основе постоянных судебных присутствий, не в полной мере гарантируют доступность и непосредственность правосудия.

Суды таких государств, как Австралийский Союз, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, США и Франция длительное время организуют работу на основе выездных сессий.

Определяется, что совершенствование судебной системы как государственного института приводит к появлению у нее новых свойств. Эта система по сути не статична, а представляет собой постоянно совершенствующуюся, динамичную социальную материю.

Организация надрегиональных звеньев судебной системы, то есть апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, обусловила такое свойство системы судов общей юрисдикции, которое можно условно назвать гибкостью. С учетом этого свойства система судов общей юрисдикции имеет признаки динамичной, гибкой конструкции, структурные звенья которой можно согласованно нагрузить или, наоборот, разгрузить путем частичного изменения процессуального законодательства. Данные изменения возможны как для качественного рассмотрения дел определенных категорий, так и для решения проблемы служебной нагрузки в различных звеньях судебной системы.

В целях оптимизации судебной деятельности возможно снизить нагрузку на судей судов областного звена системы судов общей юрисдикции посредством расширения юрисдикции апелляционных судов применительно к рассмотрению судебных дел определенных категорий. Снизить нагрузку на судей судов областного звена возможно путем передачи в производство апелляционных судов общей юрисдикции судебных дел, рассмотренных районными судами – уголовных дел, приговоры по которым постановлены с участием присяжных заседателей, уголовных дел о преступлениях, совершенных предпринимателями в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности, уголовных дел коррупционной направленности, а также уголовных дел о преступлениях в отношении несовершеннолетних, поскольку возможно расширить полномочия апелляционных судов и увеличить рабочую нагрузку на их судей [6, 7].

Про уголовные дела, рассмотренные районными судами (гарнизонными военными судами) с участием присяжных заседателей, как не вполне простые с точки зрения порядка судопроизводства, необходимо отметить следующее.

После передачи на рассмотрение районных судов (гарнизонных военных судов) данных уголовных дел появилось множество (более девяноста) центров их апелляционного пересмотра, каждый из которых формирует свою апелляционную практику. Сюда входят суды общей юрисдикции областного звена, в том числе приравненные к ним военные суды, а также апелляционные суды общей юрисдикции. Данная ситуация создает правовую неопределенность в отношении критериев апелляционного пересмотра приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, что нарушает права граждан и указывает на то, что одна из целей реформирования судебной системы в части формирования практики апелляционных судов не достигнута. При передаче всех уголовных дел, приговоры по которым постановлены с участием присяжных заседателей, под юрисдикцию апелляционных судов центров формирования практики будет существенно меньше (шесть) и цели реформирования судебной системы в этой части будут близки к достижению [7].

Развитие государства и общества, существующие внешние вызовы, ведут к изменениям судебной системы, которые наиболее полно отвечают реалиям текущего времени. Вместе с тем, данные изменения должны служить обществу, вести к укреплению российской государственности. Организация апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции полностью отвечает данному требованию, ну а некоторые итоги их деятельности предлагается обсудить в юридическом сообществе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (ст. 1). URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2023);

2. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4811;
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1;
4. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898;
5. Заказнова А.Н., Харитонов С.С. О рассмотрении военным судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (по материалам судебной практики) // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 157–163;
6. Коршунов Ю.А. Апелляционные суды в судебной системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ИЗиСП, 2022. – 244 с.;
7. Коршунов Ю.А. Апелляционные суды в судебной системе Российской Федерации: монография / под ред. С.Л. Нуделя. М.: Юрлитинформ, 2023. – 160 с.;
8. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71–75;
9. Лубенский А.И., Еремин В.Н. Апелляционные и кассационные суды капиталистических государств. М.: ВНИИСЗ, 1975. – 55 с.;
10. Назаров А.А., Харитонов С.С. Некоторые вопросы применения военными судами требований уголовно-процессуального законодательства // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 83–89;
11. Понкин И.В. Теория государственного управления: децентрализация публичной администрации // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 28–33.

SOME RESULTS OF THE CREATION OF APPEAL AND CASSATION COURTS

Korshunov Yu.A.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Earlier, within the framework of the topic under study, the author considered a number of provisions of judicial reform in the Russian Federation related to the creation of appellate and cassation courts of general jurisdiction, optimization of the organization of their activities [8]. The reform was carried out with the aim of creating additional guarantees of fair justice, increasing the level of independence of judges, and adequate protection of citizens' rights and freedoms. At the same time, this article notes that the organization of the work of newly formed courts is not without certain problems, which in their entirety do not affect its progressive nature and which can be leveled by a balanced and thorough approach to judicial activity. The protection of the rights and freedoms of citizens, including participants in a special military operation, combat veterans and their family members, are the main priorities in the work of the new links of the judicial system.

Keywords: legal proceedings, judicial system, judicial reform, appeal, cassation, independence of judges, fight against corruption, special military operation, veterans.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (Art. 1). URL: <http://duma.gov.ru> (accessed: 25.09.2023);
2. Federal Constitutional Law № 1-FKZ of 29.07.2018 «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Judicial System of the Russian Federation» and Certain Federal Constitutional Laws in Connection with the Creation of Cassation Courts of General Jurisdiction and Courts of Appeal of General Jurisdiction» // SZ RF. 2018. № 31. Art. 4811;
3. Federal Constitutional Law № 1-FKZ of 31.12.1996 «On the Judicial system of the Russian Federation» // SZ RF. 1997. № 1. Art. 1;
4. Federal Constitutional Law № 1-FKZ of 07.02.2011 «On Courts of general jurisdiction in the Russian Federation» // SZ RF. 2011. № 7. Art. 898;
5. Zakaznova A.N., Kharitonov S.S. On consideration by a military court of complaints in accordance with Art. 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (based on the materials of judicial practice) // Military law. 2023. № 3 (79). P. 157–163;
6. Korshunov Yu.A. Appellate courts in the judicial system of the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. M.: IZISP, 2022. – 244 p.;
7. Korshunov Yu.A. Courts of appeal in the judicial system of the Russian Federation: monograph / edited by S.L. Nudel. M.: YurLitinform, 2023. – 160 p.;
8. Korshunov Yu.A. The creation of appeal and cassation courts: some results of scale reform // Legal science. 2019. № 4. P. 71–75;
9. Lubensky A.I., Eremin V.N. Appellate and cassation courts of capitalist states. M.: VNIISZ, 1975. – 55 p.;
10. Nazarov A.A., Kharitonov S.S. Some issues of application by military courts of the requirements of criminal procedure legislation // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2023. № 7 (312). P. 83–89;
11. Ponkin I.V. Theory of public administration: decentralization of public administration // Administrative law and process. 2014. № 2. P. 28–33.

Кузнецов Леонид Дмитриевич,

кандидат юридических наук профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: leonkuzn@mail.ru

В основу статьи положены данные исследования по налоговым системам зарубежных стран, прежде всего США. В начале статьи приведена краткая история налогового управления США и период его становления. В настоящее время образовалась Служба внутренних доходов (IRS), которая является подразделением Министерства финансов США и обеспечивает выполнение обязанностей министра финансов в соответствии с Налоговым кодексом США. Служба контролирует уплату налогов на подарки, акцизы и имущество. Она регулярно проводит выборочные проверки налогоплательщиков и выявляет нарушения в налоговых декларациях. За период своего становления претерпела ряд изменений и реорганизаций. Теперь рядовой налогоплательщик имеет право связаться непосредственно с агентом Службы внутренних доходов (IRS), предварительно ответив на ряд автоматизированных вопросов Investopedia – Investopedia, которая точно определит статус налогоплательщика. Налоговая служба США сегодня объявила о важном изменении политики, которое положит конец большинству необъявленных визитов налоговых инспекторов к налогоплательщикам, чтобы уменьшить замешательство общественности и усилить общие меры безопасности для налогоплательщиков и сотрудников.

Ключевые слова: налоговая служба (IRS), налоговая декларация Форма 1040, налоговое управление, шестнадцатая поправка к Конституции, Служба внутренних доходов, агентство, казначейство, налогоплательщики, центр помощи налогоплательщикам, аудитор, Конгресс США, Investopedia – Investopedia, формы W-9, ИНН, комиссар.

Свое начало налоговое управление США берёт от Комиссара внутренних доходов, федерального ведомства, созданного в 1862 году Авраамом Линкольном для определения первого в стране подоходного налога на финансирование гражданской войны в США. В 1913 году Шестнадцатая поправка к Конституции США была ратифицирована. Она разрешила Конгрессу вводить налог на доходы и привела к созданию Бюро внутренних доходов. В 1953 году агентство было переименовано в Службу внутренних доходов, а в последующие десятилетия претерпело многочисленные реформы и реорганизации. Наиболее значительные были в 1990-х годах. И так, с момента своего создания Налоговое управление США отвечает за сбор значительной части доходов, важных для финансирования правительства США. Указанное Управление периодически спорило с оппозицией по поводу своих методов и принципов налогообложения. Было время, когда агентство боролось с сокращением бюджета и падением морального духа.

В настоящее время Служба внутренних доходов (IRS) является подразделением Министерства финансов США и обеспечивает выполнение обязанностей министра финансов в соответствии с Налоговым кодексом США. Служба контролирует уплату налогов на подарки, акцизы и имущество. Налоговое управление США регулярно проводит проверки, чтобы убедиться, что налогоплательщики соблюдают налоговое законодательство.

Служба внутренних доходов, как федеральное агентство ответственна за сбор федеральных налогов и за строгое соблюдение законодательства о налогах в США. Большая часть работы Службы связана с подоходным налогом с физических и юридических лиц. Налогоплательщики могут регистрировать и оплачивать свои налоги в электронном виде, по почте или лично. Налоговое управление США регулярно проводит выборочные проверки налогоплательщиков и выявляет нарушения в налоговых декларациях. За период своего становления претерпело ряд изменений и реорганизаций и стало таким, каким оно является сегодня. Территориально базирующееся в Вашингтоне, округ Колумбия, агентство выполняет миссию по обеспечению соблюдения налогового законодательства и сбору федеральных налогов с налогоплательщиков в Соединенных Штатах, включая частных лиц и корпорации. Это делается путем сбора и обработки ежегодных налоговых деклараций. Агентство стремится помочь налогоплательщикам изучить и исполнять федеральные налоговые законы, в том числе касающиеся наследства (подарков), акцизов и недвижимости.

Если налогоплательщику приходилось хотя бы раз подавать налоговую декларацию, то он уже имел довольно общее представление о том, чем занимается IRS. Это агентство является частью Казначейства и отвечает за сбор налогов и соблюдение законодательства о налогах. За свою историю, насчитывающую более 150 лет, статус IRS неоднократно изменялся. От частных лиц, которые ходили от двери к двери, чтобы собрать налоги для финансирования гражданской войны, теперь IRS принимает декларации и платежи по почте и в электронном виде.

Налогоплательщики должны соблюдать налоговые законы, принятые Конгрессом США, понимать и выполнять свои налоговые обязательства. Налоговое управление предназначено для того, чтобы помогать налогоплательщикам соблюдать налоговые требования.

Сумма налоговых поступлений, собираемых IRS каждый год. Это составляет около 96% валовых поступлений страны.

Обработка федеральных налоговых деклараций и сбор доходов с индивидуальных и корпоративных налогоплательщиков является одной из основных функций IRS. В случаях, когда налогоплательщику задолжали деньги, IRS выдает возврат налогов.

Налоговое управление США финансируется из бюджета, утвержденного Конгрессом США. Он разделен на четыре различных счета: услуги налогоплательщиков, правоприменение, поддержка операций и модернизация бизнес-систем.

Большинство налогоплательщиков-физических лиц используют форму 1040: Определение, типы и применение индивидуальной налоговой декларации в США для подачи своих налогов, а те, кому 65 лет и старше, могут использовать форму 1040-SR: Налоговая декларация для пожилых. Эти формы используются для составления отчета о доходах и определения того, причитаются ли какие-либо дополнительные налоги или налогоплательщику причитается возмещение. Корпорации используют форму 1120: Декларация по подоходному налогу с корпораций США для представления отчетности о своих доходах и налоговых обязательствах. В зависимости от типа корпораций существуют различные формы налоговых деклараций, представляемых налогоплательщиками в IRS, том числе:

Форма 1120-C: Декларация о подоходном налоге в США для кооперативных ассоциаций;

Форма 1120-F: Декларация по налогу на прибыль иностранной корпорации в США;

Форма 1120-H: Декларация по подоходному налогу в США для ассоциаций домовладельцев;

Форма 1120-L: Налоговая декларация о доходах компании по страхованию жизни в США;

Форма 1120-S: налоговая декларация США для корпорации S.

От индивидуальных и корпоративных налогоплательщиков также может потребоваться заполнить и приложить дополнительные формы к их основной отчетности, включая графики, дополнения

и документы, предоставленные эмитентом, такие как W-2 и / или 1099s.

Налогоплательщики могут подавать свои декларации по почте или в электронном виде с помощью специального программного обеспечения для подготовки налоговых деклараций, предназначенного для использования потребителями.

Несмотря на то, что агентство по-прежнему принимает бумажные декларации, оно настоятельно рекомендует налогоплательщикам подавать их в электронном виде, чтобы избежать задержек. Следует иметь в виду, что агентство не поддерживает какую-либо конкретную платформу или программное обеспечение для ведения отчетности.

Количество деклараций, которые подаются в электронном виде, продолжает расти, и подавляющее большинство в настоящее время подается таким образом. Для составления деклараций налогоплательщики могут пользоваться услугами специалистов по налогообложению, таких как составители налоговых деклараций или бухгалтеры.

Отдельные налогоплательщики могут платить свои налоги непосредственно в IRS с помощью электронного перевода средств со своих банковских счетов или с помощью кредитной или дебетовой карты. Другие методы включают банковские переводы в тот же день или снятие электронных средств во время подачи декларации по электронной почте. Предприятия, осуществляющие крупные платежи, должны зарегистрироваться в электронной федеральной системе уплаты налогов и использовать ее.

Налогоплательщики могут отправлять по почте личный чек, кассовый чек или денежный перевод, подлежащий оплате через Казначейство США. К платежу должна прилагаться следующая информация соответствующая налоговой форма или уведомление № 10.

Наряду с бумажными декларациями IRS настоятельно рекомендует осуществлять электронные платежи, чтобы избежать каких-либо задержек.

Налогоплательщики также могут платить наличными, записавшись на личную встречу в Центре помощи налогоплательщикам IRS.

Налогоплательщики должны дождаться получения кода платежа от IRS по электронной почте, который предоставляется при осуществлении платежа.

Налоговое управление США каждый год проверяет определенную часть налоговых деклараций о доходах в рамках своей правоприменительной миссии. Аудиторы гарантируют, что налогоплательщики предоставляют Налоговому управлению США точную информацию в соответствии с налоговым законодательством. Агентство выборочным образом определяет налогоплательщиков для аудита или выделяет тех, чьи декларации связаны с другими, которые прошли аудит. В некоторых случаях могут выставить красные флажки, предупреждающие налогоплательщиков о необходимости проведения аудита.

В процессе аудита участвует аудитор, который проверяет декларацию. Это физическое лицо мо-

жет либо принять декларацию, либо запросить проверку. В последнем случае налогоплательщик уведомляется по почте. Аудит включает в себя проверку документов и может проводиться по почте или лично в офисе Службы IRS или в другом месте, например, в доме налогоплательщика, на предприятии или в офисе бухгалтера.

Несмотря на то, что не существует единого фактора, определяющего, кто ежегодно проходит аудит, IRS определяет красными флажками тех, кто может подвергнуться проверке.

Налогоплательщики могут подвергнуться аудиту, если они ведут собственный бизнес и получают высокий доход.

Служба внутренних доходов (IRS) рекомендует налогоплательщикам хранить все свои документы в надежном месте на случай проверки. Налоговое управление США может включить в аудит декларации за последние три года, но срок может быть увеличен. Как правило не превышает шести лет.

Налогоплательщик имеют право связаться непосредственно с агентом Службы внутренних доходов (IRS), но предварительно должен ответить на ряд автоматизированных вопросов Инвестопедии – Investopedia¹, которая точно определит статус налогоплательщика.

Налоговая служба (IRS) в своей деятельности применяет налоговую Форму W-9, которая используется для подтверждения имени, адреса и идентификационного номера налогоплательщика (ИНН) лица при приеме на работу или в других целях получения дохода. Подтверждение может быть запрошено либо для физического лица, определенного как гражданин США, либо для лица, определенного как иностранец – резидент.

Информация, взятая из формы W-9, часто используется для создания налоговой формы 1099, которая требуется для целей подачи декларации о подоходном налоге. Информация, собранная организацией в форме W-9, не может быть раскрыта для каких-либо других целей в соответствии со строгими правилами конфиденциальности. Если налогоплательщик не предоставит организации форму W-9 в соответствии с запросом, то она должна удерживать налоги с его доходов по налоговой ставке 24%. Форма W-9 представляет собой только официальный письменный запрос о предоставлении информации и используется исключительно с целью подтверждения идентификационного номера налогоплательщика (ИНН) лица. Работодатель или другое юридическое лицо, которое обязано подать информационный документ в IRS, такой как форма 1099, должно получить правильный ИНН, чтобы сообщать о любых доходах или убытках, которые могут повлиять на федеральную налоговую декларацию или подоходный налог.

Для большинства физических лиц ИНН будет их номером социального страхования (SSN). Ответственность за любые требуемые налоги, основанные на доходах, связанных с предоставленной

¹ Investopedia – один из самых известных источников финансовой информации в Интернете.

формой W-9, несет владелец ИНН, указанный в документе, за исключением случаев, когда налогоплательщик подлежит резервному удержанию². Если требуется резервное удержание, это нужно будет отметить в W-9, чтобы надлежащим образом проинформировать организацию, получающую информацию, о необходимости соответствующего удержания.

В рамках по преобразованию Налоговая служба США сегодня объявила о важном изменении политики, которое положит конец большинству необъявленных визитов налоговых инспекторов к налогоплательщикам, чтобы уменьшить замешательство общественности и усилить общие меры безопасности для налогоплательщиков и сотрудников. Названное изменение отменяет десятилетнюю практику налоговых инспекторов IRS, невооруженных сотрудников агентства, в обязанности которых входит посещение домашних хозяйств и предприятий, чтобы помочь налогоплательщикам урегулировать положение на их счетах путем сбора уплаченных налогов и незаполненных налоговых деклараций. Необъявленные визиты закончатся, за исключением нескольких уникальных обстоятельств, и будут заменены отправленными по почте письмами с расписанием встреч.

Комиссар Налогового управления США объявил об изменениях в рамках более масштабных усилий по преобразованию операций Налогового управления США после принятия Закона о снижении инфляции в прошлом году и создания нового Стратегического операционного плана Налогового управления США. Он сказал, что «Мы по-новому смотрим на то, как работает Налоговое управление США, чтобы лучше обслуживать налогоплательщиков и нацию, а внесение этих изменений является шагом, основанным на здравом смысле. Изменение этой давней процедуры повысит доверие к работе налогового администрирования и улучшит общую безопасность налогоплательщиков и сотрудников Налогового управления США».

Литература

1. Налоговая служба в США, ИРС доход <https://edis74.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23
2. Налоговый контроль в зарубежных странах <http://referatwork.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23
3. Налоговое Управление США, его миссия и законные полномочия | Internal Revenue Service <https://irs.gov> даты обращения 30.09.23–01.10.23
4. Налоговое Управление США – Налоги в мире <http://worldtaxes.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23

² Резервное удержание используется IRS для обеспечения сбора налогов с дохода, который инвестор, возможно, уже потратил до того, как придет срок оплаты его налогового счета. Резервное удержание по ставке 24% может применяться к налогоплательщикам, которые предоставляют неверный идентификационный номер налогоплательщика (ИНН) или не сообщают об определенных видах дохода.

5. Налоговое управление США (Internal Revenue Service, IRS) <https://tadviser.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23
6. О Налоговом управлении США | Internal Revenue Service <https://irs.gov> даты обращения 30.09.23–01.10.23
7. Служба внутренних доходов (IRS) – Финансовая энциклопедия <https://nesrakonk.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23
8. Служба внутренних доходов США на русском языке и об эффективности деятельности фискальных служб США и России <http://zakon.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23
9. Служба внутренних доходов – это... Что такое Служба внутренних доходов? <https://dic.academic.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23
10. Служба внутренних доходов – Internal Revenue Service – xcv.wiki <https://ru.xcv.wiki> даты обращения 30.09.23–01.10.23
11. Характеристика налоговой системы Соединенных Штатов Америки. <https://elibrary.ru> даты обращения 30.09.23–01.10.23
12. Электронные книги с публикациями и инструкциями по налогообложению <https://www.irs.gov/forms-pubs/ebook>. даты обращения 30.09.23–01.10.23

INSTITUTIONAL MODEL OF TAX MANAGEMENT IN THE USA

Kuznetsov L.D.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikoty

The article is based on the research data on tax systems of foreign countries, first of all, the USA. At the beginning of the article there is a brief history of the US tax administration and the period of its formation. The Internal Revenue Service (IRS), which is a subdivision of the US Treasury Department and ensures fulfillment of the duties of the Secretary of the Treasury in accordance with the US Tax Code, was formed. The Service oversees the payment of gift,

excise, and estate taxes. It regularly conducts random audits of taxpayers and identifies irregularities in tax returns. During the period of its formation has undergone a number of changes and reorganizations. The average taxpayer is now entitled to contact an Internal Revenue Service (IRS) agent directly by first answering a series of automated questions on Investopedia, which will accurately determine the taxpayer's status. The U.S. Internal Revenue Service today announced an important policy change that will end most unannounced visits by tax examiners to taxpayers to reduce public confusion and enhance overall security measures for taxpayers and employees.

Keywords: Internal Revenue Service (IRS), tax return Form 1040, IRS, Sixteenth Amendment to the Constitution, Internal Revenue Service, agency, Treasury, taxpayers, taxpayer assistance center, auditor, U.S. Congress, Investopedia – Investopedia, W-9 forms, TIN, Commissioner.

References

1. Internal Revenue Service in the United States, IRS Revenue <https://edis74.ru> access dates 30.09.23–01.10.23
2. Tax Control in Foreign Countries <http://referatwork.ru> access dates 30.09.23–01.10.23
3. U.S. Internal Revenue Service, its mission and statutory authority | Internal Revenue Service <https://irs.gov> access dates 30.09.23–01.10.23
4. U.S. Internal Revenue Service – Taxes in the World <http://worldtaxes.ru> access dates 30.09.23–01.10.23
5. US Internal Revenue Service (IRS) <https://tadviser.ru> access dates 30.09.23–01.10.23
6. About IRS | Internal Revenue Service <https://irs.gov> access dates 30.09.23–01.10.23
7. Internal Revenue Service (IRS) – Financial Encyclopedia <https://nesrakonk.ru> access dates 30.09.23–01.10.23
8. Internal Revenue Service of the USA in Russian and on the effectiveness of the fiscal services of the USA and Russia <http://zakon.ru> circulation dates 30.09.23–01.10.23
9. Internal Revenue Service is... What is the Internal Revenue Service? <https://dic.academic.ru> circulation dates 30.09.23–01.10.23
10. Internal Revenue Service – Internal Revenue Service – xcv.wiki <https://ru.xcv.wiki> circulation dates 30.09.23–01.10.23
11. Characterization of the tax system of the United States of America. <https://elibrary.ru> access dates 30.09.23–01.10.23
12. E-books with publications and instructions on taxation <https://www.irs.gov/forms-pubs/ebook>. access dates 30.09.23–01.10.23

Содержание категорий «государственное управление» и «администрирование» в условиях цифровой трансформации деятельности органов публичной власти

Мальгинова Юлия Николаевна,

старший преподаватель и аспирант кафедры правового обеспечения государственного управления и национальной безопасности Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: yu.n.malginova@yandex.ru

В статье исследуются понятия «государственное управление» и «администрирование» в условиях становления, развития и реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Автор анализирует указанные понятия с позиции различных правовых подходов и юридических школ, а также использует междисциплинарный подход к их раскрытию. Отмечается, что единства по данному вопросу сегодня в литературе не усматривается, однако каждая точка зрения на этот вопрос представляет собой определенный исследовательский интерес. Автор выражает согласие с большинством авторов, которые рассматривают данные понятия под тем или иным углом, так как в целом, позиции исследователей являются вполне обоснованными, в полной мере раскрывают сущность анализируемых понятий.

Ключевые слова: государственное управление, администрирование, управление, цифровая экономика, социальное управление, государственные и муниципальные услуги.

Введение

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2022 году отметил, что вектор развития России и реализация государственной политики положительно влияют на государственное управление и существенно сокращают излишнее административное регулирование. Указанные итоги связаны с исполнением органами публичной власти Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», и отдельных национальных программ, к которым в частности можем отнести национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденную Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.

Направления развития, обозначенные главой нашего государства, определяют ключевые факторы, на основании которых можно в полной мере определить роль нашей страны и ее положение в перспективе общественного и мирового развития, а также которые во многом предопределяют не только качество человеческого потенциала, но и эффективность государства, равно как экономики нашей страны [1]. Исполняя обозначенные положения, необходимо не только сформировать эффективное государственное управление, но и адаптировать его к современным условиям развития во всех сферах социально-экономического развития России.

В качестве направления развития и становления системы государственного управления, которое обладает максимальной эффективностью, выступает цифровизация всей данной системы, что на практике реализуется путем практической реализации проекта «Цифровое государственное управление», где основой выступает принятие платформенных решений, построение электронного правительства и в дальнейшем цифрового государства и другие мероприятия.

Обозначенные направления развития нивелируют границы соотношения государственного управления и администрирования, что сформировало потребность в их изучении в новых реалиях как видоизмененных категорий административного права.

Основная часть

Ю.А. Тихомиров, изучая особенности государственного управления в аспекте кибернетики, указывал, что рассматривать его надо через призму системы социального управления, с помощью которого осуществляется воздействие на все основные общественные процессы и сферы [13, Тихомиров, 44]. Автор подчеркивал, что именно с помощью данной системы вполне можно сформировать такое управление государством, которое будет представлять собой организованное и целенаправленное воздействие государства на те или иные сферы жизни государства и общества, которые можно изменить для целей, которые преследует преследуемых государственной политикой [13, Тихомиров, 44–45]. В связи с этим, автор рассматривает систему государственного управления в двух основных смыслах, среди которых можно выделить узкий и широкий подход. Так, в широком смысле государственное управление предлагается понимать как сферу сферу распорядительной и организующей деятельности органов власти, в то время как в узком смысле государственное управление представляет собой нечто иное, как деятельность органов власти и управленческого аппарата [13, Тихомиров, 45].

Д.Н. Бахрах, применяя аналогичный подход при изучении, уделял огромное внимание именно социальному управлению, который которое необходимо рассматривать через призму воздействия одной группы людей на вторую группу с помощью информации и для того, чтобы упорядочить все процессы, которые обладают высокой социальной значимостью. Отмечается, что это является объективной необходимостью для обеспечения устойчивости всех основных социальных систем и их развития [6, Бахрах, 2–3]. Полагаем, что социальное управление в данном контексте будет представлять собой некое управление людьми или группами людей, которые свободны в своем волеизъявлении, однако на которых властное воздействие будет оказывать это управление без потери необходимой степени свободы. Очевидно, что в рамках конкретизации некоторых структурных элементов социального управления, деятельность, которая непосредственно связана с управлением другими людьми, автор именуется администрированием, что представляет определенный исследовательский интерес.

Современные подходы к системе государственного управления можно встретить у таких авторов, как Л.Л. Попов и Ю.И. Мигачев. Данные авторы неоднократно акцентировали внимание на том, что государственное управление выступает в качестве формы деятельности государства [15, Попов, 17]. Рассматривая основные характерные черты государственного управления, которое является административно-правовой категорией, авторы во многом определяют его через предмет административного права. В данном контексте отмечается, что государственное управление целесообразно рассматривать в качестве деятельности

государства, которая является подзаконной, равно как юридически властной и организующей. Реализуют ее органы исполнительной власти и другие органы государственной власти, а сущность ее заключается в том, что имеет место исполнение законодательных норм в рамках имеющихся полномочий [15, Попов, 17]. Стоит отметить, что в соответствии с позицией указанных авторов, государственное управление выступает в качестве такой деятельности, которая носит исполнительно-распорядительный характер и во многом основывается на практической реализации требований закона в тех или в иных вариациях. Такая же позиция прослеживается в трудах таких авторов, как Ю.Н. Старилова и Б.В. Россинского. Указанные исследователи говорили о том, что государственное управление всегда является деятельностью административного характера, а именно, деятельностью органов исполнительной власти, причем как органов федеральной власти, так и власти субъектов РФ [5, Россинский, 24].

Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» на законодательном уровне закрепил понятие государственного управления, а понимать под ним предлагается деятельность органов власти, во многом направленную на практическую реализацию полномочий в области экономического и социального развития РФ, равно как обеспечения ее национальной безопасности [2]. Определение, которое на современном этапе развития дано законодателем, является весьма объемным и как следует из содержания такового, подразумевает под собой осуществление органами государственной власти своей деятельности, которая касается абсолютно любых сфер экономического и социального развития РФ. В частности, данная деятельность в обязательном порядке должна включать в себя развитие потенциала человека, здравоохранение, образование и другие, которые обладают высокой социальной значимостью. Кроме того, важностью обладает планомерное совершенствование действующего законодательства, так как это также положительно сказывается на общественном и социальном развитии. Кроме того, это также позволяет выявить основные стратегические приоритеты, которые, кроме прочего, также содержатся в Стратегии национальной безопасности России. Отметим, что в данном документе также указывается важность совершенствования нормативно-правовых актов, равно как системы государственного управления в целом [3].

Современное государственное управление предполагает интеграцию электронных технологий в систему государственного управления, что призвано повысить качество работы органов государственной власти [4, Старостина, 100]. Подход подобного рода на практике реализуется на базе программы под названием «Цифровая экономика Российской Федерации», так как в данной программе закреплены различные федеральные проекты, в том числе, проект «Цифровое государственное

управление». Данный проект включает в себя широкую совокупность мероприятий, которые во многом направлены на то, чтобы внедрять различные платформы и цифровые технологии в область государственного управления, в том числе, в сферу оказания государственных услуг. Более того, отмечается, что при развитии цифровой экономики очень важно придерживаться согласованной политики с зарубежными странами. В то же время, данные мероприятия едва ли стоит признать исчерпывающими, так как программа «Цифровая экономика Российской Федерации», равно как и проект «Цифровое государственное управление» определяют перечень тех мероприятий, которые в обязательном порядке должны быть реализованы органами публичной власти.

Новые формы государственного управления являются неизбежностью процессов, которые происходят в нашем государстве. Э.Я. Талапина, изучая вопросы трансформации государственного управления, отмечает важность и необходимость перехода к «новому государственному менеджменту» (new public management), где производится перенос на государственные учреждения осуществления социально значимых благ, основываясь на принципах коммерческих организаций» [10, Талапина, 14–15]. Смена вектора регулирования позволяет проследить переход к «государственному регулированию государства» (regulation inside government) [16, Тихомиров, 40]. Примечательно, что концепция автора существует в правовой реальности. Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ, в целях оказания муниципальных и государственных услуг создаются МФЦ, а рассматривать данное учреждение стоит через призму организации, которая создана в форме государственного учреждения и которая предоставляет населению широкий спектр муниципальных и государственных услуг, в том числе, по принципу «одного окна» [1]. Стоит отметить, что деятельность МФЦ на территории нашей страны координируется и контролируется со стороны Правительства РФ.

Отличной позицией от указанных является позиция, обозначенная С.М. Зубаревым, исследовавшим государственное управление в условиях цифровизации и определяющий указанный феномен с точки зрения процесса, во многом направленного на то, чтобы планомерно внедрить в деятельность органов государственной власти различных цифровых технологий, которые в полной мере позволят осуществить совершенствование процедуры оказания населению муниципальных и государственных услуг. Очевидно, что это позволит обеспечить взаимодействие государства и населения, с чем весьма затруднительно не согласиться [12, Зубарев]. Цифровизация государственного управления – вынужденность и важность в современных условиях, направленная исключительно на наступление конкретных социально значимых результатов.

Не менее значимым в административном праве является понятие «администрирование», которое

позиционируется как новый вид государственного управления. Д.Н. Бахрах рассматривает администрирование через призму социального управления и выделяет его как осуществление управленческой деятельности уполномоченными государственными. Оно определяется как «то, что делает администрация, администраторы, т.е. управление, руководство людьми» [6, Бахрах, 6]. Аналогичное определение дано Ю.А. Тихомировым, который определяет его в качестве одной из видов деятельности – «управленческая деятельность в организациях, учреждениях, предприятиях» [13, Тихомиров, 45].

В административном праве термин «администрирование» используется в измененном виде и трактуется как «государственное администрирование». А.М. Воронов, в рамках исследования вопросов, которые тесно связаны с планомерным расширением предмета административного права в целом, часто акцентировал внимание на значимости указанного термина, а рассматривал он его с позиции сервисной функции органов государственной власти. В частности, государственное администрирование автор определял как триаду, состоящую из удовлетворения интересов населения, реализации функций государства в области управленческой деятельности и охрану общественного порядка [8, Воронов, 69].

Нестеров А.В. государственное администрирование напрямую связывал с тем, что органы исполнительной власти оказывают различные государственные услуги, перечисленные в различных административных регламентах, равно как в стандартах оказания услуг, иной документации. Представляется, что такой подход во многом предопределен достаточно высокой практической значимостью деятельности подобного рода. Интерес также представляет тот факт, что автор рассматривал государство как участника рынка, который предоставляет тот или иной продукт власти, а потребителями таковых в этом аспекте является население. Регулируют данные отношения различного рода административные регламенты. Стоит отметить, что такой подход является новацией и ранее в юридической литературе он не встречался. Дополняя свою модель, автор указывал, что итогом данных правоотношений выступает то или иное событие, например, выдача юридических документов, предоставление общественных благ или осуществление деятельности, которая обладает юридическим значением [14, Нестеров, 39]. На этом фоне, администрирование определяется автором в качестве деятельности, урегулированной именно административными регламентами, обладающими в данном аспекте достаточно высокой значимостью. Автор подчеркивал, что требования всех указанных регламентов должны активно содействовать развитию общественных отношений [14, Нестеров, 39]. Также в научной литературе встречается точка зрения, в соответствии с которой, администрирование выступает в качестве организационно-

реализующей и при этом властной деятельностью [9, Гоголев].

В зависимости от конкретной сферы, государственное администрирование будет иметь признаки, которые для нее характерны. Как правило, это целенаправленность в деятельности органов государственной власти, подзаконность деятельности таковых, вторичность по отношению к деятельности законодательной и некоторые иные [11, Емельянов, 55–66]. Все эти признаки в полной мере будут характеризовать деятельность органов государственной власти как представителей-поставщиков государственных услуг на фоне ограниченной сферы практического применения подзаконных, а также нормативных актов. Представляется вполне естественным, что подход подобного рода требует изменения управления в ту деятельность, которая выполняется в пределах того или иного документа нормативного характера.

В завершении стоит отметить, что практическая реализация органами публичной власти своих полномочий, связанных с оказанием государственных и муниципальных услуг, выступает в современных общественных отношениях в качестве новой формы осуществления полномочий, которая, как уже было отмечено ранее, представляет собой некую триаду, обладающую достаточно высокой значимостью. Во многом это обусловлено тем, что данная триада в полной мере удовлетворяет интересы населения нашей страны в получении ими различных государственных и муниципальных услуг, в которых у них есть объективная необходимость.

Заключение

Дискуссия по вопросам трансформации или корреляции государственного управления и администрирования является актуальной и основывается исключительно на схожести их сущностей. Синонимичность указанных понятий не является очевидной, они являются схожими в части, касающейся принятия управленческого решения и совершении непосредственных действий, направленных на эффективное взаимодействие между гражданином и государством в условиях цифровизации государственного управления.

В нормативных правовых актах, касающихся национальных и стратегических интересов России, законодатель не преследует цели произвести замену одного понятия другим. Он основывается на государственном управлении как устоявшемся понятии в структуре органов публичной власти и определяемом Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В настоящее время можем констатировать, что понятия «государственное управление» и «администрирование» являются корреляционными, что подразумевает под собой их соотношение при осуществлении государственного управления, которое выстраивается на основаниях, установленных действующим законодательством Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Официальный портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 25.09.2023)
2. Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>. (дата обращения 25.09.2023)
3. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Официальный портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения 25.09.2023)
4. Административная реформа: учебное пособие / под ред. С.А. Старостина. – Москва: Проспект, 2021. – 192 с.
5. Административное право: учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков, – 6-е изд. пересмотр. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 640 с.
6. Бахрах Д.Н. Административное право России. Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА М), 2001. – 640 с.
7. Воронов А.М. Доктрина современного административного права: правоохранный аспект // Международный журнал «Актуальные проблемы административного права и процесса». 2018. № 3. С. 19–23.
8. Воронов А.М. Современная доктрина административного права: вопросы и ответы // Актуальные проблемы и перспективы административного права и административно-процессуального права: Сборник научных статей. – М.: РГУП, 2019. – 352 с.
9. Гоголев А.М. Государственное администрирование как правовой институт // Сборник статей по материал ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – 2018 // СПС Консультант-Плюс.
10. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) / Э.В. Талапина. – М.: ИД «Юриспруденция», 2015. – 192 с.
11. Емельянов А.С. К вопросу о понятии «администрирования» к административно-правовой и финансово-правовой доктрине // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – № 3. с. 55–66.
12. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-riski-tsifrovizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 08.10.2023).

13. Курс административного права и процесса / Ю.А. Тихомиров. – М.: 1998. – 798 с.
14. Нестеров А.В. Философия государственного администрирования//Бизнес в законе. – 2005. – № 1. – 30–43.
15. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. – 2-изд., перераб. и доп. – Москва: РГ – Пресс, 2021. – 352 с.
16. Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы: монография/ коллектив авторов: под ред. Ю.А. Тихомирова. – Москва: ЮСТИЦИЯ. 2018. – 306 с.

CONTENTS OF THE CATEGORIES “PUBLIC ADMINISTRATION” AND “ADMINISTRATION” IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES

Malginova Yu.N.

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article examines the concepts of «public administration» and «administration» in the context of the formation, development and implementation of the National Security Strategy of the Russian Federation and the national program «Digital Economy of the Russian Federation». The author analyzes these concepts from the perspective of various legal approaches and legal schools, and also uses an interdisciplinary approach to their disclosure. It is noted that there is no unity on this issue in the literature today, however, each point of view on this issue is of a certain research interest. The author agrees with the majority of authors who consider these concepts from one angle or another, since in general, the positions of researchers are completely justified and fully reveal the essence of the analyzed concepts.

Keywords: public administration, administration, management, digital economy, social management, state and municipal services.

References

1. Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 “On the organization of the provision of state and municipal services”// Official Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru (accessed 25.09.2023)
2. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 “On Strategic planning in the Russian Federation” // Official Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/>. (accessed 25.09.2023)
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 02, 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” / Official Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru. (accessed 25.09.2023)
4. Administrative reform: a textbook / edited by S.A. Starostin. – Moscow: Prospect, 2021. – 192 p
5. Administrative law: textbook / B.V. Rossinsky, Yu.N. Starilov, – 6th ed. revision. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. – 640 p.
6. Bakhrah D.N. Administrative law of Russia. Textbook for universities. – M.: Publishing house NORMA (Publishing group NORMA – INFRA M), 2001. – 640 p.
7. Voronov A.M. The doctrine of modern administrative law: law enforcement aspect//International Journal “Actual problems of Administrative Law and Process”. 2018. No. 3. pp. 19–23.
8. Voronov A.M. Modern doctrine of administrative law: questions and answers//Actual problems and prospects of administrative law and administrative procedural law: Collection of scientific articles. – M.: RSUP, 2019. – 352 p.
9. Gogolev A.M. State administration as a legal institution//Collection of articles on the materials of the annual All-Russian scientific and practical conference “Actual problems of administrative and administrative procedural law”, edited by Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. – 2018//SPS ConsultantPlus.
10. Public administration in the information society (legal aspect) / E.V. Talapina. – M.: Publishing house “Jurisprudence”, 2015. – 192 p.
11. Emelyanov A.S. On the question of the concept of “administration” to the administrative-legal and financial-legal doctrine//Bulletin of the Tyumen State University. – 2013. – No. 3. pp. 55–66.
12. Zubarev S.M. Legal risks of digitalization of public administration // Actual problems of Russian law. 2020. № 6 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-riski-tsifrovizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya> (date of address: 08.10.2023).
13. Course of administrative law and process / Yu.A. Tikhomirov. – M.: 1998. – 798 p.
14. Nesterov A.V. Philosophy of public administration//Business in law. – 2005. – № 1. – 30–43.
15. Popov L.L., Migachev Yu.I. Administrative law of the Russian Federation: textbook / ed. L.L. Popov. – 2nd ed., reprint. and additional – Moscow: RG – Press, 2021. – 352 p.
16. Legal administration in the economy. Actual problems: monograph/ team of authors: edited by Yu.A. Tikhomirov. – Moscow: JUSTICE. 2018. – 306 p.

Направления развития регулирования правоотношений субъектов градостроительной деятельности РФ

Перлин Алексей Олегович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: info@upside.ru

Цель статьи. Изучение инвестирования градостроительной сферы России и проблемных вопросов в данной области. *Задачи статьи.* Рассмотреть вопросы правового регулирования и контроля со стороны государства в указанной сфере. *Возможности практического применения.* Положительным является участие публичных юридических лиц в сфере строительства объектов жилой недвижимости. Термин «публично-правовые образования» является более узким, чем «публичное юридическое лицо».

В статье были определены особенности разграничения терминов «публичные юридические лица», «публично-правовые образования» и охарактеризована их роль в предпринимательской деятельности в сфере строительства объектов жилой недвижимости. Сделан акцент на неравенство сторон в правоотношениях между застройщиком и дольщиком, в связи с чем публичные юридические лица выступают в качестве стабилизатора общественных отношений.

Сделанные выводы можно использовать в правоприменительной практике.

Ключевые слова: инвестиции, градостроительство, жилищное строительство, публично-правовые образования, инфраструктура, публичные юридические лица жилищное строительство, застройщик.

В настоящее время градостроительство является одной из наиболее быстроразвивающихся отраслей в социально-экономическом развитии городов и населенных пунктов. Развитие территорий в России происходит комплексно. В соответствии с данными статистики Минстроя России по итогам первого полугодия 2023 года предельная площадь жилья, которое можно построить на территории Российской Федерации, составляет порядка 412 млн кв.м. Это на 5% больше, чем в июне 2022 года. Основная задача строительного комплекса – конвертировать данный градостроительный потенциал в квадратные метры для граждан страны [8].

Наибольшим градостроительным потенциалом земельных участков по итогам шести месяцев 2023 года обладают: г. Москва (29,4 млн кв.м.), Тюменская (26,4 млн. кв.м.), Новосибирская (26,0 млн. кв.м.), Московская (19,4 млн. кв.м.) и Ростовская (16,1 млн. кв.м.) области.

Несмотря на это, сегодня в России существует проблема обеспечения экономического роста через перестройку экономики. Необходимо понимать, что механизмы публично-правового регулирования могут выступать как катализатором, способствующим развитию инвестиционной сферы в области строительства, в том числе и жилищного, так и фактором, тормозящим инвестиционные процессы в виду чрезмерного ужесточения правил регулирования, требований к участникам (инвесторам).

Государство находится в постоянном поиске баланса в вопросе регулирования градостроительной сферы, особенно ярко это проявляется в сфере жилищного строительства. Так недостаточность правового регулирования и контроля со стороны государства в указанной сфере приводит к появлению такого социального явления как «обманутые дольщики», появление которых является следствием свободы застройщиков в своей деятельности. Напротив, ужесточение правил регулирования неизбежно приводит к сложности доступа на рынок жилой недвижимости для некрупных застройщиков, дополнительные издержки уже действующих застройщиков, и, следовательно, неизбежный рост цен на жилую недвижимость, что также является для регулятора (государства) негативной тенденцией, поскольку осложняет решение социальных задач государства, в частности доступности жилья.

За последние 10 лет в России механизмы правового регулирования в области градостроительства в целом, так и в области жилищного строительства, претерпели серьезные изменения, которые

были вызваны действительным положением отрасли (банкротство крупных застройщиков в разных регионах страны, являющиеся в том числе следствием как экономических кризисов последний 10–15 лет, так и злоупотреблением застройщиками пробелами правового регулирования; изменения подхода к планированию застройки территорий (изменение Градостроительного кодекса РФ[1]), позволяющие осуществлять долгосрочное планирование). Учитывая постоянные изменения механизмов публично-правового регулирования в России, научный интерес представляется в исследовании указанных изменений с целью установления эволюционного характера таких изменений либо наоборот опровержения данного утверждения.

Таким образом, строительство объектов жилой недвижимости является одним из динамично развивающихся направлений предпринимательской и инвестиционной деятельности в Российской Федерации, на рынке жилья появляются новые застройщики, инвесторы-застройщики, девелоперы и другие. Во многом это обуславливается ростом населения городов, и как результат – постоянно растущий спрос на объекты жилой недвижимости для улучшения своих жилищных условий и иных целей.

Вместе с тем на сегодняшний день на практике проблемным вопросом является множество нарушений градостроительных норм в сфере строительства, прав дольщиков и инвесторов, в связи с чем необходим современный работающий механизм правовой защиты наиболее слабых сторон рынка жилья. Поскольку это может повлечь нарушение законных прав и интересов предпринимателей в строительной сфере. Действительно, практика показывает несовершенство действующего законодательства и необходимость закрепления легального механизма регулирования в целях защиты слабой стороны отношений – потребителя. Это порождает, в том числе, закономерные и логичные вопросы о принятии отдельного федерального закона, регулирующего правовое положение фондов, их деятельность.

Предпринимательская деятельность в сфере строительства объектов жилой недвижимости регламентируется Градостроительным кодексом РФ, что обусловлено важностью регулируемых правоотношений.

Исследователями неоднократно указывалось на пробельность в законодательстве о предпринимательской деятельности в сфере строительства объектов жилой недвижимости. На наш взгляд, это является существенным недостатком нормативно-правовой обеспеченности исследуемой темы. Действительно, подобные дефекты права можно объективно объяснить особенностями переходного периода правовой системы, имеющей место при становлении современной российской государственности. Но в настоящий момент подобный аргумент уже является несостоятельным, и следует признать необходимость более детального регулирования деятельности публичных юридических лиц

в сфере строительства объектов жилой недвижимости.

Одним из важных вопросов в исследуемой теме является вопрос об участии публичных юридических лиц в предпринимательской деятельности в сфере строительства объектов жилой недвижимости. Изменения законодательства последних лет, направленные на увеличение требований к застройщикам, привели к укрупнению компаний. Небольшие застройщики не могут соответствовать требованиям законодательства, в связи с чем происходит их слияние либо иные действия по укрупнению компании. Для недопущения монополизации рынка также важно участие публичных юридических лиц. Это необходимо для соблюдения баланса интересов разных сторон и обеспечения свободы предпринимательской деятельности. И это должно быть в контексте соблюдения законности.

Исследователями, как правило, в изучении правовых вопросов в сфере строительства, акцентируется внимание на застройщиках, инвесторах, банках, дольщиках. Данный факт обусловлен, прежде всего, особенностями договора долевого участия, договора инвестирования, которые в подавляющем большинстве выступают регулятором общественных отношений в сфере строительства жилых помещений в разрезе взаимодействия застройщика и конечного потребителя – дольщика/инвестора. От того, насколько законными и корректными будут положения договора долевого участия или договора инвестирования, зависит размер рисков и ответственности, которые понесет каждая из сторон. Причем на стороне дольщика всегда есть риск вреда жизни и здоровью, со стороны застройщика – финансовые, репутационные потери. Подобный «маятник» между рисками и ответственностью формирует и особенности правоприменительной практики, нормативно-правовой основы исследуемых правоотношений.

Для нивелирования терминологических неточностей представляется целесообразным определиться с понятийным аппаратом исследуемой правовой материи. Прежде всего, стоит определить, что представляет собой публично-правовое образование. Публично-правовое образование обладает рядом признаков, это есть организация, структура органов публичного управления, с которыми имеют дело субъекты права, вступая в юридические отношения с данным образованием [6. С. 42–49], созданы для удовлетворения публичных нужд.

Термин «публично-правовое образование» достаточно объемный и отнюдь не тождественен содержанию термина «юридическое лицо». Также следует разграничить публичные юридические лица и публично-правовые образования.

В связи с тем, что в законодательстве отсутствует легальная дефиниция «публично-правовое образование», в юридической науке имеется некоторая дискуссия относительно формулирования данного понятия, но понять правовую природу публично-правовых образований позволяет системное толкование ст. 124–126 ГК РФ [2].

Р.Р. Абдулвагаповой дано авторское определение публично-правового образования, в котором позиция автора сводится к тому, что это специальный участник правоотношений со специальной правосубъектностью, который наделен признаком организационно-территориального единства [5]. Не считаем целесообразным вдаваться в теоретический плюрализм мнений относительно формулирования данного термина, полагаем, что данным автором суть исследуемого явления передана достаточно точно. Таким образом, термин «публично-правовые образования» является более узким, чем «публичное юридическое лицо».

В качестве примера участия публичных юридических лиц в сфере строительства объектов жилой недвижимости можно привести специально созданный Общественный совет при Управлении жилищной политики г. Казани, учрежденный Приказом начальника Управления жилищной политики г. Казани от 30.11.2022 № 14 [4].

Таким образом, определив понятие публичных юридических лиц, следует перейти непосредственно к анализу вопроса об их роли в предпринимательской деятельности в сфере строительства жилой недвижимости. В связи с особенностью данных правоотношений и диспаратностью субъектов публично-правовые образования должны выполнять роль стабилизатора общественных отношений.

Так, например, одним из экономических рисков строительной деятельности является банкротство застройщика. Новеллы законодательства последних лет, вызванные введением счетов эскроу, дополнительных требований к застройщикам, направлены на снижение возможных банкротств застройщика [7. С. 15–18].

Вместе с тем обеспечение защиты интересов застройщика не может ограничиваться данными мерами. В связи с этим в правоотношениях в сфере строительства жилой недвижимости необходимо участие профильного публично-правового образования. Действительно, на сегодняшний день возможность участия публично-правовых образований и потребность в них увеличиваются.

Этим обусловлен и вступивший в законную силу с 1 января 2022 г. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – ФЗ № 218). Указанный фонд является публично-правовым образованием.

Фонд наделен рядом функций и полномочий публично-правового характера:

1. Защита прав участников долевого строительства. Защита заключается в формировании компенсационного фонда, средства из которого выплачиваются обманутым дольщикам.

2. Модернизация жилищно-коммунального хозяйства и сокращение не пригодного для проживания жилищного фонда. Фонд будет оказывать финансовую поддержку на переселение граждан

из аварийного жилья. Кроме того, фонд будет предоставлять займы юридическим лицам для строительства, реконструкции и модернизации объектов инфраструктуры, а также для строительства наемных домов. Иные цели таких займов определит Правительство РФ.

3. Устойчивое развитие территорий и создание комфортных и благоприятных условий проживания граждан. Фонд будет взаимодействовать с органами государственной власти и местного самоуправления, а в некоторых случаях и сам выступать в роли застройщика.

Перед фондом ставится и большое количество целей, например, обеспечение сокращения не пригодного для проживания жилищного фонда. Примечательно, что перечень целей открытый, иные цели в данной сфере определяет Правительство РФ.

Представляется, что наличие подобного публичного юридического лица в системе строительства жилых домов несет позитивный эффект для правоприменительной практики. Вместе с тем возникают вопросы относительно организационной составляющей компенсационных выплат для дольщиков, а также размеров этих выплат. В связи с этим, на наш взгляд, в настоящий момент данный аспект не является оптимальным. Представляется необходимым определять размер возмещения, подлежащего выплате дольщику, исходя из размера цены конкретного договора долевого участия без ограничения размера такого возмещения, что должно быть отражено в нововведении в ФЗ № 218.

Важную роль в данном контексте играют и публично-правовые образования. Так, например, субъекты Российской Федерации, в том числе Республика Татарстан, выполняют функцию правового обеспечения данных правоотношений. И, соответственно, публичные юридические лица в виде отдельных государственных органов обеспечивают данную деятельность. Также в республике функционируют программы социального жилья. Данные программы позволяют определенным категориям граждан получить жилое помещение по льготным условиям. Одним из общих системных недостатков является затянутость и бюрократизация данного процесса.

Можно отметить стабилизирующую роль публичных юридических лиц в строительной сфере. Строительная сфера особенно сильно коррелирует с внутризэкономическими, внешнеэкономическими и политическими факторами. Любая нестабильность – как политическая, так и экономическая – может привести к дефициту строительных материалов со всеми вытекающими последствиями относительно их удорожания. Микроэкономические и макроэкономические процессы влияют и на покупательскую способность населения. С учетом принципиального значения строительной сферы наличие публично-правовых образований является средством от дестабилизации некоторых секторов данной предпринимательской деятельности.

Разумеется, нельзя сводить деятельность государства в стабилизации лишь к деятельности публичных юридических лиц.

Следует указать на то, что публичные юридические лица во многом способствуют обеспечению принципа равенства субъектов исследуемых правоотношений. Наличие публичных юридических лиц, конечно, в полной мере не нивелирует диспаритетность сторон, но, тем не менее, приводит к большей обеспеченности прав и законных интересов слабой стороны. При этом необходимо учитывать тот фактор, что сама по себе сильная позиция застройщиков не должна приводить к безусловному и необоснованному злоупотреблению правом со стороны потребителей.

Завершая настоящую статью считаем возможным отметить, что рассматриваемая тема является достаточно изученной во всем мире. Существует множество исследований, посвященных механизмам регулирования инвестиций в градостроительную сферу в различных странах, в том числе в России. Многие исследования рассматривают вопросы правового регулирования инвестиций в градостроительную сферу, включая законодательные и нормативные акты, роль государства в регулировании этой сферы, механизмы стимулирования инвестиций и т.д.

Вместе с тем, несмотря на наличие значительного количества исследований, тематика статьи все также актуальна и требует дальнейшего изучения. Во-первых, в связи с существенными многократными изменениями механизмов регулирования в России за последние 10 лет, что требует подробного анализа, в том числе и с точки зрения эволюции публично-правовых механизмов.

Во-вторых, в связи с большой долей регулирования в указанной области, осуществляемой органами исполнительной власти и управления (так называемое «ручное регулирование»), что порождает разность подходов к регулированию, а, следовательно, требует изучения и выработки необходимых рекомендаций нормотворческого характера с целью поиска возможностей унификации и применении выработанных на уровне субъектов РФ успешных механизмов правового регулирования градостроительной деятельности на всей территории страны.

В-третьих, предполагается изучить опыт стран (ОАЭ, Китай, Германия), являющихся передовыми в области градостроительства в целом по темпам строительства и инноваций, а равно создающих условия привлекательности для инвесторов внутренних и внешних, в которых существуют свои специфические механизмы публично-правового регулирования инвестиций в градостроительную сферу, с целью последующего применения таких успешных механизмов в отечественной градостроительной отрасли.

В завершение сделаем вывод о том, что в настоящей статье нами были определены особенности разграничения терминов «публичные юридические лица», «публично-правовые образования»

и охарактеризована их роль в предпринимательской деятельности в сфере строительства объектов жилой недвижимости.

Сделан акцент на неравенство сторон в правоотношениях между застройщиком и дольщиком, в связи с чем публичные юридические лица выступают в качестве стабилизатора общественных отношений.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4767.
4. Приказ начальника Управления жилищной политики г. Казани от 30.11.2022 № 14 «О создании общественного совета при Управлении жилищной политики г. Казани» // СПС «Консультант Плюс».
5. Абдулгапова Р.Р. Правовое положение публично-правовых образований в гражданско-правовых обязательствах: Автореферат диссертации кандидата юридических наук / Р.Р. Абдулгапова. Казань, 2008.
6. Сергеев Д.Б. Публично-правовое образование как юридическая категория // *ВВ: Проблемы общества и политики*. 2014. № 7. С. 42–49.
7. Селецкая С.Б., Шаталова А.В. К вопросу о правовом регулировании инвестиций в жилье // *Градостроительное право*. 2021. № 3. С. 15–18.
8. Официальный сайт Минстроя России <https://minstroyrf.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2023 г.).

DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF REGULATION OF LEGAL RELATIONS OF SUBJECTS OF URBAN PLANNING ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Perlin A.O.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of the article. The study of investment in the urban planning sphere of Russia and problematic issues in this area. *Objectives of the article.* To consider the issues of legal regulation and control by the state in this area. *Practical application possibilities.* The participation of public legal entities in the construction of residential real estate is positive. The term “public legal entities” is narrower than “public legal entity”. The article defines the features of the differentiation of the terms “public legal entities”, “public legal

entities” and characterizes their role in entrepreneurial activity in the construction of residential real estate. The emphasis is placed on the inequality of the parties in the legal relations between the developer and the shareholder, in connection with which public legal entities act as a stabilizer of public relations.

The conclusions drawn can be used in law enforcement practice.

Keywords: investments, urban planning, housing construction, public legal entities, infrastructure, public legal entities housing construction, developer.

References

1. Town-planning Code of the Russian Federation from 29.12.2004 № 190-FZ (ed. from 04.08.2023) (with amendments and additions, effective from 01.09.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 1 (part 1). Art. 16.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. of 24.07.2023) (with amendments and additions, effective from 01.10.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
3. Federal Law of 29.07.2017 № 218-FZ (ed. of 24.06.2023) “On the public-law company “Territory Development Fund” and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 31 (Part I). Art. 4767.
4. Order of the Head of the Housing Policy Department of the city. Kazan from 30.11.2022 № 14 “On the creation of a public council at the Housing Policy Department of Kazan. Kazan” // JPS “Consultant Plus”.
5. Abdulvagapova, R.R. Legal status of public-law entities in civil-law obligations: Abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences / R.R. Abdulvagapova. Kazan, 2008.
6. Sergeev, D.B. Public-law entity as a legal category // NB: Problems of society and politics. 2014. № 7. C. 42–49.
7. Seletskaya S.B., Shatalova A.V. To the issue of legal regulation of investments in housing // Urban Planning Law. 2021. № 3. C. 15–18.
8. Official website of the Ministry of Construction of Russia <https://minstroyrf.gov.ru/> (date of reference: 01.10.2023).

К вопросу о взаимодействии прокуратуры с органами государственного контроля в рамках защиты трудовых прав и свобод граждан

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

В статье подвергнуты анализу вопросы взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации и федеральной инспекции труда в сфере осуществления надзора и контроля за исполнением трудового законодательства и соблюдением трудовых прав граждан.

Отмечается, что прокуратура Российской Федерации является одним из важнейших государственных органов, непрерывно обеспечивающих законность и правопорядок. Путем реализации различных функций, прокуроры защищают нарушенные права и свободы человека и гражданина, принимают действенные меры к их восстановлению и восстановлению социальной справедливости в целом.

Взаимодействие органов прокуратуры с федеральной инспекцией труда осуществляется преимущественно в рамках реализации органами прокуратуры надзорной функции: за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов РФ, законностью правовых актов, издаваемых специальными поднадзорными объектами; за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; частично – при осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами, а также при реализации полномочий по участию в различных формах судопроизводства.

При осуществлении органами прокуратуры функции по надзору за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов самой распространенной проблемой взаимодействия органов прокуратуры с иными органами государственной власти является привлечение к участию в прокурорских проверках должностных лиц государственных органов в качестве специалистов. Пробелы соответствующего законодательства не позволяют точно определить когда и в каких случаях обязательно должен привлекаться специалист; оценить целесообразность его привлечения в той или иной проверке и пр.

Автором сформулирован вывод о том, что проблемы, возникающие в рамках взаимодействия органов прокуратуры и федеральной инспекции труда, непосредственно влияют на качество защиты трудовых прав граждан, что приводит к отрицательному воздействию на экономическое развитие страны.

Ключевые слова: прокуратура; федеральная инспекция труда; форматы взаимодействия; трудовые права и свободы граждан.

Прокуратура Российской Федерации является одним из важнейших государственных органов, непрерывно обеспечивающих законность и правопорядок. Путем реализации разнородных функций, прокуроры защищают нарушенные права и свободы человека и гражданина, принимают действенные меры к их восстановлению и восстановлению социальной справедливости.

Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства РФ, за соблюдением трудовых прав и свобод граждан отнесен к числу приоритетных в социальной сфере общественных отношений [1].

Обозначенный статус накладывает на государственные органы максимальные обязательства по осуществлению мероприятий по охране трудовых прав и свобод, а также диктует необходимость использования всех доступных правовых механизмов защиты, предоставленных прокуратуре.

На протяжении длительного периода времени надзор прокуратуры и контроль государственных органов в сфере труда не ослабевают в силу разнообразных обстоятельств, в частности, по причине вовлеченности в трудовые отношения подавляющего числа граждан; по причине возрастания количества совершаемых и выявляемых нарушений в анализируемой сфере; недостаточно эффективной деятельности профсоюзных организаций; из-за пробелов правовой регламентации и пр. Органами прокуратуры и контроля в целях систематизации и оптимизации работы классифицируют контингент по определенным основаниям (возрасту, состоянию здоровья, полу и т.п.).

Отмеченные обстоятельства требуют от прокуратуры повышенного внимания к реализации надзора за исполнением трудового законодательства и соблюдением трудовых прав и свобод, более тщательного проведения проверочных мероприятий, тесного взаимодействия с контролирующими органами, принятия (в случае выявления нарушений) комплекса исчерпывающих мер реагирования в целях устранения нарушений, привлечения виновных лиц к ответственности.

Ввиду особенностей социально-экономического развития Российской Федерации вопросы эффективности государственной защиты трудовых прав граждан считаются особенно актуальными.

В силу своего специфического правового статуса и функций, одним из важнейших органов государственной власти, осуществляющим защиту трудовых прав и свобод граждан, как отмечалось неоднократно, является прокуратура Российской Федерации. В рамках своей надзорной деятель-

ности прокуратура обязана выстраивать взаимодействие с иными государственными органами, в частности, с органами контроля за исполнением трудового законодательства.

К таковым органам отнесены: федеральная инспекция труда, состоящая из федерального органа исполнительной власти уполномоченного на проведение федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (Федеральной службы по труду и занятости), и его территориальных органов (государственных инспекций труда) [2].

Взаимодействие органов прокуратуры с федеральной инспекцией труда осуществляется преимущественно в рамках реализации органами прокуратуры надзорной функции: за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов РФ, законностью правовых актов, издаваемых специальными поднадзорными объектами; за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; частично – при осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами, а также при реализации полномочий по участию в различных формах судопроизводства.

При осуществлении органами прокуратуры функции по надзору за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов самой распространенной проблемой взаимодействия органов прокуратуры с иными органами государственной власти является привлечение к участию в прокурорских проверках должностных лиц государственных органов в качестве специалистов. Пробелы соответствующего законодательства не позволяют точно определить когда и в каких случаях обязательно должен привлекаться специалист; оценить целесообразность его привлечения к той или иной проверке; очертить круг прав и обязанностей специалиста; механизм его привлечения; формат участия и фронт работы.

Недостаточность правового регулирования в данной сфере приводит к недопониманию должностными лицами, привлеченными прокуратурой к проверке в качестве специалистов, своих задач, а также к конфликтам с сотрудниками прокуратуры, спорам с поднадзорными объектами о обоснованности проверки, что, безусловно, напрямую влияет на качество надзорной работы.

Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» установлено, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы [3]. Вместе с тем, в правовых документах отсутствуют четкие правила, позволяющие достоверно утверждать, когда действия органов прокуратуры можно расценить как подменяющие федеральную инспекцию труда, а когда – нельзя.

На практике законодательные формулировки при их толковании фактически приводят к тому, что при поступлении в органы прокуратуры обращений граждан о нарушении требований трудово-

го законодательства, органы прокуратуры, руководствуясь своими организационными интересами (объемом работы, укомплектованностью штата и т.д.), часть обращений для разрешения в полном объеме адресуют ФИТ, несмотря на то, что разрешение отдельных обращений (в полном объеме или в части) необходимо именно прокурором (в силу имеющихся у него полномочий), (например, когда имеется необходимость по каким-либо причинам обратиться в суд в интересах работника). При этом жалобы, где совершенно очевидно, что участие органов прокуратуры не требуется, остаются для разрешения в органах прокуратуры.

Также примером подмены федеральной инспекции труда служит деятельность органов прокуратуры по оценке материалов нарушений охраны труда, в установлении обстоятельств в которых принимали участие должностные лица федеральной инспекции труда или которые рассматривались должностным лицом федеральной инспекции труда единолично.

Прокуратура по данным материалам проводит проверки и принимает меры реагирования (в том числе вносят представления и возбуждают дела об административных правонарушениях).

Представляется, рациональный характер таких действий, при условии, что соответствующие меры реагирования по результатам проверки несчастных случаев уже приняты должностными лицами федеральной инспекции труда (вынесены предписания об устранении нарушений требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, возбуждены и рассмотрены дела об административных правонарушениях в отношении виновных юридических и должностных лиц), не совсем очевиден.

В обозначенных ситуациях прослеживается негативное воздействие на качество осуществляемого прокуратурой надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Оставляя у себя «простые», не требующие прокурорского вмешательства обращения граждан, и по итогам установления причин несчастных случаев, по сути, дублируя принятые должностными лицами федеральной инспекции труда меры, деятельность органов прокуратуры направлена не на восстановление нарушенных прав граждан, а на формальное достижение плановых показателей.

При осуществлении органами прокуратуры функции по надзору за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, федеральная инспекция труда и ее территориальные подразделения могут быть также и объектами прокурорского надзора.

Проверкам органов прокуратуры подвергается как внутренняя хозяйственная деятельность федеральной инспекции труда (вопросы распоряжения государственным имуществом, расходования бюджетных денежных средств и т.д.), так и работа федеральной инспекции труда по исполнению законов о рассмотрении и разрешении обращений

граждан, о государственном контроле (надзоре). Такой охват законодательства, за исполнением которого органы прокуратуры осуществляют надзор в отношении федеральной инспекции труда, приводит к активному вмешательству органов прокуратуры в работу федеральной инспекции труда (в частности, к активному административному влиянию на нее), предъявлению в ее адрес противоречивых, зачастую, не соответствующих федеральному законодательству требований (например, при проверке законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан одни сотрудники прокуратуры могут указать на «мягкость» примененного к виновным должностному или юридическому лицу административного наказания, а другие сотрудники прокуратуры при проверке законодательства о государственном контроле (надзоре) и защите прав предпринимательства наоборот могут указать на «излишнюю жесткость» примененного к виновному должностному или юридическому лицу административного наказания).

Отношения органов прокуратуры и федеральной инспекции труда в рамках реализации органами прокуратуры полномочий по содействию осуществления правосудия федеральным законодательством и иными правовыми актами также не получили достаточно четкой правовой регламентации.

Усилия прокуратуры и федеральной инспекции труда при рассмотрении судами дел, вытекающих или связанных с защитой трудовых прав граждан, в сфере правотворчества, связанного с изданием правовых актов, регулирующих деятельность федеральной инспекции труда, международного сотрудничества в сфере трудового права, не унифицированы, систематизированы на достаточно низком уровне.

Отсутствие консолидации органов прокуратуры и федеральной инспекции труда по оказанию содействия в осуществлении правосудия, по взаимодействию в сфере правотворчества и международного сотрудничества в трудовой сфере влияют на качество защиты прав граждан и приводит к отрицательным последствиям, сказывающимся на восстановлении нарушенных прав граждан.

Также важно не обойти вниманием совместную деятельность органов прокуратуры и федеральной инспекции труда в правотворчестве (например, издание совместных нормативных правовых актов), именно она, как представляется, может стать действенным способом разрешения многих сложных вопросов.

Таким образом, проблемы, возникающие в рамках взаимоотношений прокуратуры и федеральной инспекции труда, непосредственно влияют на качество защиты трудовых прав граждан, что ведет к негативному воздействию на экономическое развитие страны в целом.

Представляется, идентификация имеющихся проблем, глубокий анализ, нацеленный на последующее их разрешение, необходимо воспринимать как ключевые задачи, решение которых предоста-

вит возможность повысить результативность деятельности надзорных и контрольных органов государства, вывести их существенно более высокий уровень.

Литература

1. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // «Законность», N 3, 2008
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001. Ст., ст. 353, 354
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 // РГ, № 39, 18.02.1992.

TO THE ISSUE OF INTERACTION BETWEEN THE PROSECUTOR'S OFFICE AND STATE CONTROL BODIES IN THE FRAMEWORK OF THE PROTECTION OF LABOR RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

Potapova L.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovleva

This article examines the issues surrounding the collaboration between the prosecutor's office of the Russian Federation and the federal labor inspectorate in overseeing and enforcing labor legislation and protecting the labor rights of citizens. The prosecutor's office is a crucial government body responsible for upholding law and order. Through various functions, prosecutors safeguard violated human and civil rights, take effective measures to restore them, and promote social justice.

The interaction between the prosecutor's office and the federal labor inspectorate primarily occurs within the framework of the prosecutor's supervisory functions. These include ensuring compliance with the Constitution of the Russian Federation, enforcing laws, reviewing the legality of legal acts issued by supervised entities, protecting human and civil rights and partially supervising the implementation of laws by bailiffs. The prosecutor's office also participates in various forms of legal proceedings.

One common challenge in the interaction between the prosecutor's office and other government bodies arises when government officials are involved as specialists in prosecutorial inspections. Gaps in legislation make it difficult to determine when and in what cases a specialist should be involved and assess the feasibility of their participation in specific inspections.

The author concludes that problems arising from the interaction between the prosecutor's office and the federal labor inspectorate directly impact the quality of labor rights protection for citizens, ultimately negatively affecting the country's economic development.

Keywords: prosecutor's office, Federal Labor Inspectorate, interaction formats, labor rights and freedoms of citizens.

References

1. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated December 7, 2007 No. 195 "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws, observance of human and civil rights and freedoms" // "Legality", No. 3, 2008
2. "Labor Code of the Russian Federation" dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on February 5, 2018) // "Rossiyskaya Gazeta", N 256, December 31, 2001. Art., Art. 353, 354
3. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated January 17, 1992 No. 2202–1 // RG, No. 39, 02/18/1992.

Особенности правового регулирования преддоговорных соглашений в странах общего права: некоторые аспекты

Батанов Антон Александрович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: batanoff.aa@gmail.com

В настоящее время в юридической литературе преддоговорная стадия заключения договора изучена недостаточно и требует более тщательного исследования. Вместе с тем, заключаемые на этом этапе соглашения, получили свое широкое распространение в предпринимательской деятельности и зарекомендовали себя как полезный инструмент в гражданском обороте. При рациональном использовании преддоговорные соглашения помогают эффективному развитию договорных отношений сторон, способствуют фиксации достигнутых на переговорном этапе договоренностей, но при произвольном и бессистемном использовании, могут создать бизнес-сообществу значительные трудности.

Настоящее исследование направлено на изучение проблем правового регулирования преддоговорных соглашений в некоторых странах общего права. Автор анализируется специфика и особенности практического применения указанных соглашений в предпринимательской деятельности. Анализируются возможные юридические проблемы, связанные с толкованием, содержанием, возможностью принудительного исполнения таких соглашений при их практическом применении.

Проведенное исследование позволило сформировать представление о преддоговорных соглашениях, используемых в странах общего права, типах указанных соглашений и деловой практики их применения.

Ключевые слова: преддоговорные соглашения, предварительные соглашения, соглашение о процедуре переговоров, переговорный процесс, преддоговорная стадия.

Введение

В процессе предпринимательской деятельности субъекты вступают друг с другом в разнообразные взаимоотношения посредством заключения различных контрактов и соглашений. Договорный процесс в современных предпринимательских отношениях включает в себя три основных этапа: переговоры, заключение и исполнение контракта. В отличие от стадий заключения и исполнения договора преддоговорной стадии уделялось незаслуженно мало внимание в юридической доктрине. Возможно поэтому, субъекты предпринимательских отношений часто недооценивают юридические проблемы, возникающие в процессе применения преддоговорных соглашений.

Особенностью преддоговорных соглашений является их направленность на регулирование переговорного процесса, который предшествует заключению основного контракта. Сложность практического применения преддоговорных соглашений состоит в том, что правовая природа и последствия применения таких соглашений остается неопределенной и противоречивой.

Долгое время английская судебная практика не признавала действительность и обязательность преддоговорных соглашений, тогда как американские суды обычно признают ограниченные правовые последствия преддоговорных соглашений. Вместе с тем, необходимо отметить, что суды общего права пытаются находить баланс между тем, чтобы не навязывать сторонам не согласованные последними условия и не заключать контракты за них, с одной стороны, и с другой стороны, суды не хотят, чтобы их обвиняли в том, что они разрушают сделки [5; с. 151].

Общая характеристика преддоговорных соглашений

В настоящее время переговорный процесс стал значительно сложнее простого обмена предложениями, предусмотренного классическими правилами оферты и акцепта, поэтому возросла потребность в таких инструментах, которые способствуют продвижению сделки, фиксации достигнутых договоренностей, регулируют отношения между предпринимателями на этапе до заключения основного контракта. Появлению любого контракта предшествует пе-

реговорная стадия, которая непосредственно опосредует отношения сторон с момента, когда одна сторона получает предложение о заключении сделки и до момента ее окончательного оформления. Во многих несложных, ежедневно заключаемых контрактах этап переговоров непосредственно совпадает с этапом заключения контракта и состоит из мгновенного направления акцепта в момент получения оферты. В других случаях переговоры могут быть более длительными и сложными [4; с. 37–38].

Современный переговорный процесс связан с обменом большим количеством документов, которые могут содержать сотни страниц. Кроме того, в переговорный процесс могут быть привлечены третьи стороны, такие как консультанты, внешние юристы, финансовые или банковские организации, государственные учреждения. В этих случаях преддоговорные соглашения служат упорядочению и систематизации таких сложных отношений [3; с. 11]. При этом преддоговорные соглашения могут включать не только предварительные договорённости сторон по основному контракту, но и могут определять сам процесс переговоров: устанавливать порядок несения расходов, условия обеспечения конфиденциальности информации, объем и характер передаваемой информации, соглашение об эксклюзивности переговоров.

Продолжительность и содержание преддоговорной стадии зависит от различных факторов (сложности и специфики заключаемого договора, стадии развития отношений сторон, наличием или отсутствием предыдущих взаимоотношений, степени юридической связанности сторон, деловой практики сторон и т.д.). На преддоговорной стадии стороны определяют основные параметры будущих договорных отношений, решают экономические, юридические, технические и иные задачи, которые планируют реализовать посредством заключения основного контракта.

Преддоговорная стадия может включать в себя переговоры между сторонами, обмен и/или получение информации, документов, совершение сторонами определённых действий, направленных на согласование договора, одобрение кредита и т.п. При этом на этой стадии стороны могут понести значительные издержки. Это могут быть как прямые издержки, которые связаны с расходами на ведение переговоров (перелеты, проживание, услуги консультант), на оплату услуг консультантов, экспертов и т.д., так и расходы, которые непосредственно связаны с реализацией будущего контракта. Поэтому на современном этапе субъекты предпринимательских отношений, особенно в сложных сделках, должны уделять преддоговорной стадии большое значение.

Используемые бизнес-сообществом контракты становятся всё сложнее, поэтому стороны стремятся использовать различные инструменты, направленные на упорядочение и развитие переговорного процесса. Применение сторонами преддоговорных соглашений является важным этапом, предшествующим этапу переговоров или сопровождающим

его. В настоящей работе мы используем термины «преддоговорное соглашение» и «предварительное соглашение» как равнозначные, для обозначения любого соглашения, которое заключается на этапе переговоров, опосредующих заключение основного контракта. Вместе с тем правовая природа и правовое значение отдельных преддоговорных соглашений могут сильно различаться в зависимости от содержания и преследуемых сторонами таких соглашений целей.

Преддоговорные соглашения (pre-contractual agreements) могут иметь различные наименования: соглашение о процедуре переговоров (agreement to negotiate), соглашение заключить договор (agreement to agree), письмо о намерениях (letter of intent), соглашение о неразглашении (non-disclosure deed), меморандум о взаимопонимании (memorandum of understanding), меморандум о соглашении (memorandum of agreement) и т.д., при этом наименования преддоговорных соглашений часто используются как взаимозаменяемые, что только усиливает неопределенность в отношении их правовой природы и последствий применения. Кроме того, «неопределенность возникает в значительной степени из-за того, что понятие «преддоговорный» относится не к конкретному типу соглашения со стандартным юридическим содержанием, а к стадии, на которой заключается соглашение» [2; с. ii]. Для правильной квалификации заключаемого соглашения необходимо учитывать не только его содержание и квалифицирующие признаки, но также и на достижение какого правового результата направлено заключаемое соглашение.

На этапе переговоров заключение предварительных соглашений может преследовать разнообразные цели, которые непосредственно зависят от воли сторон их заключающих. Предварительные соглашения могут иметь двойственное содержание и состоять из обязывающих и необязывающих (декларативных) условий. Часто стороны на переговорном этапе не стремятся быть юридически связанными, а заключают своего рода «джентельменские» соглашения, которые обозначают лишь заинтересованность в дальнейшем ведении переговоров и несут за их нарушение только возможные репутационные риски. В противоположность сказанному стороны могут согласовать предварительный документ, содержащий основные условия будущего контракта, с намерением заменить его официальным контрактом на финальной стадии переговоров. В этом случае предварительное соглашение может рассматриваться как окончательный договор и носить для сторон обязательный характер [2; с. 6–7]. Таким образом, при практическом применении противоречивое содержание предварительного соглашения и его двойственная правовая природа порождают юридические проблемы, такие как толкование, возможность приведения в исполнение и применение мер ответственности за нарушение.

Типы преддоговорных соглашений и их функции

Перед тем как начать рассматривать отдельные типы преддоговорных соглашений, необходимо сделать следующую оговорку. Соглашения называются преддоговорными, так как по своей сути являются предварительными и подразумевают заключение основного контракта в будущем. Как нами было отмечено ранее, предварительные соглашения не являются отдельной договорной конструкцией со стандартным юридическим наполнением, а представляют собой широкий спектр правовых средств, применяемых сторонами для упрощения переговорного процесса и облегчения заключения основного контракта. Поэтому далее мы попытаемся классифицировать по типам большое количество разнообразных преддоговорных соглашений, выделяя их по определенным обобщающим признакам, которые в наибольшей степени им присущи или характеризуют их. При этом, в виду того, что содержание условий конкретного преддоговорного соглашения остается на усмотрение сторон такого соглашения, одно соглашение может содержать элементы более чем одного типа преддоговорных соглашений.

В юридической литературе существуют различные классификации преддоговорных соглашений. Предложенная итальянским ученым М. Торселло классификация основана на делении преддоговорных соглашений на соглашения, которые направлены на упорядочение переговорного процесса и соглашения, которые определяют содержание будущей сделки [7].

Соглашения первого типа могут включать в себя обязательства по добросовестному ведению переговоров, по предоставлению информации, о конфиденциальности информации, связанные с порядком разрешения споров, распределением расходов, ограничением ответственности за нарушение и возмещением убытков и т.п. К таким соглашениям можно отнести соглашение о добросовестном ведении переговоров (*agreement to negotiate in good faith*), соглашение о неразглашении (*non-disclosure deed*), соглашение об эксклюзивности переговоров (*exclusivity agreements*) и т.п.

Второй тип – это соглашения, которые содержат основные условия будущего контракта, который является предметом переговоров. В отличие от предыдущего типа, в нем преимущественно согласовываются ключевые положения будущего контракта, а не просто процесс переговоров. Структура и содержание соглашений такого типа могут варьироваться, но, как правило, они содержат по крайней мере некоторые из ключевых условий предполагаемой сделки. Такие соглашения условно можно разделить на два вида: соглашения, не предусматривающие юридическую связанность сторон и юридически обязывающие соглашения. Часто стороны не стремятся связать себя обязательствами по заключению контракта и оговаривают, что юридически они не связаны согласованными условиями будущей сделки. Нередко в преддо-

говорных соглашениях содержится оговорка «при условии заключения контракта» («*subject to contract*»). Эта оговорка означает, что даже согласование в преддоговорном соглашении всех основных условия контракта не приводит к его заключению до тех пор, пока контракт не будет оформлен в письменной форме и подписан обеими сторонами [2; с. 32]. Соглашения такого типа обычно называют письмом о намерениях (*letter of intent*), соглашение заключить договор (*agreement to agree*), меморандумом о взаимопонимании (*memorandum of understanding*) или список условий (*term sheet*).

Американский цивилист А. Фарнсворт предлагает разделять процесс переговоров по заключению договора на несколько этапов вводя промежуточные режимы между самими переговорами и окончательным контрактом. Соглашения, которые направлены на изменения режима переговоров, автор делит на соглашения с открытыми условиями и соглашения о ведении переговоров [1; с. 250].

Соглашения с открытыми условиями содержат согласованные сторонами условия будущей сделки, которые являются действительными для сторон. По остальным открытым условиям стороны обязуются продолжить переговоры. В случае если сторонам в результате переговоров не удастся достичь согласия по открытым условиям, такие условия могут быть восполнены судом [1; с. 250].

Соглашения о ведении переговоров направлены на упорядочение переговорного процесса, хотя также могут содержать некоторые условия будущей сделки. Стороны обязуются продолжать переговоры и добросовестно стремиться к заключению сделки. При этом согласованные в таких соглашениях условия не являются для сторон обязательными при не заключении основного контракта. Если несмотря на добросовестно прилагаемые усилия контракт так и не будет согласован, стороны остаются свободными относительно предварительно согласованных условий. Однако нарушавшая обязательства по ведению переговоров сторона, может быть также привлечена к ответственности [1; с. 251].

Кроме того, есть соглашения, которые не относятся ни к одному из вышеуказанных типов, которые автор называет соглашениями о заключении сделки и временные соглашения. Соглашение о заключении сделки содержит все основные условия будущего контракта и обязательство одной или обеих сторон в будущем заключить сделку на согласованных условиях. Особенность состоит в том, что стороны по тем или иным причинам откладывают заключения контракта на будущее. Временное соглашение не содержит условий будущего контракта, а непосредственно направлено на регулирование процесса ведения переговоров [1; с. 251–252].

В США суды классифицируют преддоговорные соглашения на два основных типа [6]. Преддоговорное соглашение I типа содержит все согласованные сторонами основные условия будущего

контракта, является действительным и подлежат принудительному исполнению. Такие соглашения суды признают полноценным контрактом, называя их предварительными лишь формально, так как они могут предусматривать обязанность сторон оформить соглашение в виде отдельного официального контракта. Однако это не влияет на действительность таких соглашений, поскольку стороны договорились по всем существенным условиям [2; с. 77].

Преддоговорное соглашение II типа содержит некоторые из основных условий будущего контракта, а по остальным открытым существенным условиям стороны обязуются продолжить вести переговоры. В таких соглашениях суды признают существование подразумеваемого обязательства по добросовестному ведению переговоров. У сторон такого соглашения отсутствует обязанность заключить основной контракт, однако стороны обязаны добросовестно стремиться к этому [2; с. 134]. Сторона, недобросовестно препятствующая согласованию открытых условий или заключению основного договора может быть привлечена к ответственности. Если сторонам не удается прийти к согласию по основным условиям после добросовестных усилий, стороны перестают быть связанными обязательствами.

Подводя предварительный итог, можно отметить, что стороны не всегда имеют возможность сразу заключить полноценный контракт на начальном этапе ведения переговоров. Переговорный процесс может затянуться и повлечь для сторон значительные расходы. Предварительные соглашения, заключаемые на этапе переговоров, могут помочь не только урегулировать процесс переговоров, но зафиксировать текущие договоренности сторон. Вместе с тем стороны должны очень внимательно относиться к условиям заключаемых преддоговорных соглашений. Ведь юридическая сила и последствия заключения таких соглашений зависит не от их названия, а от содержания и преследуемых сторонами намерений.

Заключение

В процессе осуществления предпринимательской деятельности стороны вступают друг с другом в различные отношения. В зависимости от стадии развития этих отношений, их целевой направленности, а также степени юридической связанности сторон правовые последствия таких отношений различны.

На стадии предшествующей заключению договора, стороны определяют основные параметры будущих договорных отношений, решают экономические, юридические, технические и иные задачи, которые планируют реализовать посредством заключения основного контракта. Основная направленность преддоговорных соглашений состоит в том, чтобы способствовать продвижению переговоров и заключению основного контракта на согласованных сторонами условиях.

Вместе с тем в настоящее время остается правовая неопределенность при применении таких соглашений, связанная с противоречивостью судебной практики. При заключении и исполнении преддоговорных соглашений сторонам следует учитывать не только собственные интересы, но и мнения судов по тем или иным вопросам применения таких соглашений. Следует обратить особое внимание на содержание и формулировки заключаемых на преддоговорной стадии соглашений.

Литература

1. Farnsworth, E. A. (1987). Precontractual Liability and Preliminary Agreements: Fair Dealing and Failed Negotiations. *Columbia Law Review*, 87(2), 217–294. <https://doi.org/10.2307/1122561>.
2. Kleinhans, Brittany Lily Evelyn. (2000) Pre-contractual agreements. Thesis (LLM). Stellenbosch University. Доступно по ссылке: <http://hdl.handle.net/10019.1/108069> (дата обращения: 01.04.2023).
3. Pierrot, Claudia. (2000) A comparative legal study of preliminary agreements under French and American Law. (Thesis). McGill University. Доступно по ссылке: <https://escholarship.mcgill.ca/concern/theses/5712m8632> (дата обращения: 03.04.2023).
4. Schmidt, Joanna. (1983) Preliminary Agreements in International Contract Negotiation in: 6 *Houston Journ. of Intern. Law*, p. 37–62. Доступно по ссылке: <http://www.hjil.org/articles/hjil-6-1-schmidt.pdf> (дата обращения: 01.04.2023).
5. Tarrant, John. (2023). PRELIMINARY AGREEMENTS. In: *University of New England Law Journal*.; Vol. 3, No. 2. pp. 151–186. Доступно по ссылке: https://www.academia.edu/1458551/Preliminary_Agreements (дата обращения: 01.04.2023).
6. *Teachers Ins. & Annuity Ass'n of Am.v. Tribune Co.*, 670 F. Supp. 491, 498 (S.D.N.Y. 1987) Доступно по ссылке: <https://h2o.law.harvard.edu/cases/5082> (дата обращения: 13.04.2023).
7. Torsello, Marco. (2008). Preliminary Agreements and CISG Contracts”, in Harry Flechtner, Ronald Brand, Mark Walter (eds.), *Drafting Contracts under the CISG 191–252*. Oxford (дата обращения: 01.04.2023).

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF PRE-CONTRACTUAL AGREEMENTS IN COMMON LAW COUNTRIES: SOME ASPECTS

Batanov A.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Currently, the legal literature pays undeservedly little attention to the pre-contractual stage of concluding a contract. At the same time, the agreements concluded at this stage have become widespread in business activities and have proven to be a useful tool in civil turnover. With rational use, pre-contractual agreements help to the effective development of contractual relations between the parties, contribute to fixing the agreements reached at the negotiation stage, but with arbitrary and haphazard use, they can create significant difficulties for the business community.

This study is aimed at studying the problems of legal regulation of pre-contractual agreements in some common law countries. The

author analyzes the specifics and features of the practical application of these agreements in business. Possible legal problems related to the interpretation, content, and the possibility of enforcement of such agreements in their practical application are analyzed.

The conducted research allowed us to form an idea of the pre-contractual agreements used in common law countries, the types of these agreements and the business practices of their application.

Keywords: pre-contractual agreements, preliminary agreements, agreement to negotiate, negotiation process, pre-contractual stage.

References

1. Farnsworth, E. A. (1987). Precontractual Liability and Preliminary Agreements: Fair Dealing and Failed Negotiations. *Columbia Law Review*, 87(2), 217–294. <https://doi.org/10.2307/1122561>.
2. Kleinhans, Brittany Lily Evelyn. (2000) Pre-contractual agreements. Thesis (LLM). Stellenbosch University. Available at: <http://hdl.handle.net/10019.1/108069> (Accessed: 01.04.2023).
3. Pierrot, Claudia. (2000) A comparative legal study of preliminary agreements under French and American Law. (Thesis). McGill University. Available at: <https://escholarship.mcgill.ca/concern/theses/5712m8632> (Accessed: 03.04.2023).
4. Schmidt, Joanna. (1983) Preliminary Agreements in International Contract Negotiation in: 6 *Houston Journ. of Intern. Law*, p. 37–62. Available at: <http://www.hjil.org/articles/hjil-6-1-schmidt.pdf> (Accessed: 01.04.2023).
5. Tarrant, John. (2023). PRELIMINARY AGREEMENTS. In: *University of New England Law Journal.*; Vol. 3, No. 2. pp. 151–186. Available at: https://www.academia.edu/1458551/Preliminary_Agreements (Accessed: 01.04.2023).
6. *Teachers Ins. & Annuity Ass'n of Am.v. Tribune Co.*, 670 F. Supp. 491, 498 (S.D.N.Y. 1987) Available at: <https://h2o.law.harvard.edu/cases/5082> (Accessed: 13.04.2023).
7. Torsello, Marco. (2008). Preliminary Agreements and CISG Contracts”, in Harry Flechtner, Ronald Brand, Mark Walter (eds.), *Drafting Contracts under the CISG* 191–252. Oxford (Accessed: 01.04.2023).

Регулирование процедуры банкротства ресурсоснабжающих организаций системы жилищно-коммунального хозяйства

Васильева Ирина Викторовна,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: durova_irina.blg@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы несостоятельности (банкротства) ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства. Проанализированы этапы проведения процедуры банкротства, особенности в их проведения применительно к организациям, осуществляющие хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства. Сделан вывод, что банкротство рассматриваемых субъектов при том, что применяется общая процедура банкротства, все же имеет свои особенности. Автор останавливается на проблемах банкротства РСО и высказывает предложения по совершенствованию вопросов правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, обслуживание, жилищно-коммунальное хозяйство, риск, кредитор, должник, арбитражный, процесс.

Многолетние потрясения, начиная с пандемии и позже примкнувшей операцией СВО не могли не отразиться на управляющих компаниях и иных организациях, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства. Виною тому можно считать снижение доходов населения и как результат растущие долги в сфере жилищно-коммунальных платежей.

Стоит отметить, что управляющие компании на сегодняшний день так же уделяют пристальное внимание к выбору арендаторов и проверенных операторов. Все эти процессы сопровождаются подъемом тарифов за предоставляемые услуги и желанием оптимизировать некоторые процессы.

Финансовая несостоятельность обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства, ведет к риску банкротства, если указанные юридические лица не имеют возможности удовлетворить обязательства перед кредиторами.

В случае доказанности данного юридического факта арбитражным судом, а именно он признает юридическое лицо банкротом, начинается процедура взыскания дебиторской задолженности. Задолженность, в рамках доказывания юридического лица банкротом, представляется законодателем в качестве неспособности должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору; и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

На сегодняшний день начать процедуру банкротства в отношении организаций системы жилищно-коммунального хозяйства могут ряд субъектов, таких как банки и кредиторы, налоговая служба, сотрудники компании, если в отношении последних имеется задолженность по обязательным платежам в сумме, предусмотренной законом.

Сумма долга обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства, должна быть согласно п. 2 ст. 33 Закона о банкротстве не менее 300 тысяч рублей. Еще одним требованием для инициирования процедуры банкротства в арбитражном суде является период просрочки исполнения денежного обязательства, который составляет три месяца с даты, когда данное обязательство долж-

но было быть исполнено (п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве)¹.

Поставщики ресурса иногда используют процедуру банкротства для взыскания собственной дебиторской задолженности.

Как любая процедура банкротства, при банкротстве ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства необходимо придерживаться определенных этапов, регламентированных законом, первые из них касаются процедуры несостоятельности: наблюдение и финансовое оздоровление.

В рамках этих этапов выясняется и констатируется наличие финансовых сложностей в организации, которые берутся государством под контроль, вводя наблюдение. Данная процедура предпринимается с целью свести на минимум причинение еще больших убытков контрагентам.

На этапе наблюдения, который по продолжительности составляет семь месяцев (может быть продлен), анализируется финансовое состояние должника, в результате которого становится ясным какие последствия будут у организации. Наблюдение осуществляет назначенный временный управляющий, в компетенцию которого входит сбор информации об имуществе должника, недопущение незаконного вывода активов и согласование сделок. При этом, временный управляющий не имеет права отстранять руководство от управления организацией и не вмешивается в проводимую организацией хозяйственную деятельность. Он только осуществляет контроль.

На этапе финансового оздоровления, который не может проводиться более двух лет, проводятся мероприятия по восстановлению платежеспособности организации, составляется график погашения задолженности. Хотя, сложность заключается в том, что очень в редких случаях организация может произвести расчеты, учитывая введенной против нее процедуры банкротства. В связи с этим, данная процедура применяется крайне редко.

Внешнее управление представляет собой третий этап, который проводится в течении восемнадцати месяцев и так же, как и предыдущий этап применяется не часто ввиду того, что на этом этапе должна восстанавливаться платежеспособность организации в соответствии с планом внешнего управления. Контроль всех процессов в организации переходит к внешнему управляющему, который должен разработать в отношении организации план выхода из кризиса.

Финальной стадией, которая проводится условно в течении года, считается этап конкурсного производства, которое реализуется посредством имеющегося имущества должника, а организация ликвидируется. Условно срок в один год может перерасти в несколько лет если мероприятия по формированию конкурсной массы, привлечению к суб-

сидиарной ответственности контролирующих лиц, оспаривание сделок, до конца не реализованы. На этом этапе ответственным лицом является назначаемый конкурсный управляющий.

Данные признаки для проведения процедуры банкротства являются общими, однако, для ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства необходимо учитывать особенности отрасли, которые безусловно, накладывают отпечаток на некоторые моменты в процессе проведения процедуры банкротства.

Сформулируем основные особенности, применительно с отрасли, где функционируют организации жилищно-коммунального характера.

К организациям, обслуживающим в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства закон относит ТСЖ, УК и жилищный кооператив. В отношении них, при начале процедуры банкротства действуют некоторые исключения, касающиеся финансовых средств и имущества, которое обычно включается в конкурсную массу. На данные организации распространяется условие, что согласно п. 7 ст. 175 ЖК РФ «в случае признания владельца специального счета банкротом денежные средства, находящиеся на специальном счете, не включаются в конкурсную массу»².

Если в обычной процедуре банкротства денежные средства идут на погашение долгов по налогам или иным обязательным платежам, то обслуживающие организации не являются собственниками этих денег, соответственно, не имеют право использовать их на погашение. В отношении данных денег, находящихся на специальном счете, установлен специальный режим.

2. Деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, осуществляет согласно ч. 1 ст. 171 ЖК РФ и ст. 178 ЖК РФ региональный оператор, учреждаемый субъектом РФ на отведенной территории. Данный оператор не может быть признан несостоятельным (банкротом). Субъект Российской Федерации как учредитель регионального оператора не вправе принять решение о его ликвидации (п. 2 ст. 178 ЖК РФ).

Данное ограничение действует с целью сохранения денег, хранящихся на счетах регионального оператора и исключения посягательств на них.

3. В отношении управляющих организаций ЖКХ, ведущих управление МКД на основании лицензии осуществляется лицензионный контроль должностными лицами ГЖИ. Лицензионные требования установлены в ч. 1 ст. 193 ЖК РФ и в п. 3 Положения о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 28.10.2014 № 1110.

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. – 2002. – № 209–210.

² Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Российская газета. – 2005. – № 1.

Признание лицензиата банкротом осуществляется в судебном порядке в соответствии с порядком, утвержденным Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», на основании чего выносится судебное решение, которое должно вступить в законную силу. На основании решения, принятого органом Госжилнадзора из реестра лицензий субъекта РФ исключаются сведения обо всех МКД, которыми управляет лицензиат (п. 5.4 ст. 198 ЖК РФ).

Соответственно, если судебное решение вступило в законную силу, лицензиат лишается лицензии, а в отношении него начинается процедура конкурсного производства на основании решения суда¹.

4. Следует учитывать, что в случае банкротства просто юридического лица и организаций в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства различаются правовые последствия в отношении первых и вторых. Во втором случае правовым последствием является исключение домов, которыми руководил лицензиат, из общего реестра органом ГЖН.

5. При том, что организация, осуществляющая жилищно-коммунальное хозяйство исключается из реестра, она может продолжить управление равно до тех пор, пока не будет выбрана новая организация для ведения жилищно-коммунального хозяйства путем открытого конкурса или собственниками не будет определен иной способ управления (ст. 200 ЖК РФ).

Ввиду заинтересованности государства в стабильном функционировании сферы жилищно-коммунального хозяйства, после исключения дома из реестра органом местного самоуправления в течении 15 дней созывается собрание собственников жилья МКД для решения вопроса дальнейшего руководства домом. Открытый конкурс на поиск новой организации объявляется в течении 3 дней в случае, если собственниками МКД не принято решение о выборе организации и должен быть проведен в течении одного месяца. В случае, если конкурс не состоялся, орган местного самоуправления выносит самостоятельное решение о назначении управляющей организации.

Информацию относительно проводимой процедуры банкротства в отношении той или иной организации можно отследить на официальных сайтах государственных органов власти (Федеральной налоговой службы, Федресурс, Картотеки арбитражных дел).

Арбитражный управляющий (конкурсный кредитор), назначенный при процедуре банкротства ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства, оспаривает сделки должника как совершен-

ные в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Данным правом активно пользуются арбитражные управляющие, проводящие процедуру банкротства. К примеру, в рамках решения Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 13.12.2022 г. по делу № А56–136997/2019 ООО «А&Е «УК «УЮТ» было признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство, в рамках которого был назначен конкурсный управляющий.

Конкурсный управляющий 14.09.2023 подал в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области заявление о признании недействительной сделок в виде банковских операций по перечислению денежных средств с расчетного счета должника ООО «А&Е «УК «Уют» в пользу Устиновой Татьяны Борисовны на общую сумму 502 232,05 руб.; применении последствий недействительности сделок, взыскании с Устиновой Татьяны Борисовны 502 232,05 руб. в конкурсную массу должника ООО «А&Е «УК «Уют»².

В другом примере, конкурсный управляющий по этому же делу 26.06.2023 подал в Арбитражный суд заявление о признании недействительной сделки по расторжению Договора управления № 03–17/ТСЖ (Н) от 21.11.2017 г. по соглашению сторон, оформленную Соглашением о расторжении Договора от 17.12.2019 г., применении последствий недействительности сделки: взыскании с ТСЖ «Май» денежных средств в размере 1 280 764,68 руб.

Ввиду того, что организации, находящиеся в процедуре рассмотрения вопроса о несостоятельности (банкротстве), пытаются совершить те или иные действия, чтобы сгладить уровень убытков, в Верховном суде РФ рассмотрели вопрос, как оспаривать сделки, кажущиеся подозрительными.

Подозрительные сделки, по мнению Верховного суда РФ, подлежат доказыванию со стороны кредиторов, которые должны выразить заинтересованность в обличении нанесения им вреда и доказывания сделки в качестве подозрительной. Как отмечает Верховный суд в коллегии по экономическим спорам, нельзя признать, что сделка подозрительная, если сам кредитор не доказывает обстоятельств, при которых ему причинен вред и не ведет оспаривание сделки со своей стороны³.

В определении сказано о том, что недопустимо оспаривание сделок одновременно и по основаниям Закона о банкротстве, и по основаниям ГК РФ. Возникают такие споры в делах о банкротстве повсеместно, подобных дел очень много, и порочная судебная практика о двойной квалификации сделок является также явлением частым. Поэтому

² С заявлением и прилагаемыми к нему документами можно ознакомиться в рамках дела № А56–136997/2019// <https://old.bankrot.fedresurs.ru/OrganizationCard.aspx?ID=5DF43AA620164C7B7B44528185F247AF&attempt=2> (Дата обращения: 06.10.2023)

³ <https://rg.ru/2023/03/07/verhovnyj-sud-obiasnil-kak-osparivat-podozritelnye-sdelki-bankrotov.html>

¹ Фролова О.Е., Сохранов С.С., Шепс Р.А. Защита прав потребителей жилищно-коммунальных услуг: как отстоять свое право на комфортное проживание в многоквартирном доме. М.: Редакция «Российской газеты», 2018. Вып. 11. 176 с.

Верховному суду приходится поправлять нижестоящие инстанции.

В Постановлении Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов»¹ определено, что ресурсоснабжающая организация (далее – РСО) – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, осуществляющие продажу коммунальных ресурсов (отведение сточных вод).

Что касается банкротства РСО, то выделенных норм касающихся банкротства подобных организаций нет, соответственно, они подпадают под действие Закона о банкротстве с некоторыми особенностями, прописанными для субъектов естественных монополий. Обратимся к некоторым из них.

Во-первых, РСО, как хозяйствующий субъект, находится в поле деятельности юридических лиц, осуществляющих производство (реализацию) товаров в условиях естественной монополии (услуги по передаче тепловой энергии, услуги по передаче электрической энергии, услуги по водоснабжению и водоотведению с использованием централизованных систем, систем коммунальной инфраструктуры)², к которому применяются правила о банкротстве субъектов естественных монополий.

Во-вторых, реестр субъектов естественных монополий ведется в нашей стране исключительно для обеспечения государственных интересов в сфере государственного управления, а потому РСО не всегда включаются в Реестр и приобретают статус субъекта естественной монополии. Соответственно, стоит необходимость внести ресурсоснабжающие организации в Реестр субъектов естественных монополий ФАС.

В-третьих, для введения процедуры банкротства в РСО необходимо наличие долга в более, чем один миллион рублей с просрочкой платежей по обязательствам более шесть месяцев. Здесь важно разграничить кто является инициатором процедуры банкротства: кредитор РСО или сам должник-ресурсоснабжающая организация.

В первом варианте долг должен быть подтвержден исполнительным документом и не полученный в полном объеме путем обращения взыскания на имущество должника (ст. 197 Закона о банкротстве).

Во втором варианте – при подаче на банкротство самим должником, проверяются обстоятельства, которые обязывают должника подать на свое

банкротство (ст. 9 Закона о банкротстве). Предварительное возбуждение исполнительного производства не требуется.

В-четвертых, деятельность РСО не может быть прекращена на этапе проведения процедуры конкурсного производства путем принятия решения собранием кредиторов о прекращении хозяйственной деятельности должника, как в общем случае, так как РСО взаимодействует с множеством потребителей коммунальных услуг. Данное положение закреплено в п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве.

В-пятых, для РСО в процессе банкротства предусмотрен особый порядок продажи имущества, оно выставляется на торги единым лотом. Причем, согласно ст. 201 Закона о банкротстве относительно продажи имущества должника – субъекта естественной монополии предусмотрено преимущественное право покупки для публичных образований в лице соответствующих уполномоченных органов. Участник торгов, покупающий имущество ресурсоснабжающей организации, должен принять на себя обязательства должника по договорам ресурсоснабжения.

В-шестых, в делах о банкротстве РСО особое внимание следует уделить личности арбитражного управляющего. На сегодняшний день закон не предъявляет к нему особых требований, но от управляющего, ведущего антикризисное управление РСО (как организации, имеющей особую социальную значимость), зависит исход дела о банкротстве в целом и судьба потребителей, в частности. Последние находятся в зависимом положении, так как не имеют возможности выбрать самостоятельно поставщика для удовлетворения своих потребностей в данных товарах.

Таким образом, ввиду специфичности процедуры банкротства РСО следовало бы рассмотреть возможность предъявления требований к управляющему, по аналогии с банкротством застройщиков на наличие соответствующего образования, опыта работы на руководящих должностях в данной сфере и т.д.

С формальной точки зрения правовое регулирование несостоятельности (банкротства) ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства, проводятся по общим правилам, закрепленным в законе о банкротстве. Однако, это несколько упрощенный взгляд на вопрос, ввиду того, что имеются определенные особенности применительно к организациям, осуществляющих хозяйственную деятельность в рамках системы жилищно-коммунального хозяйства, характеризующиеся тем, что процедура банкротства рассматриваемых субъектов становится объективной реальностью тогда, когда формализованное право не находит отклика в системе социальных взаимосвязей, в частности, касательно конкурсного управляющего, не всегда владеющего тонкостями, не имеющего опыта и соответствующего образования в этой сфере. Для каждого реги-

¹ Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 28.04.2022) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 22. – Ст. 3168

² Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 34. – Ст. 3426

она причины появления дебиторской задолженности у управляющих компаний имеют свои предпосылки, однако есть и ряд общих проблем, которые характерны для большей части УК, которые необходимо решать превентивными механизмами в регулировании данной сферы¹. Банкротство управляющей компании не сможет решить проблему, когда главной причиной данной процедуры стало несоответствие платы, собранной за коммунальные услуги, и объема ресурсов, поставленных в МКД. То есть суммы по счетам, выставленным управляющей компанией, и счетам от организации, занимающейся продажей коммунальных ресурсов, не совпадают.

Литература

1. Банкротство управляющей компании // URL: <https://www.law.ru/article/24795-bankrotstvo-upravlyayushchey-kompanii?ysclid=Injer20e3q653608310> (Дата обращения: 08.10.2023)
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Российская газета. – 2005. – № 1.
3. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 28.04.2022) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 22. – Ст. 3168
4. С заявлением и прилагаемыми к нему документами можно ознакомиться в рамках дела № А56–136997/2019// <https://old.bankrot.fedresurs.ru/OrganizationCard.aspx?ID=5D-F43AA620164C7B7B44528185F247AF&attempt=2> (Дата обращения: 06.10.2023)
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. – 2002. – № 209–210.
6. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 34. – Ст. 3426
7. Фролова О.Е., Сохранов С.С., Шепс Р.А. Защита прав потребителей жилищно-коммунальных услуг: как отстоять свое право на комфортное проживание в многоквартирном доме. М.: Редакция «Российской газеты», 2018. Вып. 11. 176 с.

¹ Банкротство управляющей компании // URL: <https://www.law.ru/article/24795-bankrotstvo-upravlyayushchey-kompanii?ysclid=Injer20e3q653608310> (Дата обращения: 08.10.2023)

8. Верховный суд объяснил, как оспаривать подозрительные сделки банкротов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2023/03/07/verhovnyj-sud-obiasnil-kak-osparivat-podozritelnye-sdelki-bankrotov.html> (Дата обращения 08.10.2023)

REGULATION OF THE BANKRUPTCY PROCEDURE OF RESOURCE-SUPPLYING ORGANIZATIONS OF THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES SYSTEM

Vasileva I.V.

Non-state educational private institution of higher education "Moscow financial and industrial university "Synergy"

The article addresses the issues of insolvency (bankruptcy) of resource-supplying organizations, service organizations and management organizations engaged in economic activities within the framework of the housing and communal services system. The stages of the bankruptcy procedure, peculiarities in their implementation in relation to organizations engaged in economic activities within the framework of the housing and communal services system, were analyzed. It was concluded that the bankruptcy of the subjects under consideration, despite the fact that the general bankruptcy procedure is applied, still has its own characteristics. The author dwells on the problems of bankruptcy of the RSO and makes proposals for improving the issues of legal regulation in the field under consideration.

Keywords: insolvency, bankruptcy, maintenance, housing and communal services, risk, creditor, debtor, arbitration, process.

References

1. Bankruptcy of the management company//URL: <https://www.law.ru/article/24795-bankrotstvo-upravlyayushchey-kompanii?ysclid=Injer20e3q653608310> (Date of appeal: 08.10.2023)
2. Housing Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 № 188-FZ (as amended from 04.08.2023) (as amended and added, entry due to the 01.09.2023) //Rossiyskaya Gazeta. – 2005. – № 1.
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.05.2011 № 354 (ed. 28.04.2022) "On the provision of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings" (together with the "Rules for the provision of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings") (as amended and additional, entry, effective from the 01.09.2022) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 22. – Art. 3168
4. The application and the documents attached to it can be found in case No. A56–136997/2019// <https://old.bankrot.fedresurs.ru/OrganizationCard.aspx?ID=5DF43AA620164C7B7B44528185F247AF&attempt=2> (Date of appeal: 06.10.2023)
5. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 № 127-FZ (latest edition)//Rossiyskaya Gazeta. – 2002. – № 209–210.
6. Federal Law of 17.08.1995 № 147-FZ (ed. From the 11.06.2021) "On Natural Monopolies" //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 34. – Art. 3426
7. Frolova O.E., S.S. Savranov, R.A. Sheps Protection of consumer rights of housing and communal services: how to defend your right to comfortable living in an apartment building. M.: Editorial office of Rossiyskaya Gazeta, 2018. No. 11. 176 p.
8. The Supreme Court explained how to challenge suspicious bankrupt transactions [Electronic Resource]. – Access Mode: URL: <https://rg.ru/2023/03/07/verhovnyj-sud-obiasnil-kak-osp-arivat-podozritelnye-sdelki-bankrotov.html> (Accessed Date 08.10.2023)

Примирительные процедуры в рамках арбитражного судопроизводства: ограничения практики правоприменения

Дашевский Павел Алексеевич,

аспирант кафедры частно-правовые науки, Академия труда и социальных отношений (АТиСО)
E-mail: pdashevskiy@gmail.com

В статье автор рассматривает интегрированные в судебную систему нашей страны, в том числе и при осуществлении арбитражного процесса, различные виды процедур, направленных на примирение сторон (к примеру, переговоры, посредничество (медиация), мировое соглашение, а также судебное примирение, возникшее как примирительная процедура, в связи с законодательными изменениями, вступившими в силу 25 октября 2019 г.). В заключении акцентируем внимание на том, что каждая из проанализированных примирительных процедур отличается определенной спецификой в проведении, результатах и т.д. Однако несмотря на положительные стороны рассматриваемого института, он не лишен ряда проблем в правоприменительной практике. Так, в качестве примеров можно привести наличие терминологических неточностей, связанных с соотношением понятий «мировое соглашение» и «примирительные процедуры», а также недостаточное внимание и обращение конфликтующих сторон к процедуре посредничества (медиации) в рамках урегулирования взаимных притязаний. Также автор статьи приходит к выводу, что на практике участники арбитражного процесса основным средством урегулирования споров выбирают заключение мирового соглашения, не смотря на наличие иных примирительных процедур.

Ключевые слова: процесс, процедуры, медиация, арбитраж, мировое соглашение, судебные органы, торговый оборот, законодательство.

В современных условиях торговый оборот зачастую обуславливает возникновение сложных правовых конфликтов, разрешение которых требует от судебных органов соответствующей квалификации судей, что влечет за собой увеличение сроков рассмотрения таких конфликтов. Подобная ситуация для участников торгового оборота является недопустимой, поскольку влечет за собой имущественные и неимущественные последствия, возникновение которых сказывается на коммерческой деятельности крайне негативно. В связи с этим, участники торгового оборота прибегают к примирительным процедурам в арбитражном процессе, т.е. альтернативным способам, которые экономят время и средства, сохраняют деловую репутацию и т.д.

Соответственно, как отмечает Ю.И. Балашов, «...одной из задач судопроизводства в арбитражных судах является содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота» [8, с. 154]. В этих целях законодательство предусматривает примирительные процедуры, которые, однако, не пользуются большой популярностью. В частности, в соответствии с данными, приведенными Центром медиации «Solis», в соответствии с картотеками арбитражных судов России, с января по июль 2023 года, количество арбитражных споров, урегулированных путем медиации на стадии судебного процесса, составило 11, из которых только 1 был связан с торговлей [22]. Так, 10 февраля 2023 г. Арбитражный суд Рязанской области утвердил мировое соглашение между ООО «ОКА Молоко» и ООО «Жемчужина», завершившее спор о взыскании задолженности за поставку молока на сумму 3,8 млн рублей. В мировом соглашении стороны утвердили, что ответчик передает истцу торговый павильон в собственность, а истец отказывается от исковых требований [22].

Небольшое количество примирительных процедур в рамках арбитражного процесса, полагаем, связано с недостаточной разработанностью основных аспектов применения рассматриваемого института как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Обращаясь к понятию примирительных процедур в современном российском законодательстве, следует заметить, что ч. 1 ст. 138, в составе гл. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – АПК РФ), обязанностью арбитражного суда считает принятие мер, цель которых заключается в примирении сторон, а также помощь в урегулировании спора [24,

с. 84]. Однако согласно ч. 2 анализируемой статьи, тяжущиеся стороны могут воспользоваться правом по урегулированию взаимных претензий, путем применения примирительных процедур. Полагаем, необходимо акцентировать внимание на отсутствии легального определения примирительной процедуры, в связи с чем указанное понятие широко обсуждается в отечественной правовой науке. Так, Е.В. Буянова определяет данный институт как «... правомерные способы урегулирования субъектами права возникших между ними споров на взаимоприемлемых условиях... с возможностью привлечения посредника» [10, с. 46]. Подобной точки зрения придерживаются и И.Э. Мартыненко [18, с. 132–133], О.С. Мрастьева и С.П. Казакова [21, с. 150], С.А. Семикина и А.Н. Юсупова [29, с. 59], О.А. Мачучина [19, с. 56], а также К.А. Огородничая [23, с. 260] и другие ученые.

Очевидно, что анализируемый институт (примирительные процедуры) в рамках арбитражного судопроизводства обладает определенными особенностями, которые довольно подробно характеризуют С.А. Семикина и А.Н. Юсупова. Например:

- договоренности, достигнутые в результате осуществления примирительных процедур, исполняются лучше, чем судебные решения;
- примирительные процедуры гораздо менее затратны в финансовом и временном смысле, чем судебное разбирательство;
- примирительные процедуры не предполагают наличия особой процессуальной формы, судебной атрибутики и т.д. [30, с. 221].

Далее, в рамках обозначенной темы статьи, более подробно рассмотрим основные виды анализируемого института. Так, первой и основной разновидностью примирительных процедур, представляя собой, по сути, отправную точку формирования остальных подобных процедур [4, с. 51], по мнению В.О. Аболониной, являются переговоры. В соответствии с действующим российским законодательством, к переговорам конфликтующие стороны вправе прибегнуть на любой стадии развития правового конфликта, и это, как отмечают С.А. Семикина и А.Н. Юсупова, важно еще и тем, что в процессе переговоров стороны формируют необходимую информацию, собственные требования и т.д., в связи с чем даже в случае неудачного переговорного процесса рассмотрение дела в судебном разбирательстве будет характеризоваться более короткими сроками, поскольку стороны уже ознакомлены с необходимой информацией и требованиями друг друга, примерно представляя, каким именно образом должен быть разрешен конфликт [30, с. 220]. Указанную особенность отмечает и Е.В. Ерохина [15, с. 165], полагающая, что стороны, осознавая наличие проблемы, решение которой необходимо, стараются найти компромисс посредством сотрудничества в процессе обсуждения указанной проблемы. Какое-либо третье лицо при этом сторонам не требуется. Помимо этого, указанная особенность выводится на первый план и В.О. Аболониным, справедливо утверждающим,

что в переговорах «...инициатива и полномочия по разрешению конфликта принадлежит только тяжущимся сторонам» [4, с. 51]. Соответственно, переговоры действительно представляют собой наиболее простую, быструю и эффективную примирительную процедуру, позволяющую сторонам самостоятельно определять содержание переговоров, конфиденциальность и т.д., что в условиях торгового оборота немаловажно.

В свою очередь, этапы переговоров, как отмечает, например, В.О. Аболонин, могут быть сведены к трем основным стадиям, в числе которых подготовка, непосредственное взаимодействие, а также реализация достигнутых договоренностей [4, с. 55]. Исходя из сущности и основных этапов переговоров, стоит заметить, что разрешение определенных категорий споров между сторонами с использованием цивилизованных переговоров является наиболее предпочтительным способом урегулирования взаимоприязаний. Во многом схожей точки зрения придерживается А.Д. Карпенко, обращающий внимание на крайне невысокое обладание российскими гражданами навыками ведения переговорного процесса, составляющее всего 5–7% и, соответственно, усиливающее возможность перерастания переговоров в более серьезный конфликт [27, с. 21].

Наиболее актуальной и в то же время проблемной примирительной процедурой в арбитражном процессе в последние годы является посредничество или медиация, представляющая собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, что легально закреплено ст. 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2].

Позитивные результаты участия третьих сторон, как альтернативного способа разрешения дела [20, с. 375], очевидны, что отмечается и в отечественной правовой науке. Так, А.Ю. Балашов в числе преимуществ медиации называет следующее:

- 1) добровольность, когда ключевой является воля одной из сторон;
- 2) совместное участие в выборе медиатора, в отличие от судебного разбирательства, когда судья определяется законом;
- 3) конфиденциальность, в отличие от судебного разбирательства, когда имеет место гласность и публичность;
- 4) ускоренная и неформальная процедура и т.д. [8, с. 155]

Подобной точки зрения, в целом, придерживается Е.Н. Мазовка [17, с. 210] и В.В. Амосова [5, с. 13]. При этом стоит заметить, что использование сторонами в арбитражном процессе процедуры медиации чаще всего имеет место в спорах, возникающих из договорных отношений [26, с. 124].

Полагаем верным, акцентировать внимание на соотношении посредничества с третейским разбирательством, которые исходя из ст. 2 Фе-

дерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [3], рассматриваются как процесс разрешения спора, с последующим принятием решения непосредственно третейским судом. Соответственно, возникает некоторая терминологическая неточность, о которой упоминает, например, И.В. Елисеев, утверждающий, что отождествление понятий «арбитраж» и «третейский суд» в указанном нормативно-правовом акте в значительной степени обостряет «...проблематику относительно смешения терминологии в российском законодательстве» [14, с. 106–107].

Характеризуя же непосредственно соотношение посредничества с третейским разбирательством, следует заметить, что правовые конфликты передаются в третейское разбирательство только в случае наличия предварительного письменного соглашения или арбитражной оговорки в договоре, в то время как применение процедуры медиации является гораздо более свободным и, к тому же, может осуществляться на любой стадии в рамках арбитражного судопроизводства. Однако явным преимуществом третейского разбирательства по сравнению с медиацией, по мнению С.В. Ротко, выступает следующее «...при рассмотрении дела в третейском суде стороны помимо добровольности и добросовестности противной стороны вправе рассчитывать и на возможность использования государственного властного принуждения к исполнению решения третейского суда при получении исполнительного листа в государственном суде» [28, с. 160]. Подобной точки зрения, в целом, придерживается И.А. Валькина [11, с. 121], а также Э.Р. Багирова [7, с. 103].

В целом же, медиацию и третейское разбирательство можно считать схожими процедурами. Однако имеются и существенные различия. Полагаем, третейское разбирательство на практике пользуется большей популярностью, поскольку во многом является сходным с классическим судопроизводством.

Помимо этого, говоря о третейском разбирательстве, очевидно, что долгое время деятельность третейских судов осложнялась наличием «карманных» третейских судов, созданных в интересах конкретных организаций и, соответственно, фактически управляемых указанными организациями. Формирование таких судов осуществлялось целенаправленно, поскольку указанными организациями преследовалась цель получения возможности оказывать влияние на принятие решения таким судом с тем, чтобы решение принималось в пользу конкретной организации. Вполне очевидно, что в подобных условиях не составляло особого труда оказать воздействие на слабую сторону, фактически склоняя ее к заключению невыгодных договоров, одним из условий которых являлась возможность передачи разрешения правового конфликта в «карманный» третейский суд. Однако последнее десятилетие характеризуется действиями законодателя, направленными на упрочение статуса третейских судов.

Непопулярность широкого применения медиации видится в следующем: во-первых, недостаточная информированность населения об указанной процедуре; во-вторых, высокая степень конфликтности неготовность вести диалог; в-третьих, высокая стоимость оказания данной услуги; в-четвертых, отсутствие профессиональных навыков ведения переговоров; в-пятых, изменение в законодательстве, сопряженное внедрением судебного примирения – еще одного вида примирительной процедуры.

Полагаем, несмотря на допущение процедуры медиации и регламентацию ее в специальных нормативных правовых актах, в российском арбитражном процессе заключение мирового соглашения является основным способом урегулирования споров. Так, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 139 АПК РФ, мировое соглашение (договор, в котором стороны, путем взаимных уступок, определяют свои права и обязанности в спорном материальном правоотношении) может быть заключено сторонами на любой стадии арбитражного процесса в рамках любого дела.

Также, мировое соглашение представляет собой результат, устраивающий стороны, утверждаемый арбитражным судом в указанной форме. Как отмечают О.С. Мрастьева и С.П. Казакова, это позволяет исполнить мировое соглашения. Также мировому соглашению всегда присущи двусторонность, обоюдность заключения, другие же примирительные процедуры могут завершиться путем одностороннего волеизъявления одного из участников спора» [21, с. 153].

Так, в одном из арбитражных процессов в апелляционной жалобе истец, указав на неправомерное отклонение судом ходатайства ответчика об отложении судебного заседания для разрешения вопроса о заключении сторонами мирового соглашения, просил решение суда отменить и принять по делу новый судебный акт – об отказе в удовлетворении иска. Суд, рассмотрев материалы дела, установил, что ссылка ответчика на необоснованное отклонение судом первой инстанции возражений против перехода из предварительного в судебное заседание отклоняется, поскольку не свидетельствует о реальном нарушении прав ответчика на защиту и принятии неправильного решения суда, по существу. Таким образом, мировое соглашение заключается при инициативе сторон и на взаимоприемлемых условиях, и суд не вправе понудить одну из сторон к обратному, в связи с чем апелляционная жалоба не была удовлетворена [25].

Следует отметить, что с 25 октября 2019 г. вступили в силу важные изменения, касающиеся процессуального законодательства, в том числе, и арбитражного. Появившиеся нормы расширяют список примирительных процедур, регулируют порядок и сроки их проведения, и другие новеллы.

Так, ст. 138.2 АПК РФ к виду примирительных процедур относит еще и судебное примирение, а также и другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному законодательству [16, с. 532].

Несмотря на положительные стороны рассматриваемого института (примирительные процедуры), он не лишен ряда проблем, с которыми сталкиваемся при анализе правоприменительной практики.

Так, говоря о проблемах применения примирительных процедур в арбитражном процессе, прежде всего, следует отметить терминологические неточности, связанные с соотношением понятий «мировое соглашение» и «примирительные процедуры». В настоящее время законодатель, относя мировое соглашение к числу примирительных процедур, в то же время фактически противопоставляет его им, никак не раскрывая при этом ни понятия мирового соглашения, ни, что немаловажно, понятия и содержания примирительных процедур.

Представляется целесообразным закрепить в действующем арбитражном процессуальном законодательстве указанные понятия. Так, под примирительными процедурами, полагаем, следует понимать правомерные способы, которые направлены на улаживание конфликта и примирение сторон, с возможностью привлечения нейтральных третьих лиц (посредника). В свою очередь, под мировым соглашением, предлагаем понимать договоренность между сторонами судебного спора, которая предусматривает разрешение спора путем согласования и заключения соглашения, вместо рассмотрения дела в суде.

Однако проблематика примирительных процедур в рамках арбитражного судопроизводства сопряжена не только с терминологическими неточностями, но и с другими обстоятельствами. В частности, одной из проблем является достаточно редкое обращение конфликтующих сторон к процедуре медиации. Указанная проблема, как отмечает Ю.О. Горбунова, обусловлена следующими моментами:

- 1) низкая правовая культура населения, в связи с чем судебное разбирательство считается более эффективным способом разрешения конфликта;
- 2) отсутствие у конфликтующих сторон информации о возможности применения медиативной процедуры;
- 3) отсутствие у медиативного соглашения больших преимуществ по сравнению с заключаемым в судебном порядке мировым соглашением;
- 4) ограниченность категорий дел, которые могут быть завершены посредством заключения медиативного соглашения [12, с. 104–105].

Подобной точки зрения придерживается и С.В. Багаев, который, отмечая недостаточную распространенность примирительных процедур в арбитражном процессе, называет следующие ее причины:

- недостаточная информационная поддержка сторон правового конфликта со стороны судебных органов, которые зачастую не разъясняют особенности применения примирительных процедур. Подобное мнение разделяют и другие ученые [9, с. 483];
- недопонимание в обществе роли медиатора, а также возникновение вопросов, связанных с оплатой его услуг, и т.д. [6, с. 261–262].

Достаточно детально, на наш взгляд, характеризует факторы, обуславливающие проблемы применения примирительных процедур на практике и Ю.В. Гущева, подразделяющая их на следующие категории:

- 1) социально-экономические факторы (сложная экономическая ситуация, социальная напряженность, социальное расслоение общества, недостаточность восходящей социальной мобильности и т.д.);
- 2) политические факторы (нарушение принципов демократии, императивность правового регулирования, отсутствие идеологии, необходимой для формирования истинно правового государства, и т.д.);
- 3) правовые факторы (чрезмерная доступность правосудия, организационно-информационные факторы (недостаточная информационная поддержка, неосведомленность граждан о примирительных процедурах и т.д.);
- 4) культурно-ценностные факторы (особенности менталитета, отсутствие культуры компромиссов, противостояние субкультур и т.д.) [13, с. 10–11].

Некоторые исследователи, говоря о проблемах медиации, упоминают отсутствие гарантированности результата медиации в виде поддержки со стороны государственных органов в смысле исполнения. Соответственно, существует потребность законодательным образом закреплённого особого статуса медиативного соглашения как юридического факта, влекущего за собой юридические последствия, без дальнейшего утверждения его в качестве мирового соглашения судом. Такой подход отвечает природе анализируемого института, не формализуя его.

Стоит заметить, что определенные проблемы применения рассматриваемого института (примирительные процедуры) связаны также с неопределенностью правового статуса медиативного соглашения. Однако, полагаем, конкретизация правового статуса медиативного соглашения представляется целесообразной, в связи с чем следует придать данному соглашению статус юридического факта, порождающего юридические последствия, или, иными словами, статус судебного решения. Указанное нововведение особенно важно и потому, что в большинстве случаев медиативное соглашение нельзя охватить правовой моделью мирового соглашения, так как соглашение с участием посредника выходит за рамки предмета и основания иска, порой, и за рамки подведомственности спора.

Полагаем верным обратить внимание и на наличие возникающей и обсуждаемой в последнее время, особенно в научной среде, проблемы придания примирительным процедурам статуса обязательных перед обращением в судебные органы с целью примирения сторон, в том числе и в рамках арбитражного процесса. Однако, это нарушит основной принцип указанных процедур – добровольность.

Таким образом, наиболее распространенными примирительными процедурами в арбитражном

процессе в настоящее время являются переговоры, посредничество, а также мировое соглашение. Каждая из указанных примирительных процедур отличается определенной спецификой в проведении, результатах и т.д., однако все они позволяют сторонам с наименьшими временными, материальными и репутационными затратами разрешить правовой конфликт. При этом особняком стоит мировое соглашение, которое предполагает участие судебного органа, а также является не только самостоятельной примирительной процедурой, но и результатом, оформлением соглашений, достигнутых сторонами в ходе других процедур.

Развитие примирительных процедур является одним из важных направлений совершенствования альтернативных методов разрешения споров. Именно их прочное внедрение и развитие по некоторым категориям дел позволит разгрузить судебную систему, сопряженное повышением качества правосудия.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
3. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2.
4. Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. – Москва: Инфотропик Медиа, 2014. – 408 с.
5. Амосова В.В. Медиация как вид примирительных процедур в арбитражном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 12–3. – С. 13–16.
6. Багаев С.В. Некоторые проблемы применения медиации в России // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2015. – № 27. – С. 254–262.
7. Багирова Э.Р. Сравнительная характеристика примирительных процедур в административном и арбитражном процессе // Научный журнал «Эпомен». – 2022. – № 68. – С. 102–108.
8. Балашов Ю.И. Актуальные вопросы института примирения в арбитражном судопроизводстве на современном этапе судебной реформы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 10–1. – С. 154–157.
9. Богданов Н.Е., Сафронов А.С. Процедура медиации в арбитражном процессе: проблемы и пути их решения // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 482–490.
10. Буянова Е.В. Медиация и мировое соглашение в гражданском и арбитражном процессе: проблемы соотношения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2017. – № 1 (31). – С. 46–53.
11. Вальнкина И.А. К вопросу о соотношении медиации с иными альтернативными формами разрешения споров // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2011. – № 4 (29). – С. 118–121.
12. Горбунова Ю.О. Медиация в арбитражном процессе – побеждаем без войны // Инновационная экономика и право. – 2017. – № 3 (8). – С. 103–107.
13. Гуцева Ю.В. Примирительная процедура в праве (доктрина, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2013. – 37 с.
14. Елисеев И.В. Соотношение процедуры медиации и третейского разбирательства // Юридическая мысль. – 2016. – № 5 (97). – С. 106–110.
15. Ерохина Е.В. Переговоры как один из способов альтернативного разрешения гражданско-правовых споров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2014. – № 4 (25). – С. 165–170.
16. Зарипов Ш.Р. Примирительные процедуры в арбитражном процессе Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 531–537.
17. Мазовка Е.Н. Преимущества медиации в арбитражном процессе // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2015. – № 1. – С. 208–211.
18. Мартыненко И.Э. Опыт Республики Беларусь по урегулированию хозяйственных споров в порядке посредничества // Современное право. – 2009. – № 6. – С. 132–135.
19. Мачучина О.А. Основные составляющие примирительных процедур // Наука. Общество. Государство. – 2017. – № 3 (19). – С. 53–57.
20. Митусова К.Г. Медиация как альтернативный способ разрешения дел в российском арбитражном процессе // Молодой ученый. – 2023. – № 19 (466). – С. 375–377.
21. Мрастьева О.С., Казакова С.П. Примирительные процедуры в арбитражном процессе // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 24–2. – С. 149–154.
22. Обзор арбитражных споров, урегулированных путем медиации на стадии судебного процесса с января по июль 2023 года // URL: <https://www.solismediation.ru/tpost/u1528luby1-obzor-arbitrazhnyh-sporov-uregulirovanni> (дата обращения: 20.10.2023).
23. Огородничая К.А. Мировое соглашение в арбитражном процессе // Научные исследования и разработки молодых ученых. – 2016. – № 10. – С. 260–265.

24. Падин А.Э. Примириательные процедуры в арбитражном процессе: проблемы реализации // *Юридическая наука*. – 2021. – № 3. – С. 84–87.
25. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2017 г. по делу № А56–38929/2017. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/YFpCDmY6B1UQ/> (дата обращения: 20.10.2023).
26. Приженникова А.Н. Альтернативные способы разрешения споров: зарубежный и российский опыт // *Символ науки*. – 2015. – № 9–2. – С. 122–126.
27. Примириательные процедуры в суде: коллективная монография / Под ред. А.Д. Карпенко. – Санкт-Петербург: ООО «Аргус», 2014. – 127 с.
28. Ротко С.В. Проблемы развития третейского и медиативного рассмотрения споров как альтернативных способов правосудия // *Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию*. – 2015. – № 5. – С. 158–162.
29. Семикина С.А., Юсупова А.Н. Применение примириательных процедур в арбитражном процессе России // *Право. Законодательство. Личность*. – 2016. – № 1 (22). – С. 59–63.
30. Семикина С.А., Юсупова А.Н. Примириательные процедуры в контексте сравнительного анализа процессуального законодательства России и других государств // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2016. – № 3. – С. 216–222.
3. On Arbitration (Arbitration proceedings) in the Russian Federation: Federal Law No. 382-FZ of 29.12.2015 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2016. – No. 1 (part I). – Article 2.
4. Abolonin V.O. Judicial mediation: theory, practice, prospects. – Moscow: Infotropik Media, 2014. – 408 p
5. Amosova V.V. Mediation as a type of conciliation procedures in the arbitration process // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2020. – No. 12–3. – pp. 13–16.
6. Bagaev S.V. Some problems of mediation application in Russia // *Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition*. – 2015. – No. 27. – pp. 254–262.
7. Bagirova E.R. Comparative characteristics of conciliation procedures in administrative and arbitration proceedings // *Scientific journal "Epomen"*. – 2022. – No. 68. – pp. 102–108.
8. Balashov Yu.I. Actual issues of the Institute of reconciliation in arbitration proceedings at the present stage of judicial reform // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. – 2016. – No. 10–1. – pp. 154–157.
9. Bogdanov N.E., Safronov A.S. Mediation procedure in the arbitration process: problems and solutions // *Issues of Russian justice*. – 2021. – No. 16. – pp. 482–490.
10. Buyanova E.V. Mediation and settlement agreement in civil and arbitration proceedings: problems of correlation // *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. – 2017. – № 1 (31). – Pp. 46–53.
11. Valinkina I.A. On the question of the correlation of mediation with other alternative forms of dispute resolution // *Bulletin of Omsk University. Series: Law*. – 2011. – № 4 (29). – Pp. 118–121.
12. Gorbunova Yu.O. Mediation in the arbitration process – we win without war // *Innovative Economics and Law*. – 2017. – № 3 (8). – Pp. 103–107.
13. Gushcheva Yu.V. Conciliation procedure in law (doctrine, practice, technique): autoref. dis. ... cand. jurid. sciences'. – Nizhny Novgorod, 2013. – 37 p.
14. Eliseev I.V. Correlation of mediation procedure and arbitration proceedings // *Legal thought*. – 2016. – № 5 (97). – Pp. 106–110.
15. Erokhina E.V. Negotiations as one of the ways of alternative resolution of civil law disputes // *Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*. – 2014. – № 4 (25). – Pp. 165–170.
16. Zarirov Sh.R. Conciliation procedures in the arbitration process of the Russian Federation // *Issues of Russian justice*. – 2020. – No.6. – pp. 531–537.
17. Mazovka E.N. Advantages of mediation in the arbitration process // *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice*. – 2015. – No. 1. – pp. 208–211.
18. Martynenko I.E. Experience of the Republic of Belarus on settlement of economic disputes by mediation // *Modern law*. – 2009. – No. 6. – pp. 132–135.
19. Machuchina O.A. The main components of conciliation procedures // *Nauka. Society. State*. – 2017. – № 3 (19). – Pp. 53–57.
20. Mitusova K.G. Mediation as an alternative way of resolving cases in the Russian arbitration process // *Young Scientist*. – 2023. – № 19 (466). – Pp. 375–377.
21. Mrastyeva O.S., Kazakova S.P. Conciliation procedures in the arbitration process // *Priority scientific directions: from theory to practice*. – 2016. – No. 24–2. – pp. 149–154.
22. Review of arbitration disputes settled through mediation at the trial stage from January to July 2023 // URL: <https://www.solismediation.ru/tpost/u1528luby1-obzor-arbitrazhnih-sporov-uregulirovanni> (date of appeal: 10/20/2023).
23. Ogorodnichaya K.A. Settlement agreement in the arbitration process // *Scientific research and development of young scientists*. – 2016. – No. 10. – pp. 260–265
24. Padin A.E. Conciliation procedures in the arbitration process: problems of implementation // *Legal science*. – 2021. – No. 3. – pp. 84–87.
25. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 07.12.2017 in case no. А56–38929/2017. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/YFpCDmY6B1UQ/> (accessed: 10/20/2023).
26. Prizhennikova A.N. Alternative ways of dispute resolution: foreign and Russian experience // *Symbol of Science*. – 2015. – No. 9–2. – pp. 122–126.

CONCILIATION PROCEDURES IN THE FRAMEWORK OF ARBITRATION PROCEEDINGS: LIMITATIONS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Dashevskii P.A.

Academy of Labor and Social Relations (ATiSO)

In the article, the author examines various types of procedures integrated into the judicial system of our country, including during the arbitration process, aimed at reconciling the parties (for example, negotiations, mediation, settlement agreement, as well as judicial reconciliation, which arose as a conciliation procedure, in connection with legislative changes that entered into force effective October 25, 2019). In conclusion, we emphasize that each of the analyzed conciliation procedures differs in certain specifics in conducting, results, etc. However, despite the positive aspects of the institution under consideration, it is not without a number of problems in law enforcement practice. So, as examples, we can cite the presence of terminological inaccuracies related to the relationship between the concepts of "settlement agreement" and "conciliation procedures", as well as insufficient attention and appeal of the conflicting parties to the mediation procedure (mediation) in the framework of the settlement of mutual claims. Also, the author of the article comes to the conclusion that in practice, participants in the arbitration process choose the conclusion of a settlement agreement as the main means of dispute settlement, despite the presence of other conciliation procedures.

Keywords: process, procedures, mediation, arbitration, settlement agreement, judicial authorities, trade turnover, legislation.

Reference

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 24.07.2002 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2002. – No. 30. – Article 3012.
2. On an alternative dispute settlement Procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure): Federal Law No. 193-FZ of 27.07.2010 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2010. – No. 31. – Article 4162.

3. On Arbitration (Arbitration proceedings) in the Russian Federation: Federal Law No. 382-FZ of 29.12.2015 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2016. – No. 1 (part I). – Article 2.
4. Abolonin V.O. Judicial mediation: theory, practice, prospects. – Moscow: Infotropik Media, 2014. – 408 p
5. Amosova V.V. Mediation as a type of conciliation procedures in the arbitration process // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2020. – No. 12–3. – pp. 13–16.
6. Bagaev S.V. Some problems of mediation application in Russia // *Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition*. – 2015. – No. 27. – pp. 254–262.
7. Bagirova E.R. Comparative characteristics of conciliation procedures in administrative and arbitration proceedings // *Scientific journal "Epomen"*. – 2022. – No. 68. – pp. 102–108.
8. Balashov Yu.I. Actual issues of the Institute of reconciliation in arbitration proceedings at the present stage of judicial reform // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. – 2016. – No. 10–1. – pp. 154–157.
9. Bogdanov N.E., Safronov A.S. Mediation procedure in the arbitration process: problems and solutions // *Issues of Russian justice*. – 2021. – No. 16. – pp. 482–490.
10. Buyanova E.V. Mediation and settlement agreement in civil and arbitration proceedings: problems of correlation // *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. – 2017. – № 1 (31). – Pp. 46–53.
11. Valinkina I.A. On the question of the correlation of mediation with other alternative forms of dispute resolution // *Bulletin of Omsk University. Series: Law*. – 2011. – № 4 (29). – Pp. 118–121.
12. Gorbunova Yu.O. Mediation in the arbitration process – we win without war // *Innovative Economics and Law*. – 2017. – № 3 (8). – Pp. 103–107.
13. Gushcheva Yu.V. Conciliation procedure in law (doctrine, practice, technique): autoref. dis. ... cand. jurid. sciences'. – Nizhny Novgorod, 2013. – 37 p.
14. Eliseev I.V. Correlation of mediation procedure and arbitration proceedings // *Legal thought*. – 2016. – № 5 (97). – Pp. 106–110.
15. Erokhina E.V. Negotiations as one of the ways of alternative resolution of civil law disputes // *Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*. – 2014. – № 4 (25). – Pp. 165–170.
16. Zarirov Sh.R. Conciliation procedures in the arbitration process of the Russian Federation // *Issues of Russian justice*. – 2020. – No.6. – pp. 531–537.
17. Mazovka E.N. Advantages of mediation in the arbitration process // *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice*. – 2015. – No. 1. – pp. 208–211.
18. Martynenko I.E. Experience of the Republic of Belarus on settlement of economic disputes by mediation // *Modern law*. – 2009. – No. 6. – pp. 132–135.
19. Machuchina O.A. The main components of conciliation procedures // *Nauka. Society. State*. – 2017. – № 3 (19). – Pp. 53–57.
20. Mitusova K.G. Mediation as an alternative way of resolving cases in the Russian arbitration process // *Young Scientist*. – 2023. – № 19 (466). – Pp. 375–377.
21. Mrastyeva O.S., Kazakova S.P. Conciliation procedures in the arbitration process // *Priority scientific directions: from theory to practice*. – 2016. – No. 24–2. – pp. 149–154.
22. Review of arbitration disputes settled through mediation at the trial stage from January to July 2023 // URL: <https://www.solismediation.ru/tpost/u1528luby1-obzor-arbitrazhnih-sporov-uregulirovanni> (date of appeal: 10/20/2023).
23. Ogorodnichaya K.A. Settlement agreement in the arbitration process // *Scientific research and development of young scientists*. – 2016. – No. 10. – pp. 260–265
24. Padin A.E. Conciliation procedures in the arbitration process: problems of implementation // *Legal science*. – 2021. – No. 3. – pp. 84–87.
25. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 07.12.2017 in case no. А56–38929/2017. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/YFpCDmY6B1UQ/> (accessed: 10/20/2023).
26. Prizhennikova A.N. Alternative ways of dispute resolution: foreign and Russian experience // *Symbol of Science*. – 2015. – No. 9–2. – pp. 122–126.

27. Conciliation procedures in court: a collective monograph / Edited by A.D. Karpenko. – St. Petersburg: LLC “Argus”, 2014. – 127 p.
28. Rothko S.V. Problems of development of arbitration and mediation consideration of disputes as alternative ways to justice // Intellectual resources – regional development. – 2015. – No. 5. – pp. 158–162.
29. Semikina S.A., Yusupova A.N. Application of conciliation procedures in the arbitration process of Russia // Pravo. Legislation. Personality. – 2016. – № 1 (22). – Pp. 59–63.
30. Semikina S.A., Yusupova A.N. Conciliation procedures in the context of comparative analysis of procedural legislation of Russia and other states // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2016. – No. 3. – pp. 216–222.

Дерягин Илья Витальевич,

магистр, ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»; аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: ilya266@yandex.ru

Цифровизация общественных отношений, системы публичного управления, а также межгосударственного взаимодействия является вызовом современности для законодательных структур и реальностью нынешнего дня. Цифровые технологии широко внедряются не только в социально-экономических отношениях, но и также применимы в организации государственного и муниципального управления, что обусловлено их большей эффективностью по сравнению с замещаемыми технологиями организации и реализации условий уже сложившихся правоотношений. Содержание статьи при этом ориентировано на анализ современного состояния правового регулирования цифровых технологий в Российской Федерации, а также посвящено исследованию того, какие сегодня формируются тенденции в данном направлении. При исследовании вопроса о регулировании цифрового рубля, криптовалюты и цифровых финансовых активов автор приходит к выводу о их тройственной природе правового регулирования по сути одной цифровой технологии, что очевидно порождает вопросы, связанные с возможностью применения отдельных правовых положений одного цифрового продукта к другому. Также в работе отмечены открытые вопросы, связанные с применением иных цифровых технологий на базе блокчейн, в частности, такой технологии смарт-контрактов. Среди наиболее актуальных вопросов выделены проблемы распределения юридической ответственности составителя и исполнителя смарт-контракта, а также актуализированы возможности изменения условий подобного соглашения. На основании точечного анализа правовых основ и тенденций правового регулирования цифровых технологий в Российской Федерации на примере конкретных цифровых продуктов, автор приходит к выводу, что можно технический и технологический прогресс преуспевает по отношению к законодательному регулированию отношений, в рамках которых такие технологии используются. Законодательная деятельность в данном направлении форсирована и по большому счёту базируется на аналогии с традиционными формами гражданских, финансовых и административных правоотношений, что обуславливает возникновение правовых пробелов и коллизий.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровые продукты, цифровизация, блокчейн, цифровые финансовые активы, криптовалюта, цифровой рубль, смарт-контракт.

Цифровизация общественных отношений, системы публичного управления и даже межгосударственного взаимодействия – всё это не концепции будущего развития современных государств и их обществ, а реальность нынешнего дня. Цифровые технологии широко внедряются не только в социально-экономических отношениях, но и также применимы в организации государственного и муниципального управления, что обусловлено их большей эффективностью по сравнению с замещаемыми технологиями организации и реализации условий уже сложившихся правоотношений.

Более того, цифровизация, в частности развитие и интеграция цифровых технологий в гражданский и публичный оборот, выходят на уровень государственной политики Российской Федерации. Так, в векторе развития цифровой экономики принято и действует Постановление Правительства Российской Федерации от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [4]. В свою очередь в части цифровизации государственного управления действует Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [5]. Здесь же следует отметить и Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», который является актом общего характера, определяющим вызовы цифровой трансформации российского общества, а также внедрения новых цифровых технологий в государственное и муниципальное управление [3].

Все отмеченные акты, с одной стороны, не регулируют прямым образом те или иные цифровые технологии, однако, определяют векторы современной государственной политики в части необходимости разработки цифровых технологий, их внедрения и, в частности, эффективного регулирования правоотношений с использованием цифровых разработок.

Определившись с актуальностью исследования, необходимо разобраться, что понимается под цифровыми технологиями? К сожалению, в действующем российском законодательстве отсутствует единый федеральный закон или подзаконный нормативно-правовой акт, который бы определил сущность исследуемой категории однозначно, однако, представляется возможным обращение к различным нормативным правовым актам, в которых раскрывается понятие цифровых технологий.

К примеру, из п. 29 Приказа Минкомсвязи России «Об утверждении Разъяснений (методических

рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» следует сразу три интерпретации содержательного наполнения цифровых технологий. Во-первых, цифровые технологии могут рассматриваться в качестве постепенно внедряемых технологий, среди которых цифровые платформы, мобильные платежи, ресурсы цифрового образования, умные помощники и иные решения.

Во-вторых, цифровые технологии используются и в части таких прорывных достижений, среди которых интернет-вещей, беспроводная связь, искусственный интеллект, самообучаемые программы и базы данных и др. В-третьих, цифровые технологии можно рассматривать как технологии ближайшего будущего, к которым относятся цифровые активы и криптовалюта, блокчейн-технологии, директивная аналитика и др. [6].

Из данного акта, однако, не следует что же необходимо понимать под цифровыми технологиями? При исследовании иной нормативной базы можно столкнуться с тем, что категория «цифровые технологии» широко применяется, но не объясняется ни с технической, ни с правовой точки зрения. Единственное нормативное определение можно проследить лишь в государственном стандарте «33.505», изданном в 2003 году, где указано, что под цифровыми технологиями следует понимать: «технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой» [7].

Интересно и то, что сущность исследуемого термина крайне редко определяется даже в доктрине гражданского, административного, информационного и иных отраслей российского права, при этом большинство учёных объясняет это тем, что цифровые технологии как категория имеют технологическое толкование [10, с. 54]. Так, кандидат юридических наук и доцент И.В. Куртяк рассматривает цифровые технологии через призму таких информационно-коммуникационных технологических решений, которые позволяют передавать информацию в закодированном виде [12, с. 241]. В то же время другие учёные, в частности кандидат юридических наук и профессор А.А. Карцхия характеризует цифровые технологии посредством перечисления таких конкретных технологий, среди которых: Интернет; нейротехнологии; технологии цифрового сервиса; BigData; сервисы облачного вычисления; роботехнические комплексы; искусственный интеллект; социальные сети и IT-платформы услуг и сервисов; сервисы автоматической идентификации [11, с. 26].

Очевидно, что А.А. Карцхия перечислила в своём исследовании далеко не все цифровые технологии современности, поскольку данная сфера является динамично развивающейся, однако, мнение учёного крайне важно для вывода по вопросу о том, что же необходимо понимать под цифровыми технологиями. Так, цифровые технологии – это

всякие цифровые решения, платформы, сервисы, сети коммуникации и иные ресурсы, использующие за основу работы принцип кодирования и декодирования информации в цифровом (аналоговом) виде.

Однако нас в большей мере интересует не наиболее точное определение термина как такового и его сущностное наполнение, сколько то, каково современное состояние правового регулирования цифровых технологий в Российской Федерации, а также какие формируются тенденции в данном направлении.

Так, на сегодняшний день наиболее актуальный вопрос касается правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровых прав. По действующему законодательству цифровые финансовые активы есть не что иное как гражданское право субъекта требовать от другого лица (как правило держателя цифрового финансового актива) совершать от имени собственника гражданско-правовые действия, среди которых продажа, обмен, покупка, дарение и т.д.

Цифровые финансовые активы с точки зрения технического устройства достаточно схожи с криптовалютами. Это также цифровой токен, созданный и функционирующий на технологии блокчейн, однако, их правовые статусы отличаются. Цифровые финансовые активы охраняются государством по той причине, по которой не все токены созданные на основе технологии блокчейн могут быть признаны таковыми, а лишь те, которые издаются и регулируются конкретным эмитентом, который несет обязательства перед инвесторами или иными цифровыми правообладателями [1]. Говоря иными словами, цифровые финансовые активы – это легализованная форма криптовалюты, регулируемая российским законодательством.

При этом внедряемый в гражданский и публичный финансовый оборот цифровой рубль, который и как криптовалюта, и как административно подконтрольные цифровые финансовые активы представляет собой цифровой токен, созданный на основе технологии блокчейн, не подпадает под правовое регулирование ни одной из озвученной категории, выступая формой национальной валюты наряду с наличными и электронными безналичными средствами. Такая тройственная природа правового регулирования одной цифровой технологии очевидно порождает вопросы, связанные с возможностью применения отдельных правовых положений одного цифрового продукта к другому.

Имеются и открытые вопросы, связанные с применением иных цифровых технологий на базе блокчейн, в частности, такой технологии смарт-контрактов (цифровизированное соглашение, по которым транзакции или иные действия совершаются в автоматизированном режиме при наступлении конкретного события, запрограммированного сетью). Крайне важно по данному вопросу дополнение нормы ст. 309 ГК РФ новым абз. 2, в содержании которого было отмечено: «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее

сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки» [2].

Говоря иными словами, новая норма позволила закрепить новый способ обеспечения исполнения юридических обязательств по гражданско-правовому договору с применением информационных технологий. Какие же по итогу изменения повлекли за собой данные законодательные новеллы? Если говорить кратко – то данные законодательные нормы теперь легализуют применением умных договоров в гражданском правовом договоре.

Если рассматривать вопрос более обширно, то в соответствии с новым гражданским законодательством Российской Федерации при использовании умных договоров стороны могут определять индивидуальные условия соглашения, которые программа, обеспечивающая исполнение смарт-контакта, самостоятельно устанавливает, исполнены ли они в сроки и в полном объеме или же имеются какие-либо нарушения [9, с. 38].

Наиболее актуальный вопрос относительно правового регулирования применения смарт-контрактов, как продукта цифровой технологии – каким образом урегулировать процесс изменения условий смарт-контракта? Учитывая специфичную техническую особенность невозможности переписать данные по смарт-контракту, обусловленную технологией блокчейн, по законодательству Российской Федерации допускается вносить изменение посредством составления нового смарт-договора, который будет исполняться либо вместо, либо совместно с изначальным соглашением.

Однако встает вопрос о том, могут ли, к примеру, стороны смарт-контракта восстановить на естественный язык условия договора, используя программный код смарт-контракта? Данный вопрос не урегулирован правовыми основами Российской Федерации, однако, отражен в законодательстве Сингапура, где такая возможность перевода условий договора используется в случае несогласия какой-либо из сторон в отношении любого термина или положения смарт-контракта, закрепленного в тексте традиционного договора, привести к спору о способе фактической реализации обязательства в смарт-контракте [8].

По нашему мнению, всё же, более безопасным с правовой точки зрения является заключение либо дополнительного соглашения, либо нового смарт-контракта в случае возникновения необходимости к изменению первоначальных условий. Для этого стороны должны указать ссылку на актуальный автоматизированный договор, исполняющийся по технологии блокчейн. В иных случаях предусмотреть на законодательном уровне, что сторонами допускается изначальное программирование контракта с описанием условий, при наступлении которых допустимо внесение коррек-

ровок или вовсе прекращение исполнения обязательств сторонами.

Не менее актуальная проблема в отношении правового регулирования смарт-контрактов и смежных цифровых продуктов – это кто будет нести юридическую ответственность при составлении подобных «умных договоров»? Не следует идеализировать смарт-контракты, да и блокчейн-продукты в целом, и необходимо понимать, что в них также допустимы ошибки, которые могут повлечь за собой совершение несанкционированных юридических действий или же наоборот стать следствием задержки в исполнении такого контракта.

Стороны смарт-контракта не могут принять на себя все риски, связанные с составлением и действием смарт-контракта, поскольку это не подходит для сложных коммерческих договоров. С другой стороны, участники контракта могут предусмотреть распределение рисков и порядок возмещения ущерба в связи с соответствующими ошибками. Отсутствие ошибок в смарт-контракте при этом недопустимо с технической точки зрения.

По нашему мнению, для урегулирования данного вопроса целесообразно осуществлять страхование рисков субъектов, использующих в гражданском обороте смарт-контракты. В связи с этим страховые компании могут создавать продукты защиты сторон от риска того, что смарт-код контракта не выполняет функции, указанные в тексте соглашения.

Подводя итоги исследования, на основании точечного анализа правовых основ и тенденций правового регулирования цифровых технологий в Российской Федерации на примере конкретных цифровых продуктов, можно прийти к выводу, что технический и технологический прогресс преуспевает по отношению к законодательному регулированию отношений, в рамках которых такие технологии используются. Законодательная деятельность в данном направлении форсирована и по большому счёту базируется на аналогии с традиционными формами гражданских, финансовых и административных правоотношений, что обуславливает возникновение правовых пробелов и коллизий.

Однако эффективное правовое регулирование возникающих и интегрируемых цифровых технологий – это однозначная необходимость и вызов российскому законодателю, который к тому же должен учитывать законотворческий и правоприменительный опыт международного сообщества, в котором иностранные государства экспериментальным образом пытаются урегулировать цифровые правоотношения с учётом всех технологических, публично-правовых и иных особенностей.

Литература

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.01.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

- сийской Федерации» // Российская газета. – 06.08.2020. – № 173.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 20.03.2019. – № 12.
 3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.05.2017. – № 20.
 4. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 13.05.2022) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.03.2019. – № 11.
 5. Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399192/ (дата обращения: 10.10.2023).
 6. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71895754/> (дата обращения: 11.10.2023).
 7. Постановление Госстандарта России от 29.07.2003 № 255-ст «ГОСТ Р 33.505–2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием» // Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2020.
 8. Electronic Transactions Act 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imda.gov.sg/regulations-and-licensing-listing/electronic-transactions-act-and-regulations> (дата обращения: 12.10.2023).
 9. Белов, В.А. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения / В.А. Белов // Право и экономика. – 2021. – № 9(403). – С. 35–41.
 10. Зубарев, С.М. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления / С.М. Зубарев, А.В. Сладкова // Административное право и процесс. – 2019. – № 9. – С. 53–59.
 11. Карцхия, А.А. Цифровые технологии – правовой аспект / А.А. Карцхия // ИС. Авторское право и смежные права. – 2019. – № 2. – С. 21–30.

12. Куртяк, И.В. Понятие и сущность цифровых технологий в нормотворческом процессе / И.В. Куртяк // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 26 марта 2021 года / Под общей редакцией А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 241–244.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Deryagin I.V.

Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Digitalization of public relations, public administration systems, as well as interstate interaction is a modern challenge for legislative structures and a reality of the present day. Digital technologies are being widely introduced not only in socio-economic relations, but are also applicable in the organization of state and municipal management, which is due to their greater efficiency compared to the substituted technologies of organization and implementation of the conditions of already established legal relations. The content of the article is focused on the analysis of the current state of legal regulation of digital technologies in the Russian Federation, and is also devoted to the study of what trends are being formed in this direction today. When studying the issue of regulation of the digital ruble, cryptocurrencies and digital financial assets, the author comes to the conclusion about their threefold nature of legal regulation of essentially one digital technology, which obviously raises questions related to the possibility of applying certain legal provisions of one digital product to another. The paper also highlights open issues related to the use of other digital technologies based on blockchain, in particular, such smart contract technology. Among the most pressing issues, the problems of the distribution of legal responsibility of the drafter and the executor of the smart contract are highlighted, as well as the possibilities of changing the terms of such an agreement are updated. On the basis of a point analysis of the legal foundations and trends of legal regulation of digital technologies in the Russian Federation on the example of specific digital products, the author comes to the conclusion that technical and technological progress can succeed in relation to the legislative regulation of relations within which such technologies are used. Legislative activity in this direction is accelerated and, by and large, is based on analogy with traditional forms of civil, financial and administrative legal relations, which causes the emergence of legal gaps and conflicts.

Keywords: digital technologies, digital products, digitalization, blockchain, digital financial assets, cryptocurrency, digital ruble, smart contract.

References

1. Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 (as amended on 11.01.2023) “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. – 06.08.2020. – No. 173.
2. Federal Law No. 34-FZ of 18.03.2019 “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. – 20.03.2019. – No. 12.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 “On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 15.05.2017. – No.20.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 02.03.2019 No. 234 (ed. of 13.05.2022) “On the management system for the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 18.03.2019. – No. 11.
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2998-r dated 10/22/2021 “On Approval of the strategic direction in the

- field of digital transformation of public administration". – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399192/ / (date of request: 10.10.2023).
6. Order of the Ministry of Communications of the Russian Federation No. 428 dated 01.08.2018 "On Approval of Explanations (methodological recommendations) on the development of regional projects within the Framework of Federal Projects of the national program "Digital Economy of the Russian Federation". – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71895754/> / (date of request: 11.10.2023).
 7. Resolution of the State Standard of Russia dated 29.07.2003 No. 255-st "GOST R 33.505–2003. The State standard of the Russian Federation. Unified Russian Insurance Fund of Documentation. The procedure for creating an insurance fund of documentation that is a national scientific, cultural and historical heritage" // Official publication. Moscow: Standartinform, 2020.
 8. Electronic Transactions Act 2010. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.imda.gov.sg/regulations-and-licensing-listing/electronic-transactions-act-and-regulations> (date of application: 12.10.2023).
 9. Belov, V.A. Smart contract: concept, legal regulation, law enforcement practice, consumer relations / V.A. Belov // Law and Economics. – 2021. – № 9(403). – Pp. 35–41.
 10. Zubarev, S.M. On the concept and essence of digital control technologies in the field of public administration / S.M. Zubarev, A.V. Sladkova // Administrative law and process. – 2019. – No. 9. – pp. 53–59.
 11. Kartschiya, A.A. Digital technologies – legal aspect / A.A. Kartschiya // IS. Copyright and related rights. – 2019. – No. 2. – pp. 21–30.
 12. Kurtyak, I.V. The concept and essence of digital technologies in the rule-making process / I.V. Kurtyak // Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings): International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 26, 2021 / Under the general editorship of A.I. Kaplunov. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – pp. 241–244.

Влияния применения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка на отношения по оказанию медицинской помощи: обобщение судебной практики

Загородникова Юлия Олеговна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права.
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: zagorodnikovaiulia@yandex.ru

Бауэр Дарья Владимировна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права.
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: d.bauer26@mail.ru

В данной работе авторами рассматривается эффективность влияния принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка на отношения по оказанию медицинской помощи детям. Как показывает практика, в вопросах медицинского вмешательства родители не всегда способны действовать с учетом интересов ребенка, не понимая тонкостей медицины или из-за недоверия к врачам, законные представители часто игнорируют медицинские рекомендации и показания, что впоследствии, может привести к необратимым последствиям. Авторами проанализирована судебная практика по данной категории споров и сделаны выводы, которые впоследствии, могут стать определяющими тезисами для правильного определения интересов ребенка в вопросах медицинского вмешательства.

Ключевые слова: принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, дети, оказание медицинской помощи, медицинское вмешательство, семейное право, медицинское право, конвенция о правах ребенка, права ребенка, права родителей, интересы родителей.

Согласно п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка. Наилучшее обеспечение интересов ребенка – один из специальных принципов международно-правового регулирования защиты прав детей [1].

В настоящее время, представляет особую актуальность рассмотрение влияния этого принципа на оказание медицинской помощи детям. Зачастую, все решения в этой сфере принимает законный представитель, но далеко не всегда родители действуют в соответствии с интересами ребёнка, чем могут нанести непоправимый вред его здоровью и жизни. Рассматриваемый принцип в подобных ситуациях является гарантией защиты интересов детей для случаев, когда между законными представителями и медицинскими учреждениями имеется спор относительно обоснованности медицинского вмешательства в организм ребенка. По этой причине ПНИР надлежит применять не только к семейным, но и к иным общественным отношениям, где непосредственно затрагиваются или нарушаются права детей.

Порядок и правила оказания медицинских услуг несовершеннолетним регламентируется как на международном уровне, так и на внутригосударственном.

В Декларации прав ребенка, закреплён специальный принцип, согласно которому дети имеют право на здоровый рост, развитие и медицинское обслуживание, ввиду чего специальный уход и охрана должны быть обеспечены как непосредственно несовершеннолетнему, так и его матери, включая надлежащий дородовой и послеродовой уход [2].

В нашей стране специальные права несовершеннолетних в сфере оказания медицинских услуг регулирует статья 54 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3].

Перейдем непосредственно к анализу судебной практики, которая складывается при оказании медицинской помощи несовершеннолетним.

Обратимся к Решению ЕСПЧ от 20.04.2021 по делу «Парфитт против Соединенного Королевства», которое ярко демонстрирует, что право ребёнка на жизнь, не всегда соответствует его наилучшим интересам [4].

Дочь заявительницы, страдала редким и неизлечимым заболеванием. В период, относившийся к обстоятельствам дела, она была подключена

к аппарату ИВЛ и находилась в вегетативном состоянии.

Траст, отвечающий за больницу, обратился в суд Соединенного Королевства с требованием отключить ребенка от системы жизнеобеспечения. Мать, с таким решением была не согласна, настаивала на необходимости перевозки дочери домой и намеревалась осуществлять уход за ней в домашних условиях.

При рассмотрении возникшего спора, судья пришел к выводу, что режим инвазивной терапии, не облегчает страдания ребенка, а лишь поддерживает её жизнеспособность, пользы от такой процедуры дочь заявительницы не получает. В данном случае, определяя наилучшие интересы тяжело больной девочки, суд указал, что, ребенок не чувствует боль, по медицинским показателям и заключениям, шансы на выздоровление отсутствуют, так как мозг уже умер. Тем временем, постоянные медицинские вмешательства в организм, направленные на поддержание жизнедеятельности девочки, ограничение ее свободы рамками больничной палаты, отсутствие возможности наслаждаться детством причиняли несовершеннолетней постоянный вред.

ЕСПЧ изучил медицинские показания и рекомендации, оценил состояние ребенка, и мнение её матери, но, пришел к выводу, что сохранение жизни при таком состоянии не отвечает наилучшим интересам ребёнка.

Данный пример показателен тем, что родители, как законные представители и лица, максимально заинтересованные в сохранении жизни своего ребенка, не всегда могут здраво оценивать страдания и мучения, которые испытывает тяжело больной несовершеннолетний. В таких ситуациях, первостепенная задача медицинских организаций доступно донести до родителей диагноз, перспективы и возможности выздоровления и описать, что чувствует и испытывает пациент.

Нередко в суды обращаются медицинские учреждения за защитой прав несовершеннолетних, которые в силу, психического и умственного развития не могут самостоятельно защитить свои интересы. Не все родители, в вопросах медицинского вмешательства, способны действовать в интересах своих детей, для таких случаев, законом предусмотрена возможность обращения медицинского учреждения в суд, с требованием о применении той или иной процедуры к ребенку, без согласия родителей, когда такое согласие является обязательным. Таким примером, может послужить Решение Орджоникидзевского районного суда города Уфы, по делу № 2А-1076/2017 [5].

Медицинское учреждение города Уфа обратилось в суд, в интересах новорожденного ребенка. В исковом заявлении больница просила признать отказ родителей от оказания медицинской помощи их сыну незаконным и провести необходимые процедуры в отношении ребенка без согласия его родителей.

Спорная ситуация состояла в том, что мать новорожденного являлась ВИЧ инфицированной, для предотвращения передачи заболевания ребенку, больница должна была провести ряд клинических процедур. Решением врачебной комиссии, матери и её ребенку назначена антиретровирусная терапия.

Родители ребенка в письменном виде отказались от медицинского вмешательства, игнорируя последствия такого отказа для несовершеннолетнего. При таких обстоятельствах возникла существенная угроза жизни и здоровью несовершеннолетнего, в связи с чем, медицинское учреждение обратилось в суд.

Исковые требования были удовлетворены в полном объеме, решение подлежало исполнению немедленно.

Подобная практика встречается достаточно часто, родители в силу определённых причин (религиозных, моральных, недоверие к системе здравоохранения) нередко отказываются от медицинского вмешательства, которое необходимо их детям, даже в случаях, когда есть прямая угроза жизни и здоровью ребенка. В таких ситуациях, обращение в суд – является самой эффективной способом защиты интересов несовершеннолетнего. Отдельно стоит заметить, что такие споры рассматриваются в ускоренные сроки, в рассматриваемой ситуации иск поступил 06.02.2017, а решение по делу вынесено на следующий день – 07.02.2017.

Интересным представляется тот факт, что охрана и определение наилучших интересов ребенка может осуществляться и внутриутробно.

В Постановлении ЕСПЧ от 11 декабря 2014 года по делу Дубска и Крейзова против Чешской Республики – обжалованию подлежали жалобы двух женщин на положения закона, запрещающие акушерам оказывать медицинскую помощь, в случае если роды проходили в домашней обстановке [6].

Заявительницы хотели рожать дома и рассчитывали на медицинскую помощь профессионалов, но законодательством Чехии такая возможность не предусмотрена.

В жалобе Дубска и Крейзова указали, что статьи закона нарушают их право на выбор и положения ст. 8 Конвенции о правах ребенка. В случае если женщина хочет получить помощь от медика – профессионала, она обязана рожать в медицинском учреждении.

ЕСПЧ указал, что в данном случае, действительно, государство оказывает существенное влияние на свободу выбора заявительниц, но такое вмешательство демонстрирует, что власти Чехии сосредоточены главным образом на защите наилучших интересов ребенка. В зависимости от характера и серьезности спора, интересы ребенка могут доминировать над интересами родителя, который не имеет согласно ст. 8 Конвенции, права принимать меры, которые причинили бы вред здоровью и развитию ребёнка.

Суд постановил, что по делу требования ст. 8 Конвенции не нарушены.

Таким образом, рассмотренные споры позволяют сделать следующие выводы:

1) защита интересов ребенка должна осуществляться с момента его зачатия и до достижения совершеннолетия;

2) при определении интересов ребенка судам следует опираться исключительно на медицинские рекомендации, а также учитывать риски угрозы его жизни и здоровью;

3) интересы ребенка в вопросах медицинского вмешательства должны доминировать над интересами родителя;

4) при отказе родителей от оказания медицинской помощи медицинские учреждения обязаны обращаться в суд за защитой прав несовершеннолетнего пациента при условии, что есть угроза жизни или здоровью ребенка.

Литература

1. Конвенция ООН «О правах ребенка». Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // Вестник Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955.
2. Декларация прав ребенка (провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/2562501/?ysclid=lmvr9nr8ok118828423>
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
4. Решение Европейского Суда по правам человека от 20.04.2021 по делу «Парфитт против Соединенного Королевства» (Жалоба № 18533/21) [Электронный ресурс] URL: <https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-reshenii-espch-ot-20042021-po-delu-parfitt-protiv-soedinennogo-korolevstva-zhaloba-n> (дата обращения: 03.10.2023)
5. Решение Орджоникидзевского районного суда города Уфы Республики Башкортостан от 07.02.2017 дело № 2А-1076/2017 [Электронный ресурс] URL: https://ordjonikidzovskyybkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name (дата обращения: 03.10.2023)
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11.12.2014 по делу «Дубска и Крейзова против Чешской Республики» (Жа-

лобы № 28859/11 и № 28473/12) [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/71014774/?ysclid=lmvqxeslax983212848op=case&case_id=79370416&case_uid=0d283025-31b8-49bc-b9c8-de55db40ac09&delo_id=41 (дата обращения: 03.10.2023)

THE IMPACT OF THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF THE BEST INTERESTS OF THE CHILD ON RELATIONS IN THE PROVISION OF MEDICAL CARE: A GENERALIZATION OF JUDICIAL PRACTICE

Zagorodnikova Yu.O., Bauer D.V.

Novosibirsk National Research State University

In this paper, the influence of the principle of the best interests of the child on legal relations arising from the provision of medical care to children will be considered. As practice shows, in matters of medical intervention, parents are not always able to act taking into account the interests of the child, not understanding the intricacies of medicine or because of distrust of doctors, legal representatives often ignore medical recommendations and indications, which can subsequently lead to irreversible consequences. The authors analyzed the judicial practice on this category of disputes and made conclusions that could later become defining theses for the correct determination of the interests of the child in matters of medical intervention.

Keywords: the principle of ensuring the best interests of the child, children, medical care, medical intervention, family law, medical law, Convention on the Rights of the child, the rights of the child, the rights of parents, the interests of parents.

References

1. The UN Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by UN General Assembly Resolution 44/25 of November 20, 1989 // Vedomosti of the Supreme Council and Congress of People's Deputies of the USSR. – 1990. – No. 45. – Article 955.
2. Declaration of the Rights of the Child (proclaimed by UN General Assembly Resolution 1386 (XIV) of November 20 1959) [Electronic resource] URL: <https://base.garant.ru/2562501/?ysclid=lmvr9nr8ok118828423>
3. Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 “On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 48. – St. 6724.
4. The decision of the European Court of Human Rights of 20.04.2021 in the case “Parfitt v. the United Kingdom” (Complaint No. 18533/21) [Electronic resource] URL: <https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-reshenii-espch-ot-20042021-po-delu-parfitt-protiv-soedinennogo-korolevstva-zhaloba-n> (accessed: 03.10.2023)
5. The decision of Ordzhonikidze District Court of Ufa, Republic of Bashkortostan dated 07.02.2017 case No. 2A-1076/2017 [Electronic resource] URL: https://ordjonikidzovskyybkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name (accessed: 03.10.2023)
6. Judgment of the European Court of Human Rights of 11.12.2014 in the case “Dubska and Kreizova v. Czech Republic” (Complaints No. 28859/11 and No. 28473/12) [Electronic resource] URL: https://base.garant.ru/71014774/?ysclid=lmvqxeslax983212848op=case&case_id=79370416&case_uid=0d283025-31b8-49bc-b9c8-de55db40ac09&delo_id=41 (accessed: 03.10.2023)

Сравнительно-правовое исследование категории государственное регулирование в законодательстве России и Казахстана

Карандаев Андрей Григорьевич,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: karikan@mail.ru

В статье исследуется термин «государственное регулирование», его понятие, структурные элементы, соотношение с такими смежными категориями как «государственное управление», «государственная политика», проводится сравнительно-правовое исследование нормативных актов России и Казахстана на предмет сходства и различия правовых подходов по включению исследуемой категории в законодательство рассматриваемых стран. Автором даны определения терминам «государственное регулирование», «принцип государственного регулирования», выделены и раскрыты принципы государственного регулирования. По результатам анализа, проведенного в статье, также сформулировано предложение по совершенствованию законодательства России в сфере государственного регулирования. Методы исследования: общенаучные (анализ, синтез, системный метод, индукция и др.); специальные методы исследования: формально-юридический метод; сравнительно-правовой метод и др.

Ключевые слова: государственное регулирование, принцип государственного регулирования, государственное управление, государственная политика, правовое регулирование.

Государственное регулирование является одним из основных видов воздействия государства на отношения внутри общества. Тем не менее оно еще не стало предметом глубокого изучения ученых в обеих странах. Несмотря на активное использование в юридической, экономической литературе, нормативных актах, актах применения права и других источниках, в законодательстве России отсутствует определение термина «государственное регулирование». На это, в частности, обращали внимание Е.П. Губин [17, с. 31], Ю.С. Цицерман [19, с. 5–7] и др. Аналогичная ситуация наблюдается и в Казахстане (далее – РК).

Упоминание термина «регулирование» в Конституции Российской Федерации [1] содержится только в некоторых статьях (ст. ст. 66, 71, 106, 114, 128) без разъяснения, что именно под ним понимается.

В России также приняты нормативные акты, содержащие термин «государственное регулирование». Среди них Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации», Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» и др.

В Конституции Республики Казахстан [2], как и в России, упоминается термин «регулирование» без уточнения его смысла (ст. ст. 23, 51, 61, 71, 89), понятие «государственное регулирование» встречается в названиях и содержании таких законов как Закон РК от 8 июля 2005 года № 66-III «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий», Закон РК от 12 июня 2003 года № 439-II «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий», Закон РК от 4 июля 2003 года № 474-II «О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций» и др.

Закрепление термина «государственное регулирование» в законодательстве Казахстана также присутствует в Предпринимательском кодексе РК (далее – ПК РК) (ст.ст. 106, 113, 116, 124–7, 129) в контексте осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности.

Анализируя вышеприведенные нормативные акты России и Казахстана, можно прийти к выводу, что законодатели стран уделяют недостаточное

внимание категории «государственное регулирование», фактически до сих пор отсутствует ясность в ее понимании. Следует отметить, что подходы к содержанию упомянутых выше и иных нормативных актов как в России, так и в Казахстане различны, в странах отсутствует единая методология их построения, что может негативно повлиять на эффективность государственного регулирования и качество правоприменения. Также происходит некоторое смешение понятийного аппарата, в том числе происходит приравнивание государственного регулирования к правовому, что представляется неверным.

В научной литературе также нет единства понимания по данному вопросу. Например, в содержании научных работ можно встретить следующие подходы к государственному регулированию: как государственно-правовое регулирование без разъяснения его значения [14]; государственное регулирование как государственно-правовое регулирование, отождествляющееся с правовым [7]; как правовое обеспечение [5]; как нормативная юридическая регламентация [8]; совокупность форм и направлений государственного воздействия [12]; как совокупность организационных, экономических и иных воздействий государства [9]; как публично-правовое воздействие [13]; как комплексный межотраслевой правовой институт [3]; как использование правовых средств [6]; как элемент государственного управления [10]; как функция государственного управления [11]; как симбиоз государственного управления, самоуправления и правового регулирования [4] и др.

Законодательство России включает также понятие «государственное управление», которое означает «деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» (ст. 3 Федерального закона от 28 июня 2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»). Определение данному термину законодательство Казахстана не содержит, однако он также в нем представлен (например, Водный Кодекс РК (ст. 30), Лесной кодекс РК (ст. 11) и др.).

Федеральный закон от 24 июля 2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» включает категорию «государственная политика» (в области развития малого и среднего предпринимательства). Согласно ст. 6 данного Закона «государственная политика в области развития малого и среднего предпринимательства <...> представляет собой совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и направленными на обеспечение реализации це-

лей и принципов, установленных настоящим Федеральным законом». Аналогичная правовая категория содержится и в нормативных актах Казахстана (например, в ПК РК (ст. 163), Социальном кодексе, (ст. 3) Экологическом кодексе (ст. 28) и др.), но без разъяснения его значения.

Обзор указанных терминов позволяет сделать вывод о совпадении терминологии, используемой в законодательстве исследуемых стран. Несмотря на то, что нормотворчество в России и Казахстане развивается в разных условиях, тем не менее по многим принципиальным моментам оно остается схожим. Это обуславливается прежде всего общей правовой школой рассматриваемых стран, исходные начала которой остаются на данный момент востребованными.

Анализ также позволяет выявить, что понятие «государственное управление» более близко к понятию «государственное регулирование», т.к. представляет собой прежде всего деятельность государственных органов, а не только комплекс или совокупность реализуемых мер, как это имеется в виду в иных смежных терминах. В юридической литературе соотношению понятий «государственное регулирование» и «государственное управление» уделяется значительное внимание, в связи с этим существуют различные позиции по данному вопросу.

Согласно одному из мнений, государственное регулирование рассматривается в качестве синонима государственному управлению [15, с. 37–41]. Другая точка зрения сводится к тому, что государственное регулирование – понятие более широкое, чем государственное управление [18, с. 419]. В соответствии с другим мнением, оно рассматривается как функция государственного управления, т.е. более узкое понятие по отношению к государственному управлению [17, с. 36].

Между тем, оценивая данные понятия, необходимо отметить их междисциплинарность. В научной литературе по теории государства и права, административного права регулирующее воздействие государства включается в более масштабную категорию – государственное управление и является его функцией [17, с. 36]. Аналогичную позицию можно встретить и в работах по дисциплине государственное и муниципальное управление [16, с. 233].

Анализ указанных позиций позволяет автору статьи сделать вывод о том, что государственное регулирование является частью более масштабной по своей сути категории – государственного управления и фактически является функцией последнего. Представляется, что такая категория как государственная политика также является элементом государственного управления, но более узкой по смыслу, чем термин государственное регулирование, т.к. ставит своей целью регулирование, как правило, отдельных видов общественных отношений.

На основании исследования доктринальных и нормативных определений рассматриваемых

в статье терминов, можно сформулировать авторское определение понятия «государственное регулирование»:

государственное регулирование – деятельность государства в лице его уполномоченных органов, направленная на упорядочение общественных отношений, а также стимулирование, поддержку и защиту их субъектов.

При этом под термином «упорядочение» автор настоящего исследования подразумевает не только правовое воздействие к существующим общественным отношениям, но и организационное (осуществление контроля (надзора), оценки эффективности нормативных актов, анализ получаемых статистических данных, ведение государственных реестров, применение мер ответственности, предупреждения правонарушений и др.), а также иные виды государственного воздействия. Стимулирование, поддержка и защита субъектов общественных правоотношений, по мнению автора статьи, не входят в содержание указанного выше термина и поэтому приведены в сформулированном определении отдельно.

Государственное регулирование осуществляется на основе принципов, поэтому представляется целесообразным привести авторское определение термина «принцип государственного регулирования»:

принцип государственного регулирования – руководящее начало, признаваемое правовой системой государства и оказывающее наиболее значимое влияние на деятельность его уполномоченных органов по упорядочению общественных отношений, а также стимулированию, поддержке и защите их субъектов.

Автором настоящей статьи также сформулированы и раскрыты следующие принципы государственного регулирования:

- 1) *принцип праваго начала в государственном регулировании*: государственное регулирование, основываясь на законе, тем не менее не всегда является правовым, т.к. на практике встречаются случаи, характерные для авторитарных и тоталитарных государств, когда в ранг закона возведены заведомо неправовые нормы, нарушающие права и свободы, поэтому очень важно, чтобы государственное регулирование основывалось на праве, но при этом не противоречило принципу законности;
- 2) *принцип государственного планирования*: выстроенная система государственного планирования позволяет определять (в процессе целеполагания) необходимые приоритеты развития и обеспечения безопасности, прогнозировать наступление тех или иных событий при принятии решений, контролировать процесс выполнения государственных программ (проектов, планов), что позволяет наиболее эффективно выполнять государственные функции;
- 3) *принцип ясности и определенности содержания нормативно-правовых актов*: ясность и определенность содержания нормативных актов непо-

средственно влияет на качество правоприменения, формирование позитивного правосознания и доверия к государству;

- 4) *принцип ограниченного количества субъектов государственного регулирования*: увеличение количества субъектов государственного регулирования порождает произвольное и избыточное регулирование, злоупотребление такими субъектами своими полномочиями в области регулирования, поэтому необходима оптимизация количества упомянутых субъектов;
- 5) *принцип открытости государственного регулирования*: открытость государственного регулирования повышает уровень доверия к органам государственной власти и государству в целом, формирует диалог между обществом и властью;
- 6) *принцип оценки эффективности государственного регулирования*: позволяет определить насколько применение средств регулирования отражает реальную ситуацию, приносят ли затраты на регулирование оправданный результат;
- 7) *принцип ответственности государственных органов и их должностных лиц за неисполнение, ненадлежащее исполнение своих обязанностей либо противоправное поведение*: позволяет закрепить причинно-следственную связь между ненадлежащим исполнением обязанностей государственных органов и их должностных лиц и наступлением негативных последствий данного исполнения. Указанный принцип не только не должен вредить, но и позитивно влияет на обоснованность и качество принимаемых решений и их исполнения.

Приведенный перечень принципов не исчерпывающий. Необходимо обратить внимание на динамику принципов государственного регулирования. С течением времени и меняющимися обстоятельствами велика вероятность появления новых начал и идей регулирования и уход в прошлое актуальных на данный момент.

В целях совершенствования государственного регулирования предлагается закрепление сформулированных в настоящем исследовании определения термина государственного регулирования и его принципов в нормативном акте, определяющем основные начала государственного регулирования, в качестве образца структуры и содержания данного нормативного акта может быть использован проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (разработанного под руководством Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова), а также Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах».

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссий-

- ского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – 06.10.2022.
2. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 02.10.2023).
 3. Бойчук, Ю.В. Государственное регулирование деятельности унитарных предприятий: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 2006. – 41 с.
 4. Войтенко, О.Н. Государственное регулирование агропромышленных отношений в условиях становления рыночной экономики: организационно-правовой аспект: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 1996. – 19 с.
 5. Гончаров, П.П. Государственное регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации: административно-правовой аспект: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 2003. – 26 с.
 6. Ефименко, Е.Н. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: правовые средства перераспределения доходов: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 1997. – 28 с.
 7. Игнатъева, С.В. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в России: теоретико-правовой аспект: Автореф. дисс. ... д.ю.н. СПб, 1996. – 44 с.
 8. Мирзоев, Г.Б. Государственное регулирование и юридическая защита предпринимательства в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 1995. – 30 с.
 9. Николаев, И.С. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в сфере недропользования в Российской Федерации (правовой аспект): Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 2013. – 28 с.
 10. Очередько, В.П. Государственно-правовое регулирование предпринимательской деятельности: Автореф. дисс. ... д.ю.н. СПб, 1998. – 49 с.
 11. Перфильев, А.В. Регулирование как функция государственного управления: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 2004. – 32 с.
 12. Погорелов, Д.В. Правовые формы государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Волгоград, 2006. – 25 с.
 13. Райш, Й.Г. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в сфере страхового дела: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 2009. – 25 с.
 14. Хашукаев, Р.Ф. Государственно-правовое регулирование конкуренции на товарных рынках Российской Федерации: Автореф. дисс. ... к.ю.н. М, 1999. – 26 с.
 15. Братановский, С.Н. Роль и пределы государственного регулирования организации и деятельности потребительской кооперации в условиях перехода к рыночным отношениям // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 37–41.
 16. Государственное и муниципальное управление: итоговая аттестация студентов: учебное пособие / под ред. Е.Г. Коваленко. – Москва: ИНФРА-М. – 2022. – 409 с.
 17. Губин, Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства. Правовые проблемы. – М.: ИНФРА-М. – 2023. – 316 с.
 18. Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / [Ершова И.В., Аганина Р.Н., Андреев В.К. и др.]; ответственный редактор И.В. Ершова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Москва: Проспект. – 2023. – 848 с.
 19. Цимерман, Ю.С. Государство и экономика // Предпринимательское право. – 2012. – № 4. – С. 5–7.

COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE CATEGORY OF STATE REGULATION IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Karandaev A.G.

Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

The article examines the term “state regulation”, its concept, structural elements, relationship with such related categories as “public administration”, “public policy”, and conducts a comparative legal study of the regulations of Russia and Kazakhstan for the similarities and differences of legal approaches of including the category “state regulation” into the legislation of the countries. The author defines the terms “state regulation”, “principle of state regulation”, identifies and discloses the principles of state regulation. Based on the results of the analysis carried out in the article, a proposal was also formulated to improve Russian legislation in the field of government regulation. Research methods: general scientific (analysis, synthesis, systems method, induction, etc.); special research methods: formal legal method; comparative legal method, etc.

Keywords: State regulation, principle of state regulation, public administration, public policy, legal regulation.

References

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>. – 06.10.2022.
2. Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) // Information and legal system of normative legal acts of the Republic Kazakhstan. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (accessed: 02.10.2023).
3. Boychuk, Yu.V. State regulation of the activities of unitary enterprises: Abstract. diss. ... Candidate of Law, 2006. – 41 p.
4. Voitenko, O.N. State regulation of agro-industrial relations in the conditions of the formation of a market economy: organizational and legal aspect: Abstract. diss. ... Candidate of Law, 1996. – 19 p.
5. Goncharov, P.P. State regulation of foreign investments in the Russian Federation: administrative and legal aspect: Abstract. diss. ... Candidate of Law, 2003. – 26 p.
6. Efimenko, E.N. State regulation of entrepreneurial activity: legal means of income redistribution: Abstract. diss. ... Ph.D. in Law, 1997. – 28 p.
7. Ignatieva, S.V. State regulation of entrepreneurial activity in Russia: theoretical and legal aspect: Abstract. diss. ... Doctor of Law, St. Petersburg, 1996. – 44 p.
8. Mirzoev, G.B. State regulation and legal protection of entrepreneurship in the Russian Federation: Abstract. diss. ... Ph.D. in Law, 1995. – 30 p.

9. Nikolaev, I.S. State regulation of entrepreneurial activity in the field of subsoil use in the Russian Federation (legal aspect): Abstract. diss. ... Candidate of Law, 2013. – 28 p.
10. Queue, V.P. State-legal regulation of entrepreneurial activity: Abstract. diss. ... D.yu.n. St. Petersburg, 1998. – 49 p.
11. Perfiliev, A.V. Regulation as a function of public administration: Abstract. diss. ... Candidate of Law, 2004. – 32 p.
12. Pogorelov, D.V. Legal forms of state regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation: Abstract. diss. ... Candidate of Law, Volgograd, 2006. – 25 p.
13. Reisch, J.G. State regulation of entrepreneurial activity in the field of insurance business: Autoref. diss. ... Candidate of Law, 2009. – 25 p.
14. Khashukaev, R.F. State-legal regulation of competition in the commodity markets of the Russian Federation: Abstract. diss. ... K.yu.n. M, 1999. – 26 p.
15. Bratanovsky, S.N. The role and limits of state regulation of the organization and activity of consumer cooperation in the transition to market relations // State and law. – 2001. – No.8. – pp. 37–41.
16. State and municipal administration: final certification of students: textbook / ed. by E.G. Kovalenko. – Moscow: INFRA-M. – 2022. – 409 p.
17. Gubin, E.P. State regulation of the market economy and entrepreneurship. Legal problems. – M.: INFRA-M. – 2023. – 316 p.
18. Business law. Legal support of business: textbook for masters / [Yershova I.V., Aganina R.N., Andreev V.K., etc.]; Executive Editor I.V. Yershova; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Kutafin Moscow State Law University (MGUA). – Moscow: Prospekt. – 2023. – 848 p.
19. Zimerman, Y.S. State and economy // Business law. – 2012. – No. 4. – pp. 5–7.

Ответственность сторон гражданского процесса за действия, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного опыта

Кумсиашвили Сергей Зурабович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: Kumsiashvili.sergey@gmail.com

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу норм гражданского процессуального законодательства Российской Федерации и Республик Беларусь, Азербайджан, Узбекистан и других в контексте процессуальной ответственности сторон и иных участников дела в целях выявления положительных зарубежных практик. Актуальность исследования обоснована увеличением количеством случаев злоупотребления сторонами спора своими процессуальными правами, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. Обоснована социально-правовая значимость дальнейшего реформирования российского гражданского процессуального законодательства с учетом положительного опыта нормативно-правового регулирования гражданской процессуальной ответственности в зарубежных государствах, прежде всего, Республики Беларусь и Узбекистана. Внесено предложение (по аналогии с законодательством Республики Беларусь) о выделении в структуре Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации самостоятельной главы, посвященной гражданской процессуальной ответственности и закрепляющей систему мер оперативного воздействия на поведение участников гражданского процесса в целях предотвращения затягивания ими рассмотрения гражданского дела. Обоснована значимость (с учетом опыта узбекского законодателя) юридической гарантии права обжалования нарушителем наложенного на него судебного штрафа.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, гражданская процессуальная ответственность, меры процессуального воздействия, судебный штраф, гражданское процессуальное законодательство.

Современное развитие российского правосудия характеризуется ростом злоупотребления как материальных, так и процессуальных прав, прежде всего, в целях затягивания рассмотрения и разрешения гражданского дела (отложения принятия соответствующего акта). Как отмечают М.С Валентик и П.В. Шумов, «надлежащая реализация принципа разумности сроков судопроизводства возможна лишь в ситуации добросовестного исполнения всеми участниками своих процессуальных обязанностей и отсутствия злоупотребления процессуальными правами, что закреплено в ч. 2 ст. 35 ГПК РФ» [2, с. 19]. Современное российское законодательство предусматривает отдельные виды наказания за неисполнение обязанностей, возложенных судом на участников процесса, и за нарушение порядка в зале суда, в том числе подобные меры предусмотрены и в действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [6]. В то же время в научной литературе ставится под сомнение эффективность их применения в процессе осуществления правосудия по гражданским делам, а, следовательно, и уровень нормативно-правового регулирования ответственности сторон за действия, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта [2; 11]. Таким образом, в настоящее время актуальным является вопрос о дальнейшем реформировании российского гражданского процессуального законодательства с учетом передового опыта таких зарубежных государств, как Республики Беларусь и Узбекистан в рассматриваемом направлении.

Цель же процессуального права заключается в обеспечении нормальной реализации норм материального права, защите регулятивных отношений, восстановлении нарушенных прав и законных интересов. Нормы процессуального права реализуются на всех стадиях правоприменительной деятельности суда, начиная с установления обстоятельств и фактов по делу и заканчивая принятием решения о квалификации деяния, его оформлением в письменном виде с учетом требований, предъявляемых действующим законодательством Российской Федерации. Нормы гражданского процессуального законодательства направлены на обеспечение регламентированного рассмотрения и разрешения гражданского дела, установление разумных сроков гражданского судопроизводства, своевременное осуществление процессуаль-

ных действий, соблюдение требований к их организации и проведению. Как результат, обязательным правовым элементом системы гражданского процессуального права является институт процессуальной ответственности сторон дела и иных участников, неправомерные деяния которых препятствуют нормальному отправлению российского правосудия по гражданским делам. Разумность срока в гражданском судопроизводстве по конкретному спору зависит от надлежащих и своевременных обдуманных действий суда и иных уполномоченных лиц, способствующих и принимающих участие в его разрешении. Быстрое и качественное урегулирование юридических конфликтов является следствием не только оптимальных процессуальных действий суда и соблюдения им соответствующих процессуальных сроков, но и надлежащего добросовестного поведения его сторон и иных участников.

Характеризуя разумность или неразумность судопроизводства по конкретному делу, компетентный государственный орган оценивает как действия суда, выносившего решение, так и процессуальное поведение других лиц, в том числе путем сравнения полученных временных затрат с общими требованиями к производству по делу, установленному законом.

Думается, что выделение процессуальной ответственности в качестве самостоятельного вида юридического ответственности на современном этапе развития теории и правоприменительной практики обосновано потребностями общества и государства в целях обеспечения скорого осуществления правосудия. Традиционно в отечественной теории государства и права выделяют такие виды юридической ответственности, как гражданско-правовая, административная, уголовная, материальная, дисциплинарная, уголовная. В то же время ряд ведущих представителей юридической доктрины указывают на необходимость выделения процессуальной ответственности (например, Н.И. Матузов, А.В. Малько [11]). Процессуальная ответственность не является разновидностью других видов юридической ответственности. Во-первых, фактическим основанием привлечения к процессуальной ответственности является совершение правонарушения, предусмотренного нормами соответствующего процессуального кодекса. Так, российский законодатель предусмотрел в положениях ГПК РФ наказания, накладываемые за проявленное неуважение к суду (ч. 3 ст. 159 ГПК РФ); за уклонение отдельных лиц от явки в суд или за неисполнение ими возложенных на них обязанностей (например, ч. 3 ст. 57 ГПК РФ, ч. 1 ст. 81 ГПК РФ; ч. 4 ст. 162 ГПК РФ). Во-вторых, юридическим основанием привлечения к данному виду ответственности является именно нарушение норм соответствующего процессуального кодекса, в том числе и ГПК РФ. Суды, оценивая поведение соответствующего лица на соблюдение им требований, предусмотренных ГПК РФ или возложенных судом (в рамках предоставленной компетенции),

квалифицируют деяния (действие и бездействие) со ссылкой на соответствующие положения ГПК РФ. Например, Московский городской суд, признав законным и обоснованным решение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 08 декабря 2021 года (№ дела в суде первой инстанции N 2–5597/21), неоднократно ссылаясь на нормы ГПК РФ, обязывающие стороны и иных участников процесса предоставлять соответствующие доказательства в подтверждение своих требований, а также своевременно и надлежаще исполнять судебные запросы. Игнорирование таких судебных указаний является основанием наложения «судебного штрафа на виновных должностных лиц или на граждан, не являющихся лицами, участвующими в деле, в порядке и в размере, установленных главой 8 ГПК РФ» [1].

В-третьих, важно обратить внимание на цель и задачи введения процессуальной ответственности. Основное назначение рассматриваемого правового института заключается в содействии российским судам в реализации скорого правосудия, направленного на незамедлительное восстановление нарушенных прав потерпевшей стороны, а также противодействие злоупотреблению сторонами и иными участниками процессуальными правами, предоставленными им, а также пресечение затягивания гражданского процесса по конкретному делу. Н.В. Макарейко и Д.А. Липинский в своем совместном исследовании, определяя социально-правовую значимость процессуальной ответственности, характеризуют ее как «одно из важнейших средств обеспечения процессуального порядка» [10, с. 108].

В-четвертых, следует обратить внимание на упрощенный порядок реализации процессуальной ответственности. Она применяется незамедлительно судом в целях оперативного реагирования на действия участников, препятствующие нормальному и своевременному рассмотрению и разрешению дела.

Следовательно, процессуальную ответственность в настоящее время следует рассматривать как самостоятельный вид юридической ответственности. В качестве ее разновидности следует назвать гражданскую процессуальную ответственность. На официальном уровне отечественный законодатель не оперирует таким понятием, относя ее к категории «иных видов юридической ответственности, предусмотренных нормами российского законодательства». Наибольшего прогресса в этом направлении достигли белорусские правотворцы, выделившие в структуре ГПК Республики Беларусь главу 9, посвященную гражданской процессуальной ответственности [4]. Также ими сформулированы основания и условия ее применения, перечислены меры процессуального воздействия на недобросовестных участников гражданского процесса или злоупотребляющих процессуальными правами. В ГПК Республики Узбекистан выделена глава 14, посвященная мерам процессуальной воздействия [5]. Для российского

процессуального законодательства такой системный подход не характерен.

Самая распространенная мера процессуальной ответственности в российском законодательстве – это судебный штраф. Аналогичная позиция характерна для гражданского процессуального законодательства Азербайджана [3], Узбекистана [5]. Судебный штраф за недобросовестное поведение в суде, затягивание процесса и иные формы злоупотребления процессуальными правами характерно и для гражданского процессуального законодательства европейских стран, например, Швейцарии, Германии, Франции [10]. В то же время следует обратить внимание на правовую систему Республики Беларусь, исключившую судебный штраф из системы видов процессуального воздействия (ст. 168 ГПК Республики Беларусь) [4]. Гражданское процессуальное законодательство Республики Армения не предусматривает имущественную ответственность за действия, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. Российский законодатель и отечественная юридическая наука сохраняет за судебным штрафом основную меру воздействия на поведение участников гражданского процесса. Например, Н.В. Макарейко и Д.А. Липинский позитивно оценили повышение в 2018 году размера штрафа до 100000 рублей за совершение правонарушений, запрещенных нормами ГПК РФ [10, с. 111], указывая, что такое государственное решение соответствует мировым европейским тенденциям. Положительную характеристику судебному штрафу дает и Т.В. Ярошенко, отмечая, что увеличение размеров влечет повышение ответственности лиц, участвующих в деле. С учетом юридической техники правового закрепления, а именно перечисление размеров штрафов в одной статье (ст. 105 ГПК РФ), указанные юридические инструменты способствует повышению эффективности российского судопроизводства [13, с. 36].

Рассматривая вопрос о судебном штрафе, необходимо обратить внимание на отдельные аспекты его реализации в практической плоскости. Так, критической оценке в научной литературе подвергается дифференцированный подход, применяемый в Российской Федерации при наложении штрафа в зависимости от правового статуса нарушителя: «юридического лица, индивидуального предпринимателя, должностного лица или «простого» гражданина». Например, Н.В. Макарейко и Д.А. Липинский указывают, что подобное законодательное закрепление не характерно для гражданского процесса зарубежных европейских стран и противоречит принципу равенства субъектов гражданских процессуальных правоотношений [10, с. 111]. С последним утверждением достаточно трудно согласиться, поскольку физическое лицо является наиболее слабой стороной с точки зрения юридической грамотности и профессионализма в отличие от должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. При этом доходы большинства граждан, проживающих

на территории Российской Федерации, значительно ниже, чем у названных участников правоотношений. Однако распространение размера штрафных санкций, предусмотренных ч. 1 ст. 105 ГПК РФ, в отношении организации (сто тысяч рублей) на граждан может привести к тяжелому материальному положению последних в силу невозможности их оплаты, что в свою очередь сподвигнет участников гражданского процесса реализовывать свои процессуальные права и обязанности в рамках правового поля. Таким образом, анализируемый дифференцированный подход наложения судебного штрафа в зависимости от правового статуса участника следует пересмотреть с целью реализации скорого правосудия посредством принуждения граждан к соблюдению норм гражданского процессуального права.

В качестве правового пробела в регулировании порядка наложения судебного штрафа, согласно гл. 8 ГПК РФ, следует выделить отсутствие механизма его обжалования. При этом в рамках российского арбитражного и административного судопроизводства такая возможность правонарушителю представлена, что противоречит идеям унификации гражданского и арбитражного процесса. Трудно согласиться с позицией Конституционного Суда РФ, оправдавшей наличие правового пробела и коллизии в российском праве [12]. Каждое лицо, подвергшееся государственному принуждению, имеет право поставить под сомнение законность действий соответствующего должностного лица или органа, в том числе и судов, обжаловав их. Для сравнения, гражданское процессуальное законодательство Узбекистана представляет возможность подачи частной жалобы (протеста) на определение о наложении судебного штрафа (ст. 149 ГПК Республики Узбекистан).

Правовой режим судебного штрафа как основного вида воздействия на участников гражданского процесса позволяет отдельным представителям отечественной науки охарактеризовать ответственность сторон гражданского процесса за действия, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, как разновидность административной (например, В.В. Гущин [8]). С такой позицией автора достаточно трудно согласиться, так как процессуальная и административная ответственность имеют различные цели и задачи, основания и механизм реализации. Уже перечисленные особенности процессуальной ответственности следует дополнить особым субъектным составом правоприменения. В качестве последних в отношении гражданской процессуальной ответственности выступают только судьи, в отличие, например, от административной ответственности, где предусмотрено значительное число субъектов административной юрисдикции (глава 23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9]). При этом сущность гражданской процессуальной ответственности заключается в незамедлительном (оперативном) реагировании на недобросовестное

поведение сторон и иных участников гражданского процесса.

Иные меры гражданской процессуальной ответственности также являются предметом научных дискуссий, например, компенсация за фактическую потерю времени, удаление из зала судебного заседания.

Следует отметить, что в ст. 168 ГПК Республики Беларусь в качестве мер процессуального воздействия названы: предупреждение; удаление из зала суда; привод (принудительное доставление в зал судебного заседания или иное место совершения процессуального действия); возложение обязанности на недобросовестных участников гражданского судопроизводства возместить судебные расходы в случаях, предусмотренных данным кодексом. Узбекский законодатель в качестве видов мер процессуального принуждения называет: привод, предупреждение; удаление из зала судебного заседания; судебный штраф (ст. 143 ГПК Республики Узбекистан).

Белорусский законодатель в качестве меры ответственности, характерной для гражданского процесса, определяет и компенсацию за фактическую потерю времени. Российский законодатель такой позиции не придерживается, закрепив ст. 99 ГПК РФ в главе 7, придав ей правовую природу судебных расходов. Отдельные представители юридической науки с такой нормативно-правовой позицией не согласны, «аргументируя свою позицию тем, что судебные издержки и компенсация имеют разные основания» [7, с. 118]. Российские суды в большей части придерживаются в своих решениях тенденции признания компенсации за фактическую потерю времени санкцией за противодействие правосудию. Думается, что данный правовой институт следует рассматривать как наказание за злоупотребление стороной своими процессуальными правами в целях затягивания гражданского процесса по конкретному делу. Следовательно, по своей природе данная компенсация является мерой процессуального воздействия. В этой части позиция белорусского законодателя, в отличие от российского, отражает сущность и назначение введения компенсации за фактическую потерю времени.

В отличие от судебного штрафа, компенсации за фактическую потерю времени, удаление из зала судебного заседания и привод свидетеля являются мерами процессуального воздействия дисциплинарного характера; но с дисциплинарной ответственностью, регулируемой нормами трудового законодательства, причинно-следственными отношениями они не связаны. Основанием для их применения является: нарушение правил нахождения в зале суда или уклонение свидетеля от явки в суд. В обоих случаях такое поведение участников гражданского процесса препятствует вынесению законного и обоснованного решения по делу. В то же время применение удаления из зала суда должно быть оправданным и обоснованным шагом в соотношении с конституционным правом человека на защиту своих интересов путем непосред-

ственного участия в судебном заседании. Поэтому удалению должно предшествовать предупреждение о недопустимости такого поведения. Если участник гражданского процесса продолжает поведение, нарушающее порядок в судебном заседании, или не подчиняется законным распоряжениям председательствующего, то он должен быть удален судом из зала заседания. С одной стороны, обеспечиваются конституционные права других участников на отправление правосудия в нормальных условиях, основанных на принципах законности, морали и нравственности. Но, с другой стороны, удаление из зала суда лишает возможности участника отстаивать свои интересы, в том числе образуется «информационная блокада» (неосведомленность о происходящем в суде в период его отсутствия). В отличие от норм российского гражданского процессуального законодательства, положения ГПК Республики Беларусь и Республики Узбекистан возлагают обязанность на председательствующего ознакомить лицо, вновь допущенное в зал судебного заседания, с процессуальными действиями, совершенными в его отсутствие (ст. 272 ГПК Республики Беларусь и ст. 145 ГПК Республики Узбекистан). Такое положение позволяет гарантировать, хотя и косвенно, конституционное право на защиту.

Наличие в отечественном и зарубежном процессуальном законодательстве ответственности сторон за действия, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, должно способствовать правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел, формированию уважительного отношения к закону и суду, а также противодействовать поведению, направленному на затягивание судебного процесса и злоупотреблению процессуальными правами.

Меры гражданской процессуальной ответственности направлены на защиту, прежде всего, процесса и суда, и только потом – интересов сторон.

Проведенный сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного гражданского процессуального законодательства отдельных стран показал, что в части правового регулирования ответственности сторон гражданского процесса за действия, препятствующие рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, отдельные положения ГПК РФ требуют дальнейшего совершенствования. В качестве глобальной трансформации норм российского гражданского процессуального законодательства следует признать на нормативно-правовом уровне наличие гражданской процессуальной ответственности и с учетом положительного опыта правовой системы Республики Беларусь выделить отдельную главу «Гражданская процессуальная ответственность», например, переименовав главу 8 ГПК РФ и изменив ее содержательную часть, с указанием оснований ее применения, системы мер процессуального воздействия и регламентом их реализации на практике. Но при этом в отличие от бело-

русского законодателя сохранить судебный штраф в качестве неотъемлемой меры наказания как наиболее эффективное средство воздействия имущественного характера на поведение участников гражданского процесса.

В то же время и правовая природа судебного штрафа в рамках гражданской процессуальной ответственности требует проведения дальнейшего реформирования. Необходимость восстановить справедливость, восполнить имеющийся пробел, с учетом положений ГПК Республики Узбекистан предоставить нарушителю право на обжалование определений о наложении судебного штрафа, дополнив ст. 105 ГПК РФ частью 6 в следующей редакции «6. На определение о наложении судебного штрафа может быть подана частная жалоба».

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.05.2022 № 33–18267/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/98243800-e7da-11ec-a073-c956b790f5f4> (дата обращения: 21.09.2023).
2. Валентик М.С., Шумов П.В. Затягивание гражданского процесса: виды неправомерного процессуального поведения и меры возможного противодействия // *Мировой судья*. 2020. № 10. С. 19–24.
3. Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года № 780-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.07.2023 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420065#pos=2418;-40&sdoc_params=text%3D%25D1%2588%25D1%2582%25D1%2580%25D0%25B0%25D1%2584%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30420065%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=25 (дата обращения: 29.09.2023).
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 года № 238-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.05.2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065&sub_id=1680000&pos=1230;-54#pos=1230;-54&sdoc_params=text%3D168%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30415065%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 15.09.2023).
5. Гражданский процессуальный Кодекс Республики Узбекистан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.04.2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36307998#pos=1394;-50&sdoc_params=text%3D%25D1%2588%25D1%2582%25D1%2580%25D0%25B0%25D1%2584%26mode%3Dindoc%26top-ic_id%3D36307998%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 17.09.2023).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2002. 18.11. № 46. Ст. 4532; *Собрание законодательства РФ*. 26.06.2023. № 26. Ст. 4687.
7. Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.15. Новосибирск, 2006. 207 с.
8. Гуцин В.В. Правовая природа штрафной процессуальной ответственности // *Административное право и процесс*. 2016. № 5. С. 63–66.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2002. 07.01. № 1 (ч. 1). Ст. 1; *Собрание законодательства РФ*. 2023. 07.08. № 32 (Часть I). Ст. 6158.
10. Макарейко Н.В., Липинский Д.А. Проблемы установления пределов процессуальной ответственности // *Вестник гражданского процесса*. 2021. № 1. С. 107–118.
11. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 5-е изд. М.: Дело, 2020. 528 с.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2017 № 698-О [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04042017-n-698-o/> (дата обращения: 24.09.2023).
13. Ярошенко Т.В. Реформирование гражданского процессуального законодательства: актуальные вопросы // *Мировой судья*. 2020. № 8. С. 35–38.

RESPONSIBILITY OF THE PARTIES TO CIVIL PROCEEDINGS FOR ACTIONS THAT PREVENT THE CONSIDERATION OF THE CASE AND THE ADOPTION OF A LAWFUL AND JUSTIFIED JUDICIAL ACT: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Kumsiashvili S.Z.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the comparative legal analysis of the norms of the civil procedural legislation of the Russian Federation and the Republics of Belarus, Azerbaijan, Uzbekistan and others in the context of the procedural responsibility of the parties and other participants in the case in order to identify positive foreign practices. The relevance of the study is justified by the increase in the number of cases of abuse by the parties to the dispute of their procedural rights, preventing the consideration of the case and the adoption of a legitimate and reasonable judicial act. It is noted that from the point of view of legal technique and logic of presentation of normative material, a systematic approach to the legal regulation of procedural measures is presented by the Belarusian legislator. The refusal of the Republic of Belarus to apply a court fine for procedural offenses is called as a critical remark. The socio-legal significance of further reform of the Russian civil procedural legislation is substantiated, taking into account the positive experience of the regulatory legal regulation of civil procedural liability in foreign countries, primarily the Republic of Belarus and Uzbekistan. A proposal has been made (by analogy with the legislation of the Republic of Belarus) to allo-

cate an independent chapter in the structure of the Civil Procedure Code of the Russian Federation devoted to civil procedural responsibility and fixing a system of measures of operational impact on the behavior of participants in civil proceedings in order to prevent them from delaying the consideration of a civil case. The significance (taking into account the experience of the Uzbek legislator) of the legal guarantee of the right of appeal by the violator of the court fine imposed on him is substantiated.

Keywords: procedural liability, civil procedural liability, measures of procedural influence, judicial fine, civil procedural legislation.

References

1. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 05/24/2022 No. 33-18267/2022 [Electronic resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/98243800-e7da-11e-c-a073-c956b790f5f4> (date of appeal: 09/21/2023).
2. Valentik M.S., Shumov P.V. Prolongation of the civil process: types of unlawful procedural behavior and measures of possible counteraction // *Justice of the Peace*. 2020. No. 10. pp. 19–24.
3. The Civil Procedure Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 28, 1999 No. 780-IQ) (with amendments and additions as of 06.07.2023). [Electronic resource]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420065#pos=2418;-40&sdoc_params=text%3D%25D1%2588%25D1%2582%25D1%2580%25D0%25B0%25D1%2584%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30420065%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=25 (date of application: 09/29/2023).
4. Civil Procedure Code of the Republic of Belarus No. 238-Z of January 11, 1999 (with amendments and additions as of 05/27/2021) [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065&sub_id=1680000&pos=1230;-54#pos=1230;-54&sdoc_params=text%3D168%-26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30415065%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (accessed: 09/15/2023).
5. The Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (with amendments and additions as of 04/26/2023) [Electronic resource]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36307998#pos=1394;-50&sdoc_params=text%3D%25D1%2588%25D1%2582%25D1%2580%25D0%25B0%25D1%2584%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D36307998%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (date of application: 09/17/2023).
6. The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of 14.11.2002 (as amended on 24.06.2023, with amendments. dated 20.07.2023) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2002. 18.11. No. 46. St. 4532; *Collection of legislation of the Russian Federation*. 26.06.2023. No. 26. St. 4687.
7. Grel Ya.V. Abuse of procedural rights by the parties in civil and arbitration proceedings: dis. ... cand. jurid. Sciences: 12.00.15. Novosibirsk, 2006. 207 p.
8. Gushchin V.V. The legal nature of punitive procedural liability // *Administrative law and process*. 2016. No. 5. pp. 63–66.
9. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (ed. of 04.08.2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. 07.01. No. 1 (Part 1). Article 1; *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. 07.08. No. 32 (Part I). Article 6158.
10. Makareiko N.V., Lipinsky D.A. Problems of establishing the limits of procedural responsibility // *Bulletin of Civil Procedure*. 2021. No. 1. pp. 107–118.
11. Matuzov N.I. Theory of state and law: textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. 5th ed. Moscow: Delo, 2020. 528 p.
12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 698-O dated 04.04.2017 [Electronic resource]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04042017-n-698-o/> (date of application: 09/24/2023).
13. Yaroshenko T.V. Reforming civil procedural legislation: topical issues // *Justice of the Peace*. 2020. No. 8. pp. 35–38.

Гражданско-правовые механизмы противодействия недобросовестной конкуренции

Тагибов Казбек Ахмедович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»

E-mail: resprofsci@gmail.com

В представленной статье исследуются меры противодействия недобросовестной конкуренции гражданско-правового характера в рамках правового поля Российской Федерации. Борьба за рынок сбыта товаров и услуг, неизбежная в экономике, основанной на свободном предпринимательстве, подчас носит характер противоборства с применением любых средств, среди которых есть и недобросовестные. Практика противодействия недобросовестному конкуренту позволила выработать некоторые вполне законные меры, с помощью которых добросовестные предприниматели могут сдерживать попытки нанести вред со стороны своих недобросовестных оппонентов, не обращаясь за помощью в публично-правовые образования, уполномоченные регулировать предпринимательскую деятельность на открытом рынке товаров и услуг. Целью настоящей статьи является поиск и представление наиболее эффективных гражданско-правовых инструментов для осуществления предпринимателем легального противодействия недобросовестному конкуренту. В статье рассмотрены понятие и сущность недобросовестной конкуренции, дана оценка ее опасности для предпринимателя и потребительского рынка, описаны известные гражданско-правовые методы противодействия, раскрыт их потенциал, отдано предпочтение некоторым из них в различных ситуациях. Сделаны выводы, указывающие на возможные варианты противодействия, используя которые, современный добросовестный предприниматель сможет вполне самостоятельно и легально препятствовать попыткам недобросовестного конкурента осложнить его деятельность на рынке товаров и услуг.

Ключевые слова: Недобросовестная конкуренция, противодействие, рынок товаров и услуг, правовое поле, легальные меры.

Введение

В современной экономике одним из движущих и поддерживающих ее факторов является поощряемая государством, свободная предпринимательская деятельность на рынке товаров и услуг, обеспечивающая удовлетворение соответствующих запросов потребителя указанных товаров и услуг и прибыль предпринимателя. Одной из задач государства в данной сфере является образование, поддержание предпринимательства путем создания четких правил и равных условий ведения бизнеса. В современном состоянии экономики одним из факторов, в наибольшей степени осложняющих предпринимательскую деятельность, продолжает оставаться недобросовестное поведение конкурентов. Если говорить о вреде, который приносит недобросовестная конкуренция рынку товаров и услуг, то к основным и общим ее негативным последствиям исследователи [1] относят подрыв нормального функционирования и развития рыночных отношений, дезорганизацию рынка, вследствие чего происходят и социально-значимые негативные последствия, распространяющиеся гораздо шире рыночной сферы. Это и сокращение числа рабочих мест, используемых для функционирования рынка; ускоренный рост цен; ухудшение качества и безопасности потребительских товаров и т.д. Проблема недобросовестной конкуренции не нова, однако список ее методов постоянно пополняется. Так с развитием информационного общества, недобросовестные конкуренты все больше используют как открытую, так и завуалированную искаженную информацию, фейки о компании-конкуренте, ее продукции, распространяемые в соцсетях и прочих информационных ресурсах. На основе такой, не соответствующей действительности информации, у потребителей формируется негативное отношение к деятельности компании и он отказывается от ее услуг, создавая ей необоснованный убыток и принося прибыль недобросовестному конкуренту. Данное обстоятельство, как и существующие масштабы недобросовестной конкуренции [2], позволяют обозначенной теме оставаться актуальной, привлекая к ней пристальное внимание как регулирующих органов, так и многих исследователей.

Развитие современных форм недобросовестной конкуренции, совершенствование в связи с этим различных сфер законодательства, расширение полномочий противодействующих этому явлению государственных органов – вот основные направления тематики, привлекающие внимание современных исследователей: К.А. Тагибова [3],

Д.С. Бордовой[4], Н.С. Малюткиной[5] и многих других. Однако ряд аспектов, одним из которых являются гражданско-правовые меры, которые предприниматель может самостоятельно, без обращения в уполномоченные органы использовать для противодействия недобросовестному конкуренту, освещены в научной литературе весьма слабо и поэтому являются предметом настоящего исследования. Его цель – выработка обособленного комплекса мер противодействия, в том числе предупреждения недобросовестной конкуренции, которые предприниматель может применить легально в рамках своего правового статуса. Гипотеза исследования – информационная открытость предпринимателя, его информационная активность на рынке товаров и услуг, способность активно защищать свою деловую репутацию являются одним из основных факторов противодействия недобросовестной конкуренции в современной ситуации.

Методы исследования

Для достижения озвученной цели представленного научного исследования был использован комплекс общенаучных и частно-научных методов, основанных на диалектическом подходе к познанию действительности. Среди них системно-структурный, исторический, статистический, формально-логический методы, дедукция. Данные методы позволили получить представление о современной ситуации с недобросовестной конкуренцией, обозначить наиболее острые проблемы, которые она несет и обосновать необходимость организации противодействия со стороны предпринимательского сообщества. Сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования позволили исследовать российскую модель правового регулирования в сфере рыночной конкуренции и ряд международных подходов, их эффективность, возможность использования в национальной практике. Информационными источниками подтверждения выдвинутой гипотезы исследования стали справочно-правовая информация, мнения исследований, изложенные в научных трудах по озвученной тематике, релевантная и актуальная информация, размещаемая на доверенных Интернет-сайтах.

Результаты

Понятие недобросовестной конкуренции представляется целесообразным рассматривать, исходя из определения легальной конкуренции, которая представляет собой соперничество, состязание, соревнование субъектов предпринимательской деятельности по продвижению схожих товаров и услуг на соответствующем потребительском рынке. При правомерности такого соревнования конкуренция, безусловно, является позитивным фактором, оказывая влияние на ценообразование, способствуя удалению с рынка неприспособленных и неэффективных производств, одновременно продвигая более качественные и эффективные. Тем самым

обеспечивается выход на рынок новых брендов и продуктов, формируется интерес потребителя, оказывающий благотворное влияние на развитие экономики. Однако довольно часто острое конкурентное противостояние предпринимателей в условиях «перенасыщенного» рынка подталкивает их к не совсем этичным, переходящим зачастую к явно незаконным методам сдерживания предпринимательской активности конкурента. Из сказанного легко сделать вывод, что соперничество, осуществляемое в рамках закона, является добросовестной конкуренцией. Конкурентная борьба, связанная с нарушением принятых на рынке традиций, нормативного регулирования и прав конкурента, является недобросовестной конкуренцией.

Недобросовестная конкуренция появилась в России после распада СССР, с усилением экономической роли частного предпринимательства. Классическими формами проявления недобросовестной конкуренции считались такие недозволенные методы, применяемые хозяйствующими субъектами против конкурентов, как демпинг, шантаж, террор, коррупция, насилие и др. Позже, с развитием отношений собственности и предпринимательства, появились новые формы нечестной конкуренции, такие как хищение сведений промышленной тайны, формирование корпораций, незаконное установление контроля над предприятием, незаконное использование товарных знаков, «пиратство» и др.

Вред, причиняемый хозяйствующим субъектам в результате недобросовестной конкуренции, можно разделить на два вида: материальные убытки и ущерб деловой репутации.

Защита рынка от недобросовестной конкуренции – это сложная задача, которая стоит перед государством. В первую очередь государство, в рамках осуществления законодательной функции, должно максимально четко определить правила, не допускающие недобросовестной конкуренции, которым должны неукоснительно, под страхом жестких санкций следовать все предприниматели. Затем государство должно осуществлять контроль соблюдения установленных правил, обеспечивать выявление нарушений и наказывать виновных. Эта задача возложена на многие государственные органы, прежде всего на Антимонопольную службу РФ, Федеральную службу по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, а также некоторые другие. Противодействие недобросовестной конкуренции и защита как предпринимателей, так и потребителей от недобросовестной конкуренции в рамках, обозначенных статусом предпринимателя, вправе осуществлять и сами субъекты предпринимательской деятельности, используя предусмотренные гражданским законодательством методы защиты гражданских прав, а также предусмотренные этим же законодательством организационные методы, о которых и пойдет дальнейшая речь.

Стоит отметить, что защита гражданских прав, нарушенных в результате проявления недобросо-

вестной конкуренции в России обеспечивается общими нормами ст. 15 ГК РФ [6], а также нормами о возможности взыскания убытков причиненных нарушением антимонопольного законодательства в ч. 3 ст. 37 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [7] (далее – Закон о защите конкуренции). Исследование означенных выше норм приводит к выводу об их общем характере, отсутствии учета специфики отношений в рассматриваемой сфере как между субъектами предпринимательской деятельности, так и между предпринимателем и потребителем.

Примером более детального регулирования может стать законодательство Германии, а именно Закон о недобросовестной конкуренции (UWG) [8], который, помимо более широкого представления определения недобросовестной конкуренции (к недобросовестной конкуренции относятся, кроме прочего, агрессивные коммерческие действия с использованием коммерческой неопытности контрагента) отражает специфику защиты нарушенных в результате такой деятельности прав. Основным способом борьбы с нарушениями в области недобросовестной конкуренции в Федеративной Республике Германии, согласно § 8 UWG, является также право требования прекращения противоправных действий. В случае возможности повторения действий, направленных на недобросовестную конкуренцию, субъекты, имеющие право на подачу иска о запрете на совершение тех или иных конкурентных действий, вправе требовать от хозяйствующего субъекта не повторять подобных действий в будущем. Кроме того, право требовать не совершения противоправных действий возникает даже тогда, когда действия еще не были совершены, но существует реальная опасность их совершения [9]. Также несомненным достижением германского законодателя является возможность взыскания в пользу бюджета полученной недобросовестным конкурентом выгоды. Такая норма позволяет наказать нарушителя в тех случаях, когда потерпевший субъект не в состоянии в силу различных причин доказать наличие и размер ущерба.

Таким образом, законодательство Германии содержит более действенный механизм защиты от недобросовестной конкуренции, способствуя самостоятельности хозяйствующих субъектов в распоряжении правом подачи разнообразных исков в защиту своих прав. Некоторые элементы германского опыта, такие как взыскание в бюджет необоснованно полученной выгоды, как представляется, могут быть эффективны и в Российском законодательстве.

Обсуждение

Необходимо отметить, что обращение к судебной защите нарушенных прав как один из гражданско-правовых способов противодействия недобросовестной конкуренции достаточно широко исследуется в российской научной литературе (К.Ю. Тотьев [10], С.Н. Кондратовская [11]). В современных исследова-

ниях отмечают несовершенство и несоответствия, имеющиеся в действующем гражданском законодательстве и законодательстве о конкуренции, имеющем в основном административный характер, что приводит к отсутствию в законодательстве в целом четкого выделения форм и способов противодействия нечестной предпринимательской борьбе [3].

Помимо перечисленных выше методов, основанных на возможности взыскания материального ущерба с недобросовестного конкурента, гражданское законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, позволяет добросовестному конкуренту-предпринимателю осуществить определенные организационные действия, позволяющие предотвратить недобросовестные действия, например завладения важной коммерческой информацией [12, 13]. Отмечается, что организация отдела безопасности в структуре коммерческого предприятия поможет защитить имеющуюся конфиденциальную информацию, тем самым предприятия-конкуренты не смогут похитить особо ценные и важные данные, планы развития компании или результаты интеллектуальной деятельности [1]. Предотвратить и препятствовать распространению недостоверной информации о деятельности компании может способствовать учреждение в ее структуре должности, на которой человек будет осуществлять мониторинг за информацией, касающейся конкретной фирмы, выявлять недостоверные сведения и опровергать их [1]. Открытость информации о компании, ее правдивые публикации в современных средствах массовой информации и коммуникации о качестве товаров и услуг, безопасности и экологичности производства, также должны способствовать предотвращению распространения недостоверной информации со стороны недобросовестных конкурентов. Кроме того, предприниматели вправе создавать объединения и саморегулируемые организации (ст. 3 Федерального закона от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях») [14], среди функций которых может быть сдерживание недобросовестной конкурентной активности.

Таким образом, законодательство Российской Федерации предоставляет предпринимателям право защищать себя от недобросовестной конкуренции, используя различные правовые и организационные меры защиты, в рамках действующего гражданского законодательства. В связи со сказанным справедливым представляется вывод исследователей, что в основе борьбы с недобросовестной конкуренцией должна лежать не антимонопольная политика, сужающая регулирующее действие законодательства, а конкурентная политика как более широкое и комплексное понятие, не ограничивающаяся лишь антимонопольной политикой, как это делается в настоящее время при принятии государственных управленческих решений и разработке соответствующего законодательства в данной сфере [1]. Действенная конкурентная политика невозможна без промышленной, инвестиционной, бюджетно-налоговой, ценовой политик, а также

гражданско-правовой политики – в той их части, в которой они влияют на состояние конкурентной среды и развитие конкуренции.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о наличии возможности для предпринимателей осуществлять самостоятельную защиту своих интересов от недобросовестной конкуренции, которую предоставляет им российское законодательство, в частно-правовом порядке. Наиболее эффективным в данном случае, представляется комплексное сочетание возможностей и усилий государства, предпринимательского сообщества и отдельного предпринимателя в решении проблем недобросовестной конкуренции. Активность каждого предпринимателя, которую он имеет возможность проявлять в формах, рассмотренных выше, будет несомненно способствовать успеху противодействия недобросовестной конкуренции. Таким образом, гипотеза исследования доказана. В рамках настоящей статьи, ввиду ограничений по объему, не удалось отразить подробно все аспекты мер защиты от недобросовестной конкуренции, которые может использовать предприниматель. Некоторые из них, например возможности противодействия фейкам, направленным на осуществление недобросовестной конкуренции, могут стать предметом будущих исследований.

Литература

1. Лазаренко Т.В., Удычак Ф.Н., Чеботарева И.Ю. Противодействие недобросовестной конкуренции в Российской Федерации//Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98–4. С. 8–14.
2. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год (Электронный ресурс) – <https://fas.gov.ru/documents/685117> (Дата обращения: 09.10.2023)
3. Тагибов К.А. Правовые механизмы (средства) противодействия недобросовестной конкуренции//Теория и практика общественного развития. 2023. № 7 (183). С. 304–310.
4. Бордова Д.С. Недобросовестная конкуренция: понятие, сущность, основные направления противодействия/В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: С.А. Буткевич, И.А. Петрожицкая, А.В. Гончарова [и др.], под общей редакцией С.А. Буткевича. Краснодар, 2022. С. 411–413.
5. Малюткина Н.С. Некоторые аспекты противодействия недобросовестной конкуренции в Российской Федерации/В сборнике: Инновации в образовательном процессе. Сборник трудов Международной научно-практической конференции. Редакционная коллегия: Агафонов А.В. [и др.]. Чебоксары, 2022. С. 437–439.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (Редакция от 24.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (Дата обращения: 09.10.2023)
7. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (редакция от 10.07.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763 (Дата обращения: 09.10.2023)
8. Das Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb // Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz [Die elektronische Ressource]. – 2018. – Das Regime des Zuganges: https://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004 (Дата обращения: 09.10.2023)
9. Городник М.А. Сравнительно-правовой анализ ответственности за недобросовестную конкуренцию по законодательству республики Беларусь и Федеративной республики Германии// В сборнике: 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Материалы конференции. В 3-х частях. Редколлегия: В.Г. Сафонов [и др.]. 2018. С. 354–357.
10. Тотьев К.Ю. Понятие «конкуренция» в анти-монопольном законодательстве // Хозяйство и право. 2011. № 2 (409). С. 60–68.
11. Кондратовская С.Н. Правовые проблемы пресечения недобросовестной конкуренции на товарных рынках: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 211 с.
12. Minich S.A. Improving the System of Mandatory Requirements to Business under the Digital Transformation of Economy. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(3). P. 775–802. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.34>.
13. Sadriev R.D., Mullakhmetov K.S., Akhmetshin E.M. Russian business medium: competition problems // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6. № S8. P. 30–38.
14. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» [Электронный ресурс] – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (Дата обращения: 09.10.2023)

CIVIL LAW MECHANISMS FOR COUNTERING UNFAIR COMPETITION

Tagibov K.A.

Russian State Academy of Intellectual Property (RSAIP)

The presented article examines measures to counter unfair competition of a civil nature, within the legal framework of the Russian Federation. The struggle for the market for goods and services, inevitable in an economy based on free enterprise, sometimes has the character of confrontation with the use of any means, among which there are unscrupulous ones. The practice of countering an unfair competitor has allowed us to develop some quite legitimate measures by which bona fide entrepreneurs can restrain attempts to harm their unscrupulous opponents without seeking help from public legal entities authorized to regulate entrepreneurial activity on the open market of goods and services. The purpose of this article is to search for and present the most effective civil legal instruments

for an entrepreneur to legally counteract an unfair competitor. The article examines the concept and essence of unfair competition, assesses its danger to the entrepreneur and the consumer market, describes well-known civil law methods of counteraction, reveals their potential, and gives preference to some of them in various situations. Conclusions are drawn indicating possible counteraction options, using which a modern conscientious entrepreneur will be able to completely independently and legally prevent attempts by an unscrupulous competitor to complicate his activities in the market of goods and services.

Keywords: Unfair competition, counteraction, goods and services market, legal field, legal measures.

References

1. Lazarenko T.V., Udychak F.N., Chebotareva I. Yu.
1. Countering unfair competition in the Russian Federation // Trends in the development of science and education. 2023. No. 98–4. pp. 8–14.
2. Report on the state of competition in the Russian Federation for 2018 (Electronic resource) – <https://fas.gov.ru/documents/685117> (Access date: 10/09/2023)
3. Tagibov K.A. Legal mechanisms (means) to combat unfair competition//Theory and practice of social development. 2023. No. 7 (183). pp. 304–310.
4. Bordova D.S. Unfair competition: concept, essence, main directions of counteraction / In the collection: Ensuring public safety and combating crime: tasks, problems and prospects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Editorial Board: S.A. Butkevich, I A. Petrozhitskaya, A.V. Goncharov [and others], under the general editorship of S.A. Butkevich. Krasnodar, 2022. pp. 411–413.
5. Malyutkina N.S. Some aspects of combating unfair competition in the Russian Federation/In the collection: Innovations in the educational process. Collection of proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editorial Board: Agafonov A.V. [and etc.]. Cheboksary, 2022. pp. 437–439.
6. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) November 30, 1994 N 51-FZ (As amended on July 24, 2023, as amended and supplemented, entered into force on October 1, 2023)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (Date of access: 10/09/2023)
7. Federal Law “On the Protection of Competition” dated July 26, 2006 N 135-FZ (as amended on July 10, 2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763 (Date of access: October 9, 2023)
8. Das Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb // Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz [Die elektronische Ressource]. – 2018. – Das Regime des Zuganges: https://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004 (Access date: 10/09/2023)
9. Gorodnik M.A. Comparative legal analysis of liability for unfair competition under the legislation of the Republic of Belarus and the Federal Republic of Germany // In the collection: 75th scientific conference of students and graduate students of the Belarusian State University. Conference materials. In 3 parts. Editorial Board: V.G. Safonov [and others]. 2018. pp. 354–357.
10. Totyev K. Yu. The concept of “competition” in antimonopoly legislation // Economy and Law. 2011. No. 2 (409). pp. 60–68.
11. Kondratovskaya S.N. Legal problems of suppressing unfair competition in commodity markets: dis. ...cand. legal Sci. St. Petersburg, 2005. 211 p.
12. Minich S.A. Improving the System of Mandatory Requirements to Business under the Digital Transformation of Economy. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(3). P. 775–802. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.34>.
13. Sadriev R.D., Mullakhmetov K.S., Akhmetshin E.M. Russian business medium: competition problems // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6. № S8. P. 30–38.
14. Federal Law of December 1, 2007 N 315-FZ (as amended on July 2, 2021) “On Self-Regulatory Organizations” [Electronic resource] – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (Date of access: 10/09/2023)

Признание фактов в административном судопроизводстве: дифференциация с гражданским и арбитражным судопроизводствами

Тряпочкин Никита Андреевич,

кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева
E-mail: nick109usla@gmail.com

Кулюшин Евгений Николаевич,

кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева
E-mail: e.n.kulyushin@usla.ru

Статья содержит обзор результатов проведенного авторами компаративного исследования гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, в контексте выявления, перечисления и анализа отличительных характеристик правовой природы института судебного признания фактов (далее – судебное признание). Ученые полагают, что представленная ими ранее классификация общих, применительно к указанным видам судопроизводства, базовых свойств судебных признаний нуждается в дополнении, путем выявления, в том числе, и их дифференцирующих качеств. Авторы, по ходу работы, обращаются к следующим вопросам – по каким категориям административных дел можно заявить признание, кто может воспользоваться таким правом, что выступает предметом признания, как оно трансформируется, а также как соотносится заявление признаний фактов с защитой публичного интереса в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: судебное признание, освобождение от доказывания, факты, кодекс административного судопроизводства, суд.

Судебное признание фактов, как уже не раз было сказано, в том числе и в авторских исследованиях, представляет собой уникальное правовое явление, сущность и отдельные характеристики которого могут изменяться, как в зависимости от типа судопроизводства, так и от того, какой именно теории его природы придерживается конкретный исследователь [8, с. 45–47; 4, с. 258].

Напомним, что всего таких теорий за всю историю развития названного института в отечественном праве было разработано три:

1) Доказательственная теория, согласно которой признание является не более, чем обычным средством доказывания, которое подлежит исследованию судом наряду со всеми другими имеющимися в деле доказательствами [5, с. 127–130; 6, с. 411];

2) Распорядительная теория, авторы которой утверждали, что признание суть есть выражение воли лица, участвующего в деле, которым оно, обращаясь к суду, освобождает своего процессуального оппонента от обязанности доказывать конкретные факты, необходимые к установлению в деле [2, с. 197–198; 9, с. 292–294];

3) Смешанная теория, комбинирующая части двух указанных выше учений, описывающая механизм работы признания следующим образом – сначала оно выступает в процессе лишь как средство доказывания, а затем, по итогу исследования судом, преобразуется в распорядительный акт стороны, направленный на освобождение противника от доказывания отдельного факта или группы фактов [1, с. 356–370].

Теперь непосредственно о дифференцирующих свойствах судебных признаний, в соотношении административного судопроизводства с гражданским и арбитражным.

1. В отличие от гражданского и арбитражного судопроизводства не все категории дел, указанные в кодексе административного судопроизводства (далее – КАС РФ) позволяют лицам, участвующим в деле, заявить признание фактов. Перечень дел, где использование анализируемого института видится нам возможным, как мы полагаем, выглядит так:

а) производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов (глава 21 КАС РФ);

б) производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления... (глава 22 КАС РФ);

в) производство по административным делам, рассматриваемым Дисциплинарной коллегией

Верховного Суда Российской Федерации (глава 23 КАС РФ);

г) производство по административным делам об оспаривании результатов кадастровой стоимости (глава 25 КАС РФ);

д) производство по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни (глава 31.1 КАС РФ);

е) производство по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций (глава 32 КАС РФ).

Все перечисленные выше категории дел, в контексте сопоставления с другими, которые не вошли в список, отличаются тем, в них действительно есть спорящие, в традиционном для этого термина понимании, субъекты. Например, глава 21 КАС РФ прямо указывает на конфликт между лицом, которое считает, что конкретный нормативно правовой акт нарушает его права и органом, который соответствующий акт принял. Глава 32 КАС РФ разрешает вопросы между органом, взимающим установленные законом платежи, и субъектом, который полагает, допустим, что он освобожден от необходимости их уплаты. И так далее.

В то же самое время, такие споры, как например, принудительная госпитализация гражданина в противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (глава 31 КАС РФ), фактически не предполагают спорность, как в ее естественном виде. Есть организация, по утверждениям которой процессуальный оппонент, находясь на свободе, создает угрозу всем находящимся вокруг него лицам. Ему противопоставлен интерес предполагаемого больного, который, возможно, даже и не осознает характер угрозы и настаивает, что в госпитализации нет нужды. Возникает закономерный вопрос – какие именно факты могут быть ими признаны? Организации признавать нечего в силу того, что ей необходимо доказать негативное состояние здоровья процессуального оппонента, что возможно лишь путем мотивированного и надлежащим образом оформленного заключения комиссии врачей о необходимости пребывания гражданина в медицинской организации. Предполагаемому больному, на чьей госпитализации так активно настаивает орган, необходимо, и, кстати говоря, вовсе не факт, доказать, что его физическое состояние не несет угрозы окружающим, что, опять же, решается посредством составленного заключения комиссии врачей. Установление каких-то иных фактов или обстоятельств, предшествующих указанным событиям, вообще не интересует суд. Отсюда, мы и задаемся вопросом – как определяется предмет признания, в контексте такого течения судебного процесса, где необходимым и достаточным доказательством является заключение комиссии врачей.

Тем самым, мы полагаем, что КАС РФ содержит в себе отдельные категории дел, как, напри-

мер, анализируемая выше, где институт признания фактов вообще непригоден к существованию. Сюда же будут относиться, например, госпитализации в психиатрический стационар (глава 30 КАС РФ), производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания (глава 31.2 КАС РФ) и другие.

Отдельно заметим, что признание результатов заключения комиссии врачей не является судебным признанием в анализируемом контексте, поскольку, признавая результаты заключения, будущий госпитализируемый фактически признает предъявленные к нему исковые требования. Да, и вообще, вряд ли можно говорить о признании результатов заключения, поскольку они носят объективный характер.

В то же самое время, оговоримся, что КАС РФ предусматривает две категории дел, где ситуация можем определенным образом варьироваться, под наличием определенных условий. Речь идет о главах 27.1 и 27.2 КАС РФ, посвященных рассмотрению судом дел о признании размещенных в информационно-телекоммуникационной сети интернет материалов либо запрещенными к распространению, либо экстремистскими. Видится, что процесс рассмотрения дела может очевидным образом меняться в зависимости от того установлено ли лицо, разместившее конкретные материалы. Если да, то оно может заявить признание, связанное с ними. Если не установлено, то институт судебного признания здесь, как и в ситуации с главой 31 КАС РФ вряд ли может функционировать.

2. Специальный предмет признания [7, с. 34; 3, с. 62]. Говоря о предмете признания, в предшествующем исследовании, мы рассматривали 3 его возможных ипостаси:

1) признание отдельного факта (обстоятельства);

2) признание представленного к исследованию судом, одним из лиц, участвующих в деле, средства доказывания;

3) признание правовой квалификации правоотношений, на которой настаивают обе спорящие стороны.

Думается, что применительно к административному судопроизводству в нем могут существовать только лишь два из указанных предмета признаний – отдельного факта и средства доказывания.

Признавать отдельный факт в административном судопроизводстве, очевидно, допустимо. Например, в спорах по главе 32 КАС РФ лицо, обязанное к уплате соответствующих платежей, может подтвердить, что контролирующий орган обращался к нему с требованием о внесении в бюджет (или его счет) соответствующих денежных сумм.

Признавать представленное в процесс средство доказывания тоже видится вполне разумным. Положим, по делам об оспаривании произведенной кадастровой оценки, орган, назначенный к ее проведению, согласится с документом, содержащим

ранее произведенную оценку, которую в настоящем процессе оспаривает истец.

А вот признание правовой квалификации отношений между спорящими субъектами, когда суд рассматривал бы дело, отталкиваясь от того, как сами процессуальные оппоненты видят сложившиеся между ними правоотношения, как предшествующие, так и положившие начало спора, думается, в административном судопроизводстве недопустимо. Объяснить это довольно просто – административное судопроизводство, в отличие от гражданского и арбитражного, не предполагает, чтобы спорящие находились между собой в равных правоотношениях. Все содержащиеся в КАС РФ споры представляют собой конфликты, возникшие из отношений власти и подчинения соответствующих субъектов.

3. Субъектный состав участников судебных разбирательств, кто по закону имеет возможность заявить суду признание факта. Представители органов государственной и муниципальной власти, а также отдельные их должностные лица, могут заявлять признание, по отдельным категориям дел в административном судопроизводстве.

Например, такого рода случаем может выступать глава 22 КАС РФ. Орган, который по закону обязан доказать отсутствие, например, факта бездействия своего сотрудника, имеет материально-правовую заинтересованность в разрешении судом возникшего спора в свою пользу, поскольку, в случае проигрыша дела, на него будет возложена обязанность по компенсации определенных средств за доказанный факт бездействия должностного лица. В качестве рядового примера, который бы полностью соответствовал представленной выше абстрактной ситуации, могут выступать споры с судебными приставами, которые, зачастую, затягивают исполнение, имеющих исполнителей производств.

Тем самым, определяющим фактором, для нас, здесь служит наличие или отсутствие материально-правового интереса участников процесса. И, очевидно, что в отличие от гражданского и арбитражного судопроизводства, органы государственной власти и местного самоуправления в административном судопроизводстве по многим категориям дел выступают, как заинтересованные в разрешении спора в их пользу субъекты процессуальных правоотношений.

4. Спорный характер применения распорядительной теории понимания правовой природы признаний. Если задуматься, то реализация положений распорядительной теории, в контексте применения института судебного признания в административном судопроизводстве, видится весьма сомнительной идеей. Вряд ли в кодексе можно найти хотя бы несколько, или даже одну, категорию дел, где лицо, участвующее в деле, своим признанием, освобождало бы своего процессуального оппонента от необходимости доказывания отдельных фактов. Почему так? Видится, что это обусловлено специальными правилами распределения бремени

доказывания, правовыми презумпциями, которых в КАС РФ абсолютное большинство, если проводить некую параллель с гражданским и арбитражным процессуальными законодательствами.

Например, по делам об оспаривании нормативных правовых актов, которые нарушают чье-либо право, бремя доказывания лежит на органе, принявшим оспариваемый акт. По делам об оспаривании действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, обязанность доказать свою «невиновность» возложена законом на сам орган. По делам об оспаривании результатов оценки кадастровой стоимости правильность ее проведения и соблюдения при этом всех необходимых расчетов и нормативов вновь лежит на органе кадастра и картографии соответствующего уровня.

Отсюда, КАС РФ, в целом, не предполагает использование распорядительной теории понимания правовой природы судебного признания. Волеизъявление лиц, участвующих в рассмотрении судами административных споров попросту не учитывается судом, поскольку в первую очередь суд нацелен на учет публичных интересов, а вовсе не интересов отдельных участников сложившихся спорных процессуальных правоотношений.

Литература

1. Васьковский Е.В. К вопросу о значении признания в гражданском процессе (Ответ проф. Т.М. Яблочкову) // Право: еженедельная юрид. газ. Петроград, 1915. № 6. С. 356–370;
2. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 411 с.
3. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 72 с.
4. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс: учеб. пособие / под ред. М.А. Фокиной. М.: Статут, 2014. 496 с.
5. Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук магистра гражданского права. СПб: Тип. II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1856. 204 с.
6. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: собственность, обязательства и средства судебного хранения: юридические очерки. СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1877. Т. 1. 447 с.
7. Пучинский В.К. Признание стороны в советском гражданском процессе. М., 1955. 100 с.
8. Шеменева О.Н. Правовая природа признания сторонами обстоятельств гражданских дел: история вопроса // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. С. 45–47.

9. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. М., 1912. 632 с.
10. Яблочков Т.М. Материальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 3. С. 84–139.

ADMISSION OF FACTS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDING: DIFFERENCE WITH CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article contains an overview of the results of a comparative study of civil, arbitration and administrative proceedings conducted by the authors, in the context of identifying, listing and analyzing the distinctive characteristics of the legal nature of the institution of admission of facts (hereinafter referred to as admission). Scientists believe that the comparative study they presented earlier of the general, in relation to the indicated types of legal proceedings, the basic properties of admission obviously need to be supplemented by identifying their differentiating qualities. The authors, in the course of their work, address the following questions – in what categories of administrative cases can admission be made, who can exercise such a right, what is the subject of admission, how it is transformed, and also how admission of facts correlates with the protection of public interest in administrative proceedings.

Keywords: admission, exemption from proof, facts, code of administrative procedure, court.

References

1. Vaskovsky E.V. On the question of the meaning of admission in civil proceedings (Answer to Prof. T.M. Yablochkov) // Law: weekly legal. gas. Petrograd, 1915. No. 6. P. 356–370;
2. Golmsten A. Kh. Textbook of Russian civil proceedings. 5th ed., corrected and expanded St. Petersburg: M. Merkushev's printing house, 1913. 411 p.
3. Kleinman A.F. Basic questions of the theory of evidence in Soviet civil proceedings. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 72 p.
4. Course of evidence law: Civil procedure. Arbitration process: textbook. manual / ed. M.A. Fokina. P.h.: Statute, 2014. 496 p.
5. Mikhailov M.M. Russian civil proceedings in its historical development from the Code of 1649 to the publication of the Code of Laws: discussion for the degree of Doctor of Law, Master of Civil Law. SPb: Type. II department of the Own E.I.V. Chancellery, 1856. 204 p.
6. Pakhman S.V. Common civil law in Russia: property, obligations and means of judicial custody: legal essays. SPb.: P.h. 2 d. E.I.V. O., 1877. T. 1. 447 p.
7. Puchinsky V.K. Admission of a party in Soviet civil proceedings. M., 1955. 100 p.
8. Shemeneva O.N. The legal nature of admission by the parties of the circumstances of civil cases: history of the issue // Arbitration and civil process. 2010. No. 1. P. 45–47.
9. Engelman I.E. Course of Russian civil proceedings. M., 1912. 632 p.
10. Yablochkov T.M. Material characteristics of the concept of admission in civil proceedings // Journal of the Ministry of Justice. 1915. No. 3. P. 84–139.

Особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным приобретением наркотических средств или психотропных веществ в сети Интернет

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы правильности квалификации и обоснованности назначения наказания за преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ – «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества». Автор анализирует ситуации, при которых указанные преступления совершаются с использованием телекоммуникационной сети Интернет. В статье исследуются обстоятельства рассмотрения уголовного дела, при рассмотрении которого в ходе судебного разбирательства подсудимый в качестве версии защиты указал, что намеревался приобрести наркотическое средство в размере меньшем, чем тот, который был у него изъят. Автор исследует решения, принятые по настоящему делу суд первой инстанции, а также апелляционной и кассационной инстанций. При этом приводятся доводы, согласно которым обоснованным является решение, принятое судом кассационной инстанции об отмене решений судов первой и апелляционной инстанций. В заключении статьи автор делает вывод о том, как следует квалифицировать соответствующее деяние при подобных обстоятельствах, в частности с учетом указанных показаний подсудимого и представленных им доказательств.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, наркотическое средство, психотропное вещество, размер наркотического средства, значительный размер, крупный размер.

Следует признать, что в последние годы все более распространённым становится такое преступление как сбыт наркотических средств или психотропных веществ в телекоммуникационной сети Интернет. Появление различных каналов и технических средств, формирующих анонимные продажи влечет существенные проблемы в правоприменении. [1]

Приобрести наркотик или психотропное вещество становится всё проще – достаточно сделать заказ по телефону или по электронной почте, а затем перевести определенную денежную сумму через определенный электронный ресурс, например через KIVI – кошелек. Затем оператор называет место, где покупатель может найти «закладку», то есть упаковку с соответствующим наркотиком.

При совершении подобных покупок нередко ситуация, при которой покупатель в «закладке» получает не тот размер или не тот вид наркотика или психотропного вещества, о котором он договаривался. Например, масса наркотика может быть больше или меньше, чем та, о которой договаривались при покупке. При этом, с учётом того, что обычно наркотики приобретаются в размере нескольких граммов или долей грамма, то масса может быть больше в разы, что, естественно, сказывается на санкции, предусмотренной за соответствующее преступление. Подобная «ошибка» может повлечь за собой увеличение наказания в виде лишения свободы за действия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в два – три раза.

Так, приговором Слободского районного суда Кировской области от 11.04.2022 г., [2] С. осужден по ст. 228 ч. 1 УК РФ к наказанию в виде одного года лишения свободы. На основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров, путем частичного присоединения к наказанию, назначенному по данному приговору, неотбытой части наказания по приговору Омутнинского районного суда Кировской области от 02.11.2021 года, С. окончательно назначено наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении.

При этом изначально органом предварительного расследования С. инкриминировалось преступление, предусмотренное ст. 228 ч. 2 УК РФ, то есть незаконные приобретение и хранение нар-

котического средства в крупном размере. Однако судом указанная статья была переквалифицирована на ст. 228 ч. 1 УК РФ на том основании, что, согласно показаниям С., данным в качестве подсудимого, сам он собирался приобрести именно 1 грамм наркотика, то есть значительный размер, а фактически же при покупке ему передали наркотик в размере 1,1 грамма, то есть в крупном размере.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 01.06.2022 г. приговор Слободского районного суда Кировской области от 11.04.2022 г. оставлен без изменения.

Однако, по кассационному представлению прокуратуры, Шестой кассационный суд общей юрисдикции определением от 22.09.2022 г. отменил

приговор Слободского районного суда Кировской области от 11.04.2022 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 01.06.2022 г. в отношении С. и передал уголовное дело на новое судебное разбирательство в Слободский районный суд Кировской области в ином составе.

Свое решение суды первой и апелляционной инстанций мотивировали тем, что С. не мог знать, что приобретенный им наркотик имеет массу более 1 грамма, пакет с наркотиком он не вскрывал и не взвешивал, поэтому умысел его был направлен на приобретение наркотического средства в значительном размере, наркотик в большем размере он приобретать не собирался, поэтому квалификация его действий как незаконных приобретения и хранения наркотического средства в крупном размере необоснованна.

Свое показания, данные в ходе предварительного расследования и судебного заседания, С. традиционно, как и обвиняемые по ряду сходных уголовных дел, подтверждает своей перепиской в сети Интернет, согласно которой он заказывал и оплачивал наркотическое средство массой именно 1 грамм, то есть в количестве, являющемся значительным размером.

С нашей точки зрения, судебная практика квалификации подобных деяний лишь по умыслу сама по себе влечет для лиц, незаконно приобретающих наркотические средства и психотропные вещества, неограниченные возможности избежать уголовной ответственности. В самом деле, нетрудно создать в телефоне или компьютере переписку, свидетельствующую об умысле приобрести наркотическое средство или психотропное вещество в размере, вообще не предусматривающем уголовной ответственности за незаконное приобретение и хранение, то есть в размере меньшем, чем соответствующий предусмотренный уголовным законом значительный размер. Таким образом, исходя из указанной позиции судов первой и второй инстанций, подобная переписка в совокупности с подтверждающими ее показаниями обвиняемого влечёт освобождение его от уголовной ответственности за приобретение и хранение любой массы нарко-

тика и квалификацию действий виновного как административного правонарушения.

Напротив, по нашему мнению, абсолютно обоснованной является позиция суда кассационной инстанции, согласно которой приговор суда и решение апелляционной инстанции отменены.

Действительно, как указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», [3] «ответственность по части 1 ст. 228 УК РФ за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, ... наступает в тех случаях, когда ... количество каждого такого средства... в отдельности без их сложения составило значительный размер, либо по части 2 или 3 настоящей статьи – при совершении аналогичных действий... в отношении указанных средств ... в крупном размере или в особо крупном размере соответственно; незаконным приобретением без цели сбыта наркотических средств ..., надлежит считать их получение любым способом, в том числе покупку...».

Таким образом, с учетом позиции Верховного Суда РФ, ответственность за незаконные приобретение и хранение наркотических средств наступает за совершение указанных действий с тем размером наркотических средств, который является значительным, крупным или особо крупным фактически.

Позиция обвиняемого о том, что его умыслом не охватывалось приобретение наркотического средства в крупном размере, противоречит указанной позиции Верховного Суда РФ, согласно которой размер наркотического средства оценивается по фактической массе приобретенного наркотика, а не по имевшемуся у виновного умыслу.

Незаконно приобретая наркотическое средство, виновный, являясь вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, заведомо знает или допускает, что данная сделка, совершаемая вне правового поля, не регулируется требованиями законодательства и не может быть обжалована в правоохранительных органах или в суде. То есть в данном случае виновный внутренне готов к тому, что данная незаконная сделка купли – продажи наркотического средства может быть совершена с большим количеством всевозможных нарушений. В том числе возможны продажа виновному наркотического средства в ином, не обговоренном заранее размере – большем или меньшем, продажа ему иного наркотического средства или психотропного вещества, продажа смеси различных наркотических средств, продажа вещества, заведомо не являющегося наркотиком и т.д.

Поэтому, приобретая наркотик подобным незаконным образом, виновный сам, добровольно принимает на себя все возможные последствия подобной незаконной сделки, в том числе и следующую за ней уголовную ответственность за незаконные

приобретение и хранение наркотика именно в том размере, который им приобретен фактически.

Как известно, сам по себе умысел на совершение преступления уголовно не наказуем, наказуемо лишь общественно – опасное деяние, совершенное с преступным умыслом. Описанная ситуация влечет прямые параллели с ситуациями, когда лицо, намереваясь совершить любое хищение, похищает имущество на большую сумму, нежели предполагалось; либо же когда лицо, применяя насилие, причиняет вред здоровью больший, нежели охватывалось его умыслом; либо же, имея первоначальный умысел на совершение менее тяжкого преступления – например, кражи – совершает более тяжкое преступление – грабеж или разбой. Во всех подобных случаях, вне зависимости от первоначального умысла, как предусмотренное статьей УК РФ преступление расценивается только окончательно совершенное деяние, при этом один лишь умысел никаким охраняемым законом общественным отношениям не угрожает.

Это следует, например, из п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [4]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что незаконные приобретение и хранение наркотических средств через сеть Интернет квалифицируются только в зависимости от массы фактически изъятого у виновного определенного наркотика, вне зависимости от того какое, в каком составе и в каком количестве запрещенное в гражданском обороте вещество виновный намеревался приобрести.

Литература

1. Фимин, В.А. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228 УК РФ): проблемы квалификации и правоприменения / В.А. Фимин. // Молодой ученый. – 2022. – № 41 (436). – С. 207–209.
2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2022 г. № 77–5079/2022 URL: <https://судебныерешения.рф/69176798> (дата обращения 11.10.2023 г.).
3. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства /сост.А. Г. Хлебушкин- 6-е изд. – Москва: Проспект, 2023. – 672 с. С. 87–88.

4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства /сост.А. Г. Хлебушкин- 4-е изд. – Москва: Проспект, 2021. – 512 с. С. 46.

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL ACQUISITION OF NARCOTIC DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES ON THE INTERNET

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of the correctness of qualification and justification of sentencing for crimes under Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Illegal acquisition, storage, transportation, manufacture, processing of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, as well as illegal acquisition, storage, transportation of plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or their parts, containing narcotic drugs or psychotropic substances”. The author analyzes the situations in which these crimes are committed using the Internet telecommunications network. The article examines the circumstances of the consideration of a criminal case, during which, during the trial, the defendant indicated as a defense version that he intended to purchase a narcotic drug in a smaller amount than the one that was seized from him. The author analyzes the situations in which these crimes are committed using the Internet telecommunications network. The article examines the circumstances of the consideration of a criminal case, during which, during the trial, the defendant indicated as a defense version that he intended to purchase a narcotic drug in a smaller amount than the one that was seized from him. The author examines the decisions taken in this case by the court of first instance, as well as the appellate and cassation instances. At the same time, arguments are given according to which the decision taken by the court of cassation instance to cancel the decisions of the courts of the first and appellate instances is justified. In the conclusion of the article, the author concludes how the relevant act should be qualified under such circumstances, in particular, taking into account the testimony of the defendant and the evidence presented by him.

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, narcotic drug, psychotropic substance, size of narcotic drug, significant size, large size.

References

1. Fimin, V.A. Illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of qualification and law enforcement / V.A. Fimin. //Young scientist. – 2022. – № 41 (436). – P. 207–209.
2. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 29.09.2022 No. 77–5079/2022 URL: <https://судебныерешения.рф/69176798> (accessed 11.10.2023).
3. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: issues of application of criminal legislation /comp. A.G. Khlebushkin- 6th ed. – Moscow: Prospekt, 2023. – 672 p.p.87–88.
4. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: issues of application of criminal legislation /comp. A.G. Khlebushkin- 4th ed. – Moscow: Prospekt, 2021. – 512 p.p.46.

О возможных субъектах предъявления гражданского иска и недостатках законодательного регулирования его разрешения в уголовном судопроизводстве

Мартыненко Сергей Борисович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
E-mail: martyncomorder@mail.ru

В статье, во-первых, обращается внимание на то, что действующий уголовно-процессуальный закон не определяет возможного круга физических и юридических лиц, предъявлению гражданского иска которыми не предшествует наделением их статусом потерпевших. Не определяет УПК РФ также и тех обстоятельств, при которых данная ситуация является допустимой. Между тем, в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации такие лица и обстоятельства, по мнению автора, выделены более или менее чётко. На данном основании предлагается дополнить УПК РФ перечнем соответствующих субъектов и обстоятельств. Во-вторых, в статье указывается на отсутствие в УПК РФ аккумулированного в отдельных его статьях исчерпывающего спектра как самих процессуальных решений, могущих быть принятыми по гражданскому иску, так и оснований их принятия в досудебном и судебном производствах по уголовному делу. Это расценивается автором как очевидный законодательный пробел, подлежащий скорейшему восполнению, в том числе посредством использования приводимой в статье классификации соответствующих решений.

Ключевые слова: гражданский иск в уголовном судопроизводстве, предъявление гражданского иска, гражданский истец, разрешение гражданского иска.

Предъявление гражданского иска в уголовном судопроизводстве, влечёт, с одной стороны, наделение предъявившего его субъекта процессуальным статусом гражданского истца (ч. 1 ст. 44 УПК РФ), а с другой, – привлечение лица, в отношении которого такой иск был предъявлен, в качестве гражданского ответчика (ч. 1 ст. 54 УПК РФ). В качестве гражданского ответчика могут быть привлечены как само изобличённое при производстве предварительного расследования в совершении преступления лицо, так и субъекты, законодательно обязанные отвечать за причинённый совершённым им преступлением вред.

При этом круг лиц, привлекаемых в качестве гражданских ответчиков вместо обвиняемого, в силу возложенной на них законом материальной ответственности за вред, причинённый совершённым им преступлением, довольно чётко очерчен в гражданском законодательстве (п. 1 ст. 1068, ст. 1069, 1074, 1079 ГК РФ) и достаточно обстоятельно рассмотрен в работах учёных-процессуалистов [1, с. 70–72]. Между тем, вопрос о том, могут ли какие-либо субъекты, помимо потерпевшего, предъявить гражданский иск и быть признанными гражданскими истцами в уголовном судопроизводстве, и если да, то какие именно и в каких ситуациях, до настоящего времени законодательно не разрешён и не получил, на наш взгляд, надлежащего освещения на страницах юридической печати.

Так, представляется весьма затруднительным привести из современной уголовно-процессуальной практики примеры гражданского иска, исходящего от лица, не занявшего ранее процессуального положения потерпевшего. Практически всегда предъявлению гражданского иска по уголовному делу и признанию предъявителя такого иска гражданским истцом предшествует наделением его процессуальным статусом потерпевшего. Данная ситуация обусловила появление в уголовно-процессуальной науке точки зрения о несостоятельности такой самостоятельной процессуальной фигуры, как гражданский истец и о необходимости её упразднения в уголовном судопроизводстве за ненадобностью. По утверждению сторонников данной точки зрения, для обеспечения реализации права лица на возмещение вреда, причинённого ему преступлением, в уголовном процессе будет достаточно и потерпевшего, наделённого правами по предъявлению, поддержанию гражданского иска и отказу от него [2, с. 124; 3, с. 3].

Однако, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), представленные в постановлениях его Пленума, свидетельствуют о том, что право на предъявление исковых требований присуще далеко не всегда только потерпевшему. Таким правом наделены и другие субъекты, понёсшие имущественный урон, каким-либо образом сопряжённый с совершённым преступлением.

Так, по нашему мнению, право на предъявление гражданского иска, не связанное с предварительным признанием потерпевшим его предьявителя, возникает у следующих субъектов:

1. Собственника имущества, которое было похищено, повреждено или уничтожено, когда находилось во владении другого лица, являвшегося нажителем, хранителем или арендатором такого имущества и подлежащего в связи с этим признанию потерпевшим, что следует из положения, закреплённого в абз. 1 и 2 п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

2. Субъекта, которому имущественный вред был причинён посредством уничтожения или повреждения принадлежащих ему элементов строительных конструкций, запирающих устройств, инженерно-технических средств охраны, представлявших собой преграды, преодоление которых входило в способ хищения материальных ценностей, сопряжённый с проникновением на соответствующий объект, в случаях, если эти ценности принадлежали другому лицу. В таких случаях потерпевшим должен признаваться собственник похищенного имущества. Указанное вытекает из положения, содержащегося в п. 8 и абз. 2 п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее – ППВС РФ от 13.10.2020 № 23).

3. Лица, оплатившего расходы на захоронение тела человека, которому преступлением была причинена смерть, в соответствии с п. 10 ППВС РФ от 13.10.2020 № 23.

В данной связи представляет несомненный интерес мнение В.А. Коваленко о возможности предъявления по уголовному делу о дорожно-транспортном происшествии (ст. 264 УК РФ) гражданского иска лицом, пострадавшим в нём, но избежавшим причинения тяжкого вреда его здоровью, в отличие от других пострадавших, которые и должны занять в данном случае процессуальное положение потерпевших [4, с. 222–223].

Приведённые нами выше суждения, основанные на разъяснениях Пленума ВС РФ, как и приведённый В.А. Коваленко пример, указывающие на возможность предъявления лицами, не наделёнными статусом потерпевших, исковых требований по уголовному делу, на наш взгляд, объединяет то, что речь в этих разъяснениях и примере идет о случаях, когда совершённое преступление не направлено непосредственно на нарушение

имущественных прав и законных интересов указанных лиц, а причинённый им вред не охватывается предъявленным по уголовному делу обвинением, но связан с ним и вытекает из него.

Представляется, что указанное видение ВС РФ относительно круга возможных в уголовном процессе субъектов предъявления гражданского иска, не признаваемых потерпевшими, если, конечно, оно было правильно нами истолковано, должно найти адекватное отражение в действующем уголовно-процессуальном законе.

Решения, могущие быть принятыми по гражданскому иску в уголовном процессе, неоднородны, в связи с чем могут быть классифицированы, хотя и определённой степенью условности, по нескольким различным основаниям (критериям). Так, по своим правовым последствиям такие решения могут быть дифференцированы на конечные (итоговые, окончательные, завершающие), посредством которых гражданский иск разрешается в рамках уголовного дела по существу, и промежуточные (интервальные) – переносящие рассмотрение гражданского иска из области уголовного судопроизводства в сферу гражданского процессуального регулирования. В зависимости от объёма рассмотренных исковых требований, решения по гражданскому иску можно охарактеризовать как исчерпывающие, посредством которых полностью завершается производство по гражданскому иску в уголовном процессе, и комбинированные, то есть частично удовлетворяющие исковые требования в рамках уголовного дела и предполагающие перспективу рассмотрения оставшейся их части уже в гражданском процессе. По субъекту принятия рассматриваемых решений они могут быть подразделены на принимаемые дознавателем, следователем или судьёй, судом.

В настоящее время уголовно-процессуальное регулирование разрешения гражданского иска по существу, как и иного завершения производства по нему в рамках уголовного дела характеризуется наличием многочисленных недостатков, пробелов и осуществляется бессистемно. Так, во-первых, некоторые решения, могущие быть принятыми судом по гражданскому иску в уголовном процессе, и основания их принятия даже не получили непосредственного закрепления в УК РФ, а фактически регулируются положениями соответствующих постановлений Пленума ВС РФ. Прежде всего, такое основное итоговое уголовно-процессуальное решение суда по гражданскому иску, как его полное или частичное удовлетворение, которое приведено в абз. 2 п. 24 ППВС РФ от 13.10.2020 № 23, прямо в УК РФ не отражено, а лишь вытекает из смысла положения, закреплённого в п. 10 ч. 1 его статьи 299. Кроме того, действующим уголовно-процессуальным законом предусматривается всего лишь два основания отказа судом в удовлетворении гражданского иска по уголовному делу: вынесение оправдательного приговора или постановления (определения) о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основани-

ям (ч. 2 ст. 306 УПК РФ). Но ведь в удовлетворении гражданского иска может быть отказано и при вынесении обвинительного приговора (абз. 2 п. 24 ППВС РФ от 13.10.2020 № 23) уже по иным основаниям, о которых УПК РФ почему-то умалчивает.

Также не упоминаются в действующем УПК РФ содержащиеся в п. 12 ППВС РФ от 13.10.2020 № 23 судебное решение о частичном оставлении без рассмотрения гражданского иска и основания принятия такого решения, а именно: наличие в исковом заявлении связанных с преступлением требований имущественного характера, относящихся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего, а также регрессных требований. Именно эти требования суд в своём решении, удовлетворяющем гражданский иск в не связанной с ними части, и должен оставить без рассмотрения. Такое судебное решение по гражданскому иску, по нашему мнению, следует отнести к числу комбинированных.

Во-вторых, уголовно-процессуальный закон предусматривает следующий, причём, как было указано выше, далеко не полный спектр возможных по гражданскому иску окончательных и промежуточных исчерпывающих судебных решений, а также оснований их принятия:

1. О прекращении производства по гражданскому иску при отказе от него гражданского истца (ч. 5 ст. 44 УПК РФ).

2. Об отказе в удовлетворении гражданского иска при вынесении оправдательного приговора или прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (ч. 2 ст. 306 УПК РФ).

3. Об оставлении гражданского иска без рассмотрения в случае прекращения уголовного дела по иным предусмотренным УПК РФ основаниям с сохранением за лицом, чей гражданский иск оставлен без рассмотрения, права на его предъявление в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 306 УПК РФ).

4. О признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска и передаче вопроса о размере его возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства – при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ).

При этом нетрудно заметить, что даже законодательно предусмотренные решения по гражданскому иску и основания их принятия рассредоточены по разным местам УПК РФ, не аккумулированы в какой-либо одной его статье, не сведены там в единый перечень.

Продемонстрированная выше неудовлетворительная законодательная техника уголовно-процессуального регулирования вопросов, касающихся разрешения или определения дальнейшей судьбы гражданского иска по уголовному делу, не только создаёт затруднения для обучающихся при освоении ими дисциплины «Уголовно-

процессуальное право (уголовный процесс)» и для представителей сторон обвинения и защиты: практикующих, особенно начинающих, юристов и так называемых неквалифицированных участников уголовного судопроизводства, но и способствует совершению судебных ошибок.

В-третьих, прекращение уголовного дела при производстве по нему дознания или предварительного следствия вызывает необходимость принятия дознавателем, следователем отдельного процессуального решения и по гражданскому иску, если таковой был предъявлен. Однако уголовно-процессуальный закон не предусматривает вариантов соответствующих решений и оснований их принятия, за исключением одного единственного, указанного нами выше, а именно: о прекращении производства по гражданскому иску, когда гражданский истец от него отказался (ч. 2 ст. 44 УПК РФ). В данной связи следует обратить внимание на то, что заявление гражданским истцом об отказе от его исковых требований является обязательным условием прекращения уголовного дела по основаниям, предусматривающим возмещение подозреваемым, обвиняемым причинённого совершённым им преступлением вреда (ст. 25, 28 УПК РФ). Представляется, что прекращать производство по гражданскому иску необходимо и в случаях принятия решений о прекращении уголовного дела по закреплённым в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ реабилитирующим основаниям. Отказать в удовлетворении гражданского иска в таких случаях, как это надлежит сделать суду, дознавателю, следователю не уполномочен, поскольку рассмотрение и разрешение гражданского иска не охватываются его компетенцией.

Одновременно с принятием процессуального решения о прекращении уголовного дела, обусловленного наличием иных предусмотренных законом обстоятельств, на наш взгляд, надлежит передавать гражданский иск для его рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства посредством вынесения дознавателем, следователем соответствующего постановления. В данном случае на дознавателя, следователя должна быть возложена обязанность направлять в суд копии процессуальных документов, указывающих на обстоятельства, повлекшие прекращение уголовного дела, копии его материалов, подтверждающих основания, характер и размер исковых требований, а также отражающих ход и содержание производства по гражданскому иску (копии постановления о прекращении уголовного дела, искового заявления, постановлений о признании гражданским истцом, о привлечении в качестве гражданского ответчика, протоколов соответствующих следственных действий, приобщённых к уголовному делу документов и др.).

В рассматриваемом контексте необходимо отметить, что мы являемся противниками высказанной в уголовно-процессуальной науке точки зрения о возможности предъявления в уголовном судопроизводстве так называемого обезличенного

гражданского иска, то есть исковых требований к неустановленному по уголовному делу лицу, совершившему преступление, причинившее вред, возмещения которого и требует предъявитель такого иска [5, с. 131]. С нашей точки зрения, гражданский иск в уголовном судопроизводстве должен быть адресован конкретному подозреваемому, обвиняемому или материально ответственному за вредоносные результаты его преступной деятельности субъектам.

В связи с этим встаёт вопрос о возможных решениях по гражданскому иску в рамках уголовного дела, уголовное преследование по которому в отношении конкретного лица, являющегося адресатом предъявленных исковых требований, прекращено, а дальнейшее расследование в целях изобличения иных субъектов, причастных к совершению соответствующего преступления, и установления других обстоятельств его совершения продолжается. Представляется, что данная ситуация требует вынесения постановления о прекращении производства по гражданскому иску в отношении указанного лица и ожидания появления в уголовном деле нового подозреваемого, обвиняемого для предъявления соответствующих исковых требований уже к нему.

Разумеется, круг возможных процессуальных решений дознавателя, следователя по гражданскому иску в случае прекращения уголовного дела или уголовного преследования, оснований принятия этих решений и влекомых их принятием процессуальных действий должен быть предусмотрен специальной статьёй УПК РФ.

Таким образом, учитывая изложенное выше, представляется необходимым, во-первых, законодательно разрешить вопрос о существовании обстоятельств, при наличии которых те или иные физические и юридические лица, кроме предварительно наделённых статусом потерпевших, вправе предъявлять гражданский иск в ходе производства по уголовному делу с последующим признанием их гражданскими истцами. Во-вторых, необходимо дополнить УПК РФ отсутствующими в нём на сегодняшний день решениями, могущими быть принятыми по гражданскому иску дознавателем, следователем и судьёй, судом, закрепив в специальных статьях УПК РФ исчерпывающие перечни таких решений с указанием оснований их принятия.

Литература

1. Махов В.Н., Разумовский Д.Б. Гражданский ответчик в уголовном процессе // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 68–75.
2. Шаров Д.В. Гражданский истец в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 123–124.
3. Волеводз А.Г., Гриненко А.В. Гражданский иск в уголовном процессе: международные стандарты и отечественное законодательство // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 1. С. 2–5.
4. Коваленко В.А. Особенности рассмотрения гражданского иска в особом порядке уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 221–223.
5. Соломатина А.Г. Актуальные проблемы обеспечения гражданского иска при производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 128–132.

ABOUT POSSIBLE SUBJECTS OF FILING A CIVIL CLAIM AND SHORTCOMINGS OF LEGISLATIVE REGULATION OF ITS RESOLUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Martynenko S.B.

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

The article, firstly, draws attention to the fact that the current law on criminal procedure does not define the possible range of natural and legal persons whose civil action is not preceded by granting them the status of victims. Neither does the Code of Criminal Procedure define the circumstances in which this situation is permissible. In the opinion of the author, a number of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation have singled out such persons and circumstances more or less clearly. On this basis, it is proposed to supplement the Code of Criminal Procedure with a list of relevant entities and circumstances. Secondly, the article points to the absence in the Code of Criminal Procedure of an exhaustive range of procedural decisions that may be taken in civil proceedings or the grounds for their adoption in pre-trial and judicial proceedings in criminal cases. This is regarded by the author as an obvious legislative gap to be filled as soon as possible, including by using the classification of relevant decisions given in the article.

Keywords: civil claim, civil action in criminal proceedings, civil plaintiff, resolution of a civil claim.

References

1. Makhov V.N., Razumovskiy D.B. Civil defendant in criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2007. № 11. P. 68–75. (In Russ.).
2. Sharov D.V. Civil plaintiff in criminal proceedings // Judicial authority and criminal process. 2012. № 1. P. 123–124. (In Russ.).
3. Volevodz A.G., Grinenko A.V. Civil action in a criminal proceedings: international standards and domestic legislation // International criminal law and international justice. 2022. № 1. P. 2–5. (In Russ.).
4. Kovalenko V.A. Features Of Consideration Of A Civil Claim In A Special Procedure Of Criminal Proceedings // Law and State: The Theory and Practice. 2022. № 3 (207). P. 221–223. (In Russ.).
5. Solomatina A.G. Actual problems of securing a civil claim in the proceedings on the application of compulsory medical measures // Bulletin of economic security. 2019. № 1. P. 128–132. (In Russ.).

К вопросу о понятии и порядке использования видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования

Федюкина Анна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

На основе норм уголовно-процессуального законодательства, судебной практики и международного опыта в статье раскрываются вопросы эффективности и правомерности использования систем видео-конференц-связи в ходе досудебного производства по уголовным делам. Приведены данные статистики и решения высших судов по рассматриваемому вопросу. Рассмотрено понятие «видео-конференц-связь», а также порядок ее организации и технического обслуживания, как фактора, напрямую влияющего на качество и результативность осуществляемых следственных действий. Подвергнуты анализу возможные правовые основания производства дистанционного допроса, очной ставки и опознания, предложено их нормативное закрепление в статье 189.1 УПК РФ. Рассмотрены иные проблемные аспекты досудебного производства следственных действий в удаленном формате, намечены пути их разрешения. Научная новизна представленной статьи заключается в рассмотрении эффективности и правомерности использования видео-конференц-связи в досудебном производстве. Автором подчеркивается, что организация видео-конференц-связи в органах судебной системы подробно регламентирована ведомственными нормативными правовыми актами, в то время как правовых источников, содержащих алгоритм использования и обслуживания соответствующего технического оборудования на стадии предварительного расследования недостаточно. На основе имеющегося положительного опыта судов общей юрисдикции, практического опыта стран ближнего зарубежья, в статье предпринята попытка урегулирования проблемных аспектов, связанных с внедрением видео-конференц-связи в производство следственных действий на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: следственные действия, видео-конференц-связь, технические средства, следователь, суд, участники процесса, допрос, очная ставка, предъявление для опознания, дознаватель.

Система видео-конференц-связи (далее – ВКС) начала внедряться в уголовное судопроизводство с 2011 года, когда у суда появилась возможность допроса свидетелей и потерпевших в дистанционном режиме (ч. 4 ст. 240 УПК РФ), чуть позже стало реальным удаленное участие подсудимого и осужденного в судебном заседании (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ, ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ). И вот, с конца 2021 года в уголовно-процессуальном законе действует статья 189.1, посвященная особенностям допроса, очной ставки, опознания с помощью ВКС на стадии предварительного расследования. Понятно, что окончательно оценивать результативность использования ВКС на досудебном этапе еще преждевременно, так как нарабатанной следственной практики пока недостаточно. Вместе с тем, постараемся проанализировать рассматриваемый вариант производства следственных действий с учетом имеющейся нормативной правовой основы, опыта судебных органов и международной практики. Наиболее широкое распространение ВКС получила в разгар пандемии в 2020–2021 г.г., когда суды повсеместно стали использовать удаленный формат рассмотрения дел. Это хорошо прослеживается на примере данных статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации: Год Общее число судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи Число судебных заседаний по уголовным делам с использованием видео-конференц-связи 2020 147256213 192021 129546186042022 (6 месяцев) 622229342. Несмотря на небольшое снижение количества судебных заседаний с применением видео-конференц-связи, можно с уверенностью говорить о том, что она довольно прочно закрепилась в судебной практике. О расширении правового поля ВКС гласит определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 855-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 61, 64, 65 и 278.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому, в качестве полноценного субъекта уголовно-процессуальных отношений назван судья суда по месту нахождения свидетеля. «Несмотря на то что этот судья не входит в состав суда, рассматривающего дело, не оценивает доказательства и не принимает по делу решения, что предопределяет отсутствие прямых оснований к распространению на него общего порядка отвода, он, организуя судебный допрос по видео-конференц-связи, по существу, выполняет публично-правовую функцию содействия правосудия».

дию» – говорится в определении. Соответственно, следователь, дознаватель, которым поручено организовать производство следственных действий посредством ВКС в месте нахождения участников процесса, также должны обладать всеми функциями стороны обвинения, наряду с должностными лицами, которые направили поручение. Стоит отметить, что порядок организации ВСК в органах судебной системы подробно регламентирован ведомственными нормативными правовыми актами, в то время как правовых источников, содержащих алгоритм использования и обслуживания соответствующего технического оборудования на стадии предварительного расследования недостаточно. Поэтому для того, чтобы разобраться в понятии «видео-конференц-связь», обратимся к части 1.5 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401, согласно которой: «Видео-конференц-связь – способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами». В приказе также содержится информация о лицах, на которых возлагаются обязанности по техническому обслуживанию ВКС, включая обеспечение высокого качества звука, изображения, уровня громкости, отслеживание соотношения размера диагонали телевизора и глубины зала, использование ведомственной факсимильной связи, обеспечение 15-минутной бесперебойной работы на источниках резервного питания и прочее. Несомненно, качество связи при производстве дистанционных следственных действий является одним из важнейших критериев их эффективности. «Достоверность и допустимость полученных с помощью видеоконференцсвязи доказательств зависит, в том числе, от качества изображения и звука» – отмечают Н.В. Угольников и Ю.Н. Шибяева [1, с. 229]. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ в роли основного условия производства допроса, очной ставки и опознания выступает «наличие технической возможности». Это означает, что следователь, в производстве которого находится уголовное дело, не сможет дать соответствующее поручение и реализовать следственное действие с помощью ВКС, если у него или у следователя (дознателя), которому оно поручено, не будет в арсенале необходимого технического оборудования, либо, имеющееся оборудование не сможет обеспечить высокий уровень связи. В продолжение разговора об условиях использования ВКС нельзя не остановиться на зарубежном опыте некоторых стран СНГ. В соответствии со статьей 343–1 УПК Республики Беларусь проведение допроса, опознания с использованием систем видеоконференцсвязи возможно при наличии следующих условий: 1) невозможность непосредственного присутствия участника процесса в суде по состоянию здоровья и по другим уважительным причинам; 2) необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса; 3) проведения допроса несовер-

шеннолетнего участника процесса; 4) необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. В Республике Казахстан допрос с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос) применяется в схожих случаях: 1) невозможность непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам; 2) необходимость обеспечения безопасности лица; 3) проведение допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего; 4) необходимость обеспечения соблюдения сроков досудебного расследования, судебного рассмотрения дела; 5) наличие причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами (ст. 213 УПК Республики Казахстан). Российский законодатель не посчитал обязательным закрепление исчерпывающего перечня оснований применения ВКС на стадии предварительного расследования, остановившись лишь на условиях, при которых не допускается производство дистанционных следственных действий – это вероятность разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, а также риск разглашения данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ). Однако, в судебных стадиях ситуация выглядит несколько иначе. Исходя из соответствующих статей УПК РФ, основаниями применения ВКС в суде могут выступать: 1) непосредственное решение судьи (председательствующего) (ч. 1–2 ст. 278.1 УПК РФ, ч. 1 ст. 293 УПК РФ и др.); 2) обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (см.ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ); 3) ходатайство осужденного (ч. 2 ст. 399 УПК РФ). В целях устранения данной правовой неопределенности, полагаем возможным закрепить в статье 189.1 УПК РФ перечень оснований применения ВСК в ходе следственных действий на досудебном производстве, куда бы вошли не только наличие технической возможности и решение должностного лица производящего расследование, но и ходатайство участника процесса, случаи обеспечения его безопасности, а также, невозможность участия в следственном действии лица, в силу его территориальной удаленности. Немного коснемся проблемы процессуального порядка производства следственных действий в дистанционном режиме. Нетрудно заметить, что в статье 189.1 УПК РФ отсутствуют особенности применения ВКС в отношении каждого следственного действия, которые в ней перечислены. Объединив допрос, очную ставку и опознание в одну статью, законодатель не дополнил исходные нормы главы 26 УПК РФ, в которых содержится частные правила их производства (ст. 189 УПК РФ, ст. 192 УПК РФ, ст. 193 УПК РФ и др.). Кроме того, в отличие от судебных стадий, где в регламентации использования ВСК содер-

жится информация об участниках процесса, в отношении которых она используется, в статье 189.1 УПК РФ они не значатся. Получается, что ими могут являться все участники, допускаемые к производству допроса, очной ставки и опознания, то есть – подозреваемые, обвиняемые, свидетели и потерпевшие, их представители, адвокаты и защитники, понятые, специалисты и др. Вместе с тем, некоторые авторы ставят под сомнение возможность проведения допроса подозреваемого и обвиняемого с использованием ВСК, полагая, что «статус этих лиц предполагает очную встречу с лицом, производящим расследование, что продиктовано в первую очередь тактическими соображениями и спецификой работы с данной категорией участников уголовного процесса» [2, с. 8]. Если допрос и очная ставка более «стабильные» следственные действия, в ходе которых участники дают показания, не перемещаясь по кабинету, что упрощает применение видео и аудио аппаратуры, то такое следственное действие, как предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ), по своей сути, предполагает достаточно сложный процесс организации участников, определения месторасположения опознаваемого и опознающего, статистов, адвокатов, понятых и других лиц. На наш взгляд, не все виды предъявления для опознания, предусмотренные УПК РФ и наукой криминалистикой, возможно произвести удаленно. Например, опознание трупа, опознание автотранспортного средства, опознание животного – очень затруднительно, так как «картинка» не всегда сможет охватить все приметы и особенности предмета, в силу искажения объема или размера. И наоборот, очень эффективным представляется использование ВКС при предъявлении для опознания живых лиц, когда необходимо создать условия, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. По справедливому замечанию А.В. Победкина: «При этом видео-конференц-связь между опознающим и опознаваемым – односторонняя: опознающий наблюдает предъявляемых для опознания лиц, опознаваемый опознающего не видит» [3, с. 82]. Возникают вопросы и с порядком составлением протокола следственных действий с использованием ВКС. Так, по правилам ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ его должен составлять следователь, которому поручено производство следственного действия. А как быть в случаях производства очной ставки, когда ее участники находятся в разных местах относительно места нахождения органа ведущего расследования? Составлять два поручения и два протокола? Вопрос остается открытым. Кроме того, следует учитывать разницу часовых поясов, которая в некоторых регионах Российской Федерации может достигать + 9 часов (GMT + 12) по отношению к московскому времени (см. например – Петропавловск-Камчатский). Таким образом, вопросов, связанных с эффективностью и правомерностью использования видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования остается достаточно много. Будем надеяться, что с те-

чением времени законодатель предпримет попытки к более четкому правовому регулированию удаленных следственных действий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так как наметившаяся тенденция внедрения различных технологий в процедуры расследования, полагаем, будет продолжаться.

Литература

1. Угольников Н.В., Шибеева Ю.Н. Некоторые вопросы использования видеоконференцсвязи при проведении судебных заседаний // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: X ежегодная Всероссийская конференция, 26 ноября 2020 г.: сборник научных трудов / [сост. О.В. Химичева]. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2021. С. 229.
2. Василькова Е.В. Проблемные аспекты применения видео-конференц-связи при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4 (36). С. 8.
3. Победкин А.В. Производство следственных действий с использованием систем видеоконференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных действий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 82.

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND PROCEDURE FOR USING VIDEO CONFERENCING AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Fedyukina A. Yu.

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Based on the norms of criminal procedure legislation, judicial practice and international experience, the article reveals the issues of the effectiveness and legality of the use of video conferencing systems during criminal proceedings. Statistical data and decisions of the higher courts on the issue under consideration are given. The concept of "video conferencing", as well as the order of its organization and maintenance, as a factor directly affecting the quality and effectiveness of the investigative actions carried out, is considered. The possible legal grounds for remote interrogation, confrontation and identification are analyzed, and their normative consolidation in Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is proposed. Other problematic aspects of pre-trial investigative actions in a remote format are considered, ways of their resolution are outlined. The scientific novelty of the presented article is to consider the effectiveness and legality of the use of video conferencing in pre-trial proceedings. The author emphasizes that the organization of video conferencing in the judicial system is regulated in detail by departmental regulatory legal acts, while legal sources containing an algorithm for the use and maintenance of appropriate technical equipment at the stage of preliminary investigation are insufficient. Based on the existing positive experience of courts of general jurisdiction, the practical experience of neighboring countries, the article attempts to resolve problematic aspects related to the introduction of video conferencing in the production of investigative actions at the stage of preliminary investigation.

Keywords: investigative actions, video conferencing, technical means, investigator, court, participants in the process, interrogation, face-to-face, presentation for identification, the interrogator.

References

1. Ugolnikova, N.V., Shibaeva, Yu.N. (2020). Some issues of using videoconferencing during court hearings // Criminal proceedings: current state and development strategy: X annual All-Russian conference, November 26, 2020: collection of scientific papers / [comp. O.V. Khimicheva]. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, 229.
2. Vasilkova, E.V. (2022). Problematic aspects of the use of video conferencing in the investigation of crimes provided for in Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 4 (36), 8.
3. Pobedkin, A.V. (2022). Carrying out investigative actions using video conferencing systems in pre-trial proceedings: the framework of procedural actions // Bulletin of the Ufa Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1 (95), 82.

Методы цифровой идентификации в расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних

Швец Сергей Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
E-mail: crimkubgau@mail.ru

Меретуков Гайса Мосович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
E-mail: crimkubgau@mail.ru

Грицаев Сергей Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
E-mail: crimkubgau@mail.ru

Степаненко Сергей Григорьевич,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»
E-mail: stepik71@mail.ru

В статье рассматриваются возможности применения цифровой идентификации с использованием видеонаблюдения в режиме реального времени для выявления несовершеннолетних, подвергшихся сексуальному насилию. Предлагается дополнить Федеральный банк криминальной информации поисковыми записями «изображений несовершеннолетних, подвергшихся насильственным действиям сексуального характера», которые будут пополняться в процессе выявления противоправного контента в информационно-телекоммуникационных сетях. Такое технологическое решение позволит осуществлять автоматическую идентификацию потерпевших с последующим проведением оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на установление личностей подозреваемых и их причастности к совершению этих преступлений. Авторы отмечают проблему использования программ-анонимайзеров и анонимной сети TOR в противоправной деятельности в сфере распространения детской порнографии и другого запрещенного контента в информационно-телекоммуникационных сетях. Предлагается классифицировать такие сети как «потенциально криминогенную информационную технологию», представляющую угрозу безопасности общества и государства, а также другим лицам. Авторы предлагают внести ряд поправок в законодательство, которые позволили бы успешно внедрять цифровую идентификацию лиц, подвергшихся насилию, и последующую идентификацию лиц, причастных к совершению преступлений против половой неприкосновенности и сексуальной свободы несовершеннолетних.

Ключевые слова: цифровая идентичность, глубокий интернет, половая неприкосновенность, сексуальное насилие, несовершеннолетние.

Introduction

The development of information and communication technologies at the beginning of the XXI century is characterized by new illegal manifestations in the electronic digital sphere or with its use. At the same time, there is a tendency towards an increase in the criminalization of a number of acts in the emerging information society.

Studies in Europe have shown that one out of five children is a victim of sexual violence. And taking into account the high latency of these crimes, in our opinion this is far from complete picture of sexual crimes committed against children. Over the past decade, there has been a significant decrease in such crimes in the Russian Federation. First of all, this is due to the change in the direction of toughening criminal punishment for such crimes, as well as preventive measures taken by the state and society. However, problems of a social nature, which include the demoralization of society, a decrease in social control, the spread of deviant deviations both in the adult environment and among minors, still remain [1].

Problem statement

Today, the illegal actions committed on the Internet, which have a cross-border nature, are of great concern. In its turn it presents difficulties in identifying victims and carrying out preliminary investigations of criminal cases [2]. There has also been an increase in the number of content containing child pornography. Violence is often accompanied by photo and video filming, which are uploaded in encrypted form to file sharing services, and links to them are given in closed chats and websites.

According to some researchers, in up to 80 percent of cases, the child knows and trusts the person who commits the above illegal acts. From this it follows that, having found the victim of a crime, it becomes possible to identify the persons who committed these crimes. Modern digital technologies today can provide significant assistance in finding both the victims of such crimes and the persons who committed them.

Research questions

Modern information and communication technologies are characterized by a decentralized structure and cross-border nature, and the use of anonymizing programs, the Darknet network, etc. by attackers, greatly complicates the identification of its owner.

Nevertheless, the more an attacker is confident in his anonymity and impunity, the more material he provides for the study of evidence of his criminal activity [3]. Currently, there are still no effective technical solu-

tions that would make it possible to find the owners of sites and distributors of child pornography, as well as persons who commit crimes against the sexual inviolability of minors [4]. Significant efforts are being made in this direction by both the state and society, in particular, it includes the created and successfully operating website “League of the Safe Internet”, where any individual can report dangerous content. On February 1st., 2021, the Federal Law of December 30th, 2020 No. 530-FZ “On Amendments to the Federal Law” On Information, Information Technologies and Information Protection “came into force, which obliges social networks to independently identify and block prohibited content, including child pornography. Refusal of website owners, including social networks and video hosting sites, to delete illegal information is subject to penalties (Federal Law No. 511-FZ dated 30.12.2020 “On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation”).

However, “neutralization” of dangerous content is only an obstacle in its distribution. The next task should be the investigation of the crime and the search for persons involved in these crimes. The Criminal Code of the Russian Federation classifies a number of crimes in relation to minors as especially grave. Thus, persons aged under 12 years are excluded from the number of victims of crimes under Art. 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation; encroachments on their sexual integrity, the law now prescribes in any case to qualify as rape or violent acts of a sexual nature with an over-qualifying feature (clause “b” part 4 of article 131 or clause “b” of part 4 of article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation), presuming the finding of such persons in a helpless state [5].

Materials and methods

Taking into account the adopted amendments (Federal Law 479-FZ dated 29.12.2020 and Federal Law No. 149-FZ dated 27.07.2006 (as amended on 09.03.2021) “On information, information technology and information protection” (as amended and supplemented, entered into force on 20.03.2021), Article 14.1. “The use of information technologies for the identification of individuals”), it can be said that opportunities for digital identification today allow us to talk about the creation in the Russian Federation of a unified biometric system, enshrined in law, as well as about the emergence of a powerful tool in the ability to identify and authenticate individuals.

The authors of the publication Frolov A.A., Silnov D.S., having conducted an experiment to search for illegal content on one of the sites in the Darknet and have provided a sad statistics: “The total number of users on the site is 882381. Among them there are 8408 users who posted prohibited content on the forum. 43126 users were active in the form of writing comments on this content. The total number of topics on the forum is 34485. 15850 topics out of 34485 contain prohibited content and 311 topics provide content where children under 3 years old are shown” [6].

In 2009, Microsoft created PhotoDNA technology for the National Centre for Missing and Exploited Chil-

dren, which searches for missing children and collects data on abused children [12]. Microsoft is now creating PhotoDNA technology for Video, which will find and block illegal videos [7]. Since 2011, the social network Facebook has been using this technology to track illegal content.

Such programs are capable of working in the field of mass content consumer. As for the Deep Web, Dark Web, they are ineffective here, since file sharing is mainly used, and photo and video materials are archived and protected with a password. A secure network with its onion routing system today attracts many users and is considered a stronghold of anonymity, which allows us to speak about an established ecosystem that contributes to the spread of child pornography, the sale of drugs, weapons, databases and other illegal information.

Results

In the Federal Law No. 276-FZ dated 29.07.2017 “On Amendments to the Federal Law” On Information, Information Technologies and Information Protection “”, restrictions are only partially formed regarding the use of anonymizers, which make it possible to hide data about the user, his location and data about its software and hardware. But as practice shows, the problem of the distribution of prohibited content on the Darknet has not yet been resolved, since it allows person to hide information about sites and users using the Tor network. It seems that such a network is malicious (destructive) in its’ essence, it allows us to speak of a new concept – “potentially criminogenic information technology”, which poses a direct threat to the security of both society and the state, and other individuals. Although “foreign partners” declare that they “promote human rights and freedoms – create and distribute technologies to ensure anonymity and privacy with open source, support their unlimited availability, promote their scientific and popular understanding”, which in fact means the destruction of moral foundations, mental health, and sometimes life, especially of the younger generation.

According to experts from the Safe Internet League, 43 million Russians are members of destructive social media communities (cyberbullying, suicide propaganda, drug sales, extremist-terrorist communities, groups about serial killers and maniacs, shock content, trash streams), about 8 million of them are children [8].

The steps taken to counter the spread of illegal content, the identification of persons involved in such crimes, as well as the identification of victims, to date do not sufficiently contribute to neutralize the current crime situation. Identification, investigation and exposure of those responsible for their commission is one of the most important functions of law enforcement agencies [9].

Taking into account the high latency of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual, the task of finding ways and methods that are designed to increase the effectiveness of the fight against such crimes has a particular relevance [10].

To solve these problems, it is necessary to make efforts to improve legislation and introduce modern information and telecommunication technologies, as well as

develop new methods for investigation of these crimes. The intensive development of innovative activities generates new technical solutions that have novelty and a number of specific features.

The material for the investigation of such crimes can be the Federal Bank of Criminal Information, which is proposed to be supplemented with search records of “images of minors subjected to violent acts of a sexual nature”, which will be replenished in the process of identification of illegal content in information and telecommunication networks.

Findings

Today, an automated face recognition system is essentially artificial intelligence that can independently learn, collect and analyse large amounts of data using ultra-precise neural networks that do not require expensive equipment and can be easily integrated into existing processes.

Currently, the Russian market is experiencing a large growth in software and hardware for biometric identification, one of the areas of which is the face recognition system [11]. The leaders of this area are NtechLab, the Speech Technology Center Group of Companies, Vocord, “PAPILLON” JSC and others. These technologies are already being used in large cities of Russia.

Thus, the NtechLab company has created the Find-Face Security product, which allows analysing the video stream based on face recognition, i.e. the technology in real time detects faces in the video stream, checks against the monitoring lists and sends notifications when a match is found.

The Papillon face image identification system operating in real time can recognize people in a stream in fractions of a second with a minimum error not exceeding 1%.

On the basis of such technologies, it becomes possible to search in real time not only for criminals, but also for persons subjected to violent actions who, for one reason or another, could not report a crime to law enforcement agencies.

It is not always possible to establish the IP address of a paedophile by technical means. In such cases, one of the most effective methods of investigation and disclosure of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the person against minors can be an automated identification system based on images or video recordings of a person from illegal content, i.e. search and identification of persons who have been subjected to violence or other sexual acts, based on automatic identification (confirmation) of their identity in real time, in conjunction with the “surfing” of social networks and other content, as well as created or used databases. Due to the fear of being recognized, the victims may not be on social networks, or not publish their photos.

Discussion

Verification of the data of persons should be carried out against the databases of law enforcement agen-

cies. This requires to carry out the formation of such data bases on the basis of legislation. In particular, such a mean could be a law that would oblige parents to change the birth certificate of a child that are reached the age of 7 with a new one with a biometric photo that will be used until receiving of a passport. Another option is a use of digital technologies of school education, which can be organically linked with the unified identification and authentication system to create a portfolio (electronic biography). There is no doubt that in the future the digital dossier (portfolio) will ultimately be “tied” to the personal number of the citizen (“pass-through identifier”), which will become the key to personal data (personal information) in the Unified Information System and the Unified Biometric System (UBS) [12].

The transfer of this array by the operator of their processing to the subject of the criminal intelligence and surveillance operations in an impersonal form, replacing names, surnames or other personal data with a set of numbers or signs will allow to eliminate the contradictions associated with a possible violation of constitutional rights while accessing computer information (an array of personal data of minors). And upon confirmation of matches, personal data can be obtained in accordance with the legislation [13,14]. The formation of such database will make it possible to carry out very quick and efficient identification of the victims of crime.

We see the mechanism for further actions to organize the investigation in the following procedures. If the system has established (confirmed) the identity of the victim, then on this basis it is advisable to automatically issue a statement about the crime. This provision is not provided for by law and will require appropriate changes. Thus, at the moment, another algorithm of action is possible: an authorized person – the “operator” can send the material to “study objects and documents” in accordance with paragraph 4 of Part 1 of Art. 6 of the Federal Law “On Operational Investigative Activities” and on the basis of the response received, act in accordance with Art. 143 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Report on the detection of signs of a crime). A message about a committed or impending crime, received from sources other than those specified in paragraphs 1, 2 and 4 of the first part of Article 140 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is accepted by the person who received this message. A report on the detection of signs of a crime is drawn up based on this message.

Accordingly, there is a reason for conducting a pre-investigation check and other investigative actions that will subsequently help in the investigation and disclosure of the crime.

Conclusion

The creation of a search register for “images of minors subjected to sexual assault” in the Federal Bank of Criminal Information and the use of modern digital face recognition technologies will significantly increase the efficiency of detecting, disclosing and investigating

crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors. The transfer of an array of personal data of minors in an impersonal form for their processing to the subject of the criminal intelligence and surveillance operations will eliminate contradictions associated with a possible violation of constitutional rights while accessing computer information by replacing names, surnames or other personal data with a set of numbers or signs. And upon confirmation of matches, personal data can be obtained in accordance with the Russian Federation legislation. The use of achievements in the field of digital identification and other innovations in the field of IT technologies in the forensic methods of investigating crimes can increase the efficiency of identifying the perpetrators of this crime.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Кебурия К.О., Солнцев А.М. Борьба с использованием новых технологий в целях торговли детьми и их сексуальной эксплуатации // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 11. С. 342–345.
2. Живодрова Н.А., Толоконникова А.С. Интернет-пространство как средство совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Электронное издание сетевого распространения. Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: межвузовской научно-практической конференции (28 апреля 2020 г.) // гл. ред. О.П. Грибунов, отв. ред. Е.Н. Бархатова. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, – 2020. – 164 с.
3. Кадырова Н.Н. Криминологические аспекты преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Н.Н. Кадырова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: право. – 2012. – № 1 (256). – С. 69–70.
4. Кебурия К.О., Солнцев А.М. Борьба с детской порнографией в Интернете: пример Франции // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – № 12А. С. 163–169.
5. Kostomarov, K.V. (2019). Possibilities of using neural networks in the investigation of crimes. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 12(11), 2023–2030. DOI: 10.17516/1997–370–0509.
6. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3 – С. 83–90.
7. Сидорова К.С. Способы установления IP-адреса и сведений о нем при расследовании уголовных дел / К.С. Сидорова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – № 2 (26). – С. 88–92.
8. Степаненко С.Г., Помазанов В.В. Цифровизация образования как процесс глобализации экономики // Электронный сетевой политема-

тический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2020. – № 3. С. 829–839.

9. Фролов А.А. Исследование механизмов распространения запрещенного содержимого в Darknet / А.А. Фролов, Д.С. Сильнов // – 2017. – Т. 13. № 4. – С. 216–224.
10. Ховавко С.М. Выявление половых преступлений с учетом их оперативно-розыскной характеристики / С.М. Ховавко // Юридические исследования. – 2019. – № 7. – С. 80–89. DOI: 10.25136/2409–7136.2019.7.30300
11. John Smith. TOR: a Dark Net Journey on How to Be Anonymous Online (TOR, Dark Net, DarkNet, Deep web, cyber security Book 1). – 2017. – 50 p.

DIGITAL IDENTIFICATION METHODS FOR COMBATING CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS

Shvets S.V., Meretukov G.M., Gritsaev S.I., Stepanenko S.G.
Kuban State Agrarian University, Kuban State Technological University

The possibilities of application of digital identification by using video surveillance in real time to identify and identify minors who have been subjected to sexual violence are reviewed in the article. It is proposed to supplement the Federal Bank of Criminal Information with search records of “images of minors subjected to violent acts of a sexual nature”, which will be replenished in the process of identification of illegal content in information and telecommunication networks. Such a technological solution will make it possible to carry out automatic identification of the victims, followed by operational-search measures and investigative actions aimed at establishing the identity of the suspects and their involvement in the commission of these crimes. The authors note the problem of use of anonymizer programs and the anonymous TOR network in illegal activities in the field of distribution of child pornography and other prohibited content in information and telecommunication networks. It is proposed to classify such networks as a “potentially criminogenic information technology” that poses a threat to the security of society and the state, as well as to other persons. The authors propose to introduce a number of amendments to the legislation that would allow for the successful implementation of digital identification of persons subjected to violence and the subsequent identification of persons involved in the commission of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors.

Keywords: digital identity, Deep Web, sexual integrity, sexual assault, minors.

References

1. Abashidze A. Kh., Keburia K.O., Solntsev A.M. Combating the use of new technologies for the purposes of child trafficking and sexual exploitation // Eurasian Legal Journal. – 2017. – No. 11. P. 342–345.
2. Zhivodrova N.A., Tolokonnikova A.S. Internet space as a means of committing crimes against the sexual integrity of minors / Electronic publication of network distribution. Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement: interuniversity scientific and practical conference (April 28, 2020) // Ch. ed. O.P. Gribunov, resp. ed. E.N. Barkhatova. – Irkutsk: FGKOU VO VSI Ministry of Internal Affairs of Russia, – 2020. – 164 p.
3. Kadyrova N.N. Criminological aspects of crimes against sexual integrity of minors / N.N. Kadyrova // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: law. – 2012. – No. 1 (256). – pp. 69–70.
4. Keburia K.O., Solntsev A.M. Combating child pornography on the Internet: the example of France // Issues of Russian and international law. – 2018. – Volume 8. – No. 12A. pp. 163–169.
5. Kostomarov, K.V. (2019). Possibilities of using neural networks in the investigation of crimes. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 12(11), 2023–2030. DOI: 10.17516/1997–370–0509.
6. Osipenko A.L. New operational-search activity “obtaining computer information”: content and basis for implementation // Bul-

- letin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 3 – pp. 83–90.
7. Sidorova K.S. Methods of establishing an IP address and information about it during the investigation of criminal cases / K.S. Sidorova // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. – 2018. – No. 2 (26). – pp. 88–92.
 8. Stepanenko S.G., Pomazanov V.V. Digitalization of education as a process of globalization of the economy // Electronic network polythematic journal “Scientific works of KubSTU”. – 2020. – No. 3. P. 829–839.
 9. Frolov A.A. Study of the mechanisms of distribution of prohibited content on Darknet / A.A. Frolov, D.S. Silnov // – 2017. – T.13. No. 4. – pp. 216–224.
 10. Khovavko S.M. Identification of sexual crimes taking into account their operational investigative characteristics / S.M. Khovavko // Legal studies. – 2019. – No. 7. – P. 80–89. DOI: 10.25136/2409–7136.2019.7.30300
 11. John Smith. TOR: a Dark Net Journey on How to Be Anonymous Online (TOR, Dark Net, DarkNet, Deep web, cyber security Book 1). – 2017. – 50 p.

Конституционно-правовые основы реализации образовательного суверенитета

Святогорова Анастасия Эдуардовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ)

E-mail: aesyatogorova@yandex.ru.

Сорокина Елена Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

E-mail: halens@mail.ru.

Целью статьи является анализ переосмысления Россией концепции государственного суверенитета, его конституционно-правовых основ. В исследовании выражены тезисы о трансформации видов и сущностно-содержательных характеристик; о негативных последствиях глобализационных процессов, сопряженных с утратой ментально сформированных принципов и идей, обусловленных особенностями внутринационального развития отдельно взятых стран; о неразумности подражания идеям и ценностями зарубежных государств, которые не могли не повлиять на институт реализации конституционного права граждан России на образование. Авторы пришли к выводам о том, что именно конституционно гарантированные российским законодателем права, свободы и обязанности позволяют, с учетом современных геополитических и внутригосударственных реалий, обеспечить сохранение отечественного (в центре настоящего исследования образовательного) суверенитета во всех его проявлениях и формах, укрепить безопасность социальной (в частности, образовательной) системы.

Ключевые слова: конституционные права и свободы человека и гражданина, конституционно-правовой институт государственного суверенитета, право на образование, безопасность образовательной системы России, совершенствование системы высшего образования.

Введение

Современная Россия взяла курс на укрепление своей государственности и государственного суверенитета. Пути укрепления российской государственности закреплены в нормативно-правовых положениях Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1]. В данном нормативно-правовом акте отмечены основные вызовы и угрозы российской государственности, среди них: усиление разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушение фундамента культурного суверенитета, подрыв основ политической стабильности и государственности и др. Обладая потенциалом обеспечения стабильности государства и будучи актом прямого действия, Конституция РФ закрепляет фундаментальные конституционно-правовые основы реализации различных форм суверенитета как государственного, национального, ментального, информационного и др. Конституция России, как ведущий нормативно-правовой акт, требует выстраивания конституционно-правового регулирования, ориентированного на всеобъемлющий охват существующих в государстве общественных отношений, в том числе, и вновь возникших. Так, 2 марта 2023 года на церемонии открытия «Года педагога и наставника» Президент России, подчеркнул, что укрепление образовательного суверенитета поможет добиться технологической и экономической независимости страны [12], по сути актуализировал новый вид суверенитета – образовательный, что, без сомнения, требует осмысления с позиций научного осмысления, социального запроса на безопасность образования и конституционно-правового регулирования.

Литературный обзор

Осмысление понятия «суверенитет» лишь в качестве обязательного конституционно-правового содержательного элемента (признака) государственной власти, для которого свойственно признание абсолютной монополии публичной власти на легитимное применение императивных мер правового воздействия на подвластный субъект, давно рассматривается конституционалистами как бесперспективное и несостоятельное. Очевидно, что отграничение форм и видов суверенитета в науке конституционного права является не столько следствием построения сугубо теоретических конституционно-

правовых моделей, сколько самой правопримени- тельной практикой, реализуемой на фоне обостре- ния внешних угроз суверенной безопасности России в целом. Показательна позиция Президента РФ, выраженная им в Стратегии национальной безо- пасности, а далее, в Концепции внешней политики Российской Федерации [1]. Анализ поименованных документов подтверждает обоснованность выявления внутренней и внешней форм реализации госу- дарственного суверенитета, что означает признание верховенства государственной власти внутри стра- ны и, кроме того, независимость ее на геополитиче- ском уровне. Сказанное позволяет рассматривать введенный в научный оборот «образовательный суверенитет» прежде всего как один из способов реализации (видов) государственного суверенитета на внутринациональном уровне. Кроме образова- тельного суверенитета, в научный и правопримени- тельный оборот постепенно включаются понятия: «культурный суверенитет», «информационный суве- ренитет», «технологический суверенитет», «инфор- мационный суверенитет», «цифровой суверенитет» и др. Однако очевидно, что рассмотрение сущности и содержания конституционно-правового институ- та государственного суверенитета в современной России, на фоне дефицита исследований вводимого в правоприменительную практику понятийного аппарата, требует обращения к незыблемым поло- жениям Конституции РФ в целях обеспечения сни- жения рисков обострения угроз национальной безо- пасности, в том числе, и образовательной безопа- сности. Современные представления о безопасности весьма разнородны и разнообразны. Безопасность понимается исследователями как «защищенность», «отсутствие опасности», как «свойство системы», «деятельность», «состояние» [5, с. 13–14]. Поды- тоживая данные подходы и взгляды, далее будем исходить из комплексного определения безопа- сности: «совокупность мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости существующей системы» [5, с. 14].

Результаты

Понимание образовательного суверенитета как независимости государства в вопросах проведения внутренней и внешней образовательной политики, осуществляемой посредством реализации системы мер, приемов и способов минимизации возможного вреда для государственного суверенитета в целом, требует признания за органами публичной власти и их должностными лицами монополии на данную деятельность. Кроме того, вектор на укрепление образовательного суверенитета обеспечивает цело- стность, самостоятельность и устойчивость си- стемы образования, профессионализации и вос- питания российского общества. На кризисные мо- менты, неизбежные при потере образовательной самостоятельности, исследователи начала XXI века указывали: «Для России приобщение к глобали- зационным процессам сопряжено с рядом разру- шительных кризисов трансформационного, эконо-

мического и политического характера»... «Вместе с тем, в нормативно-правовых актах законодатель- ных, правительственных органов, Министерства образования и науки, уставах высших учебных за- ведений до сих пор не сформулированы принципы деятельности высшей школы в системе националь- ной безопасности России. В XXI веке национальная безопасность государства в стратегическом плане определяется состоянием системы образования, ко- торая действует на всех уровнях безопасности: лич- ности, общества, государства» [6, с. 15]. Подобные идеи легли в основу формирования компонентно- содержательной структуры комплексной безопа- сности образовательного процесса вуза [4, с. 13–18]. Одними из основных компонентов структуры заяв- лены нормативно-правовая безопасность, информа- ционная безопасность, характеристиками которых указаны, в том числе, «соблюдение легитимных прав и свобод всех участников образовательного процесса», «защищенность информационных ре- сурсов вуза от негативных воздействий на сознание коллектива и личности» [4, с. 17], что, по нашему мнению, отвечает на социальный запрос на укреп- ление образовательного суверенитета.

Основываясь на положениях ст. 1 Конституции РФ, провозглашающей Россию демократическим государством, отдельные авторы отмечают, что субъектный состав механизма обеспечения об- разовательного суверенитета должен включать не только органы публичной власти, но и институ- ты гражданского общества. Так, например, указы- вается, что система обеспечения образовательной безопасности представляет собой совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения образовательной безопасности органов публичной власти, институ- тов гражданского общества и находящихся в их распоряжении инструментов [8, с. 6]. В то же вре- мя отметим, что правовой характер российского государства, закрепленный в ранее поименован- ном положении Конституции, предполагает и нали- чие необходимого уровня развития правосознания личности, которое сегодня понимается как созна- тельная готовность защиты безопасности и укреп- ления государственного суверенитета.

Обсуждение

Система конституционно-правовых прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Россией как правовым демократическим государством, по- требовало от законодателя рассмотрения вопроса об отнесении конституционного права на образова- ние к тому или иному виду названных прав и сво- бод. В этом смысле, очевидно, что отечественные конституционалисты расходятся в своих представ- лениях и воспринимают конституционное право на образование зачастую как право второго поколе- ния, то есть социально-экономическое и культурное. Отдельные авторы склонны отнести исследуемое право к естественным правам человека или просто считают право на образование субъективным пра-

вом личности. Так, И.В. Сухарева воспринимает конституционное право на образование естественным субъективным правом человека (личности) на получение знаний, умений и навыков, определенный уровень которых гарантируется государством, в зависимости от его социально-экономических возможностей с целью всестороннего развития личности, подготовки к жизни в обществе» [10, с. 12].

Говоря о конституционном праве на образование, О.А. Теплякова рассматривает его в субъективном и объективном контекстах. И если в субъективном понимании конституционное право на образование возможно воспринимать как естественное право, получившее закрепление в позитивном смысле в виде комплекса субъективных прав человека, возникающих в процессе его целенаправленного обучения и воспитания, то в объективном смысле подход иной. Конституционное право на образование являет собой институт конституционного права, регулирующий общественные отношения в области установлений конституционных прав, свобод, гарантий и обязанностей человека в сфере образования, а также встречных обязанностей государства по адресному обеспечению права на образование в отношении каждого человека» [11, с. 13].

Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» закрепляет выше обозначенные тенденции, определяющие усиление образовательного суверенитета Указом предусматривается, в частности, установление следующих уровней высшего образования – базового высшего образования (срок освоения – от четырех до шести лет) и специализированного высшего образования (срок освоения программ магистратуры – от одного года до трех лет), а также установление уровня профессионального образования – аспирантуры. На уровне специализированного высшего образования пилотный проект предусматривает реализацию программ магистратуры, программ ординатуры и программ ассистентуры-стажировки. Участниками пилотного проекта являются Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, МАИ, МИСиС, МПГУ, Санкт-Петербургский горный университет и Томский государственный университет. В Указе отмечено, что «На обучающихся, осваивающих программы базового высшего образования, специализированного высшего образования и аспирантуры, распространяются права, социальные гарантии, обязанности и ответственность, предусмотренные для обучающихся, осваивающих программы бакалавриата, специалитета и магистратуры, имеющие государственную аккредитацию, а также программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктура)» [3]. Отметим, что нормативно-правовая поддержка и социальные гарантии предоставлены обучающимся в прежнем объеме, однако из цитируемого документа ясно, что изменится содержательный, информационный контент просвещения

в направлении усиления образовательного суверенитета России. Также Президент России дал указания по поводу финансирования из бюджетных ассигнований обозначенных в Указе изменений в профессиональном образовании.

Таким образом, очевидно, что сущность правового и демократического государства потребовала от российского законодателя создания на конституционно-правовом уровне правового регулирования образовательных правоотношений посредством укрепления благоприятного политико-правового режима, ориентированного, в числе прочих задач и целей публичного управления, на усиление государственного суверенитета в целом и образовательного суверенитета, в частности.

Как справедливо утверждает Романенко Н.М., отмечая негативное влияние глобализационных процессов на современные государства, «глубокая унификация и универсализация образования может привести к своего рода определенной ассимиляции, поглощению национального, традиционного образования небольших стран крупными транснациональными институтами, что в итоге может привести к потере национального суверенитета и ослабления национальной безопасности» [9, с. 9–11].

Сказанное позволяет воспринимать образовательный суверенитет как конституционно гарантированный правовой институт, возникающий в связи реализацией конституционного права на образование в целях обеспечения технологической и экономической независимости страны; неотъемлемую и монополю реализующую (в связи со своей значимостью) обязанность государства по созданию благоприятного правового режима обеспечения свободного развития человека путем реализации комплекса субъективных прав, возникающих в процессе его целенаправленного обучения и воспитания.

Восприятие образовательного суверенитета, как особой формы государственного суверенитета, требует комплексного осмысления положений Основного закона России и ряда подзаконных актов Президента РФ, определяющих направления внутренней и внешней политики государства. Конституционно-правовые основы реализации образовательного суверенитета обусловили следующие положения: 1) признание высшим источником власти многонационального народа Российской Федерации, основной целью которого является возрождение государственности, построенной на незыблемости демократической основы России (Преамбула, ч. 1 ст. 3,4 Конституции РФ); 2) осуществление правового регулирования отношений в сфере реализации образовательного суверенитета на основе признания безусловного верховенства Конституции России и федеральных законов, что обеспечивает единство и гармоничность всей правовой системы государства в целом (ст. 15 Конституции РФ); 3) допустимость включения в предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов общих вопросов воспитания и об-

разования (ч. 3 ст. 5, п.е ст. 72 Основного закона); 4) провозглашение монопольного права России на обеспечение защиты своего суверенитета во всех его формах (п. 2 [1] ст. 67 Конституции РФ) и др.;

Обращение к положениям Концепции внешней политики Российской Федерации (далее Концепция) и их адаптация, применимо к институту государственного суверенитета в целом [2], позволяет предпринять попытку сформулировать основные цели реализации образовательного суверенитета.

Обращение к субъективной природе конституционного права на образование, закрепленного Основным законом России, позволяет осмыслить степень гарантированности выполнения государством обязанности по обеспечению реализации образовательного суверенитета.

Системное толкование положений ст. 43 Конституции РФ и ратифицированных международно-правовых основ реализации права на образование, что предопределено предписаниями ч. 4. ст. 15 Основного закона, требует обращения к таким источникам, как Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Сравнительный анализ названных документов позволяет условно обозначить основные конституционно-правовые и связанные с ними ведущие международно-правовые содержательные элементы образовательного суверенитета, относя к ним: 1) всеобщность образования (часть 1, статья 26 Всеобщей декларации прав человека, часть 1, статья 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, пункт 1 статьи 43 Конституции России); 2) многоуровневость образования (дошкольное, общее базовое, среднее профессиональное и высшее), предусмотренная положениями чч. 2, 3 статьи 43 Конституции; право и одновременно обязанность получить базовое общее образование (ч. 4 статьи 43 Конституции России); 3) общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования (ч. 2. статьи 43); 4) свободу выбора личностью формы образования и самообразования (ч. 5 статьи 43 Конституции России).

Заключение

Попытка осмысления сущностно-содержательных характеристик образовательного суверенитета позволяет воспринимать его как понятие многоплановое: геополитические процессы обусловили в значительной степени стремительное развитие конституционно-правовой доктрины, призванной, в первую очередь, способствовать повышению степени реальности конституционно-правовых предписаний, т.е. их полного соответствия фактически существующим общественным отношениям. В связи с чем на первый план выводится задача по созданию конституционно-правового понятийно-категориального аппарата, а именно формулирование нормативного понятия образовательного суве-

ренитета, определение целей его реализации и др. Представляется возможным понимать под образовательным суверенитетом систему нормативно-правовых предписаний, направленных на регулирование общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления обязанности государства по созданию благоприятного правового режима обеспечения свободного развития человека посредством реализации комплекса субъективных образовательных прав, возникающих в процессе его целенаправленного обучения и воспитания в интересах обеспечения технологической и экономической независимости страны. Конституционный суд РФ, констатируя социальный характер российского государства, отметил, что политика России направлена на создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни и свободное развитие человека, а законодатель может стремиться к установлению дополнительных гарантий обеспечения доступности высшего образования для максимально широкого круга лиц [7, с. 276].

Сказанное демонстрирует возможность расширительного толкования конституционного содержания образовательного суверенитета в целях повышения степени социальности и укрепления в целом российского государства. В ближайшем будущем российская государственность, а следовательно, и наука конституционного права, столкнутся с расширением и осмыслением определенных изменений, в связи с расширением перечня форм, принципов, целей и правовых пределов реализации и укрепления образовательного суверенитета.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
2. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. – 03.04.2023. – № 14. – Ст. 2406.
3. Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 (ред. от 26.06.2023) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования». – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446951/ (дата обращения 25.10.2023).
4. Гнатышина Е.А. Реализация концепции комплексной безопасности образовательной среды вуза / Комплексная безопасность объектов и субъектов социальной сферы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. Конф. с межд.участ. 23–24 ноября 2011 г. – Челябинск: Изд-во ООО «Дитрих». – С. 13–18.
5. Жмеренецкий В.Ф., Летуновский В.В., Полулях К.Д. Теория безопасности и социальных систем: учебное пособие / Под редакцией В.Ф. Жмеренецкого. – М.: НОУ ВПО Москов-

- ский психолого-социальный институт, 2010. – С. 13–14.
6. Камашев С.В. Безопасность отечественного образования: комплексный анализ: дисс. ... канд. филос.н. – Новосибирск. – 2007. – С 15.
 7. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»»; «Формула права». – 2003. – С. 276.
 8. Лочан С.А., Петросян Д.С. Концептуальные основы обеспечения образовательной безопасности России. // Экономика образования, 2018. – № 4 (107). – С. 6 (С. 4–16).
 9. Романенко Н.М. Глобализация как новая возможность образовательного пространства и мироустройства или угроза национальному суверенитету // Среднее профессиональное образование, 2016. – № 11. – С. 9–11.
 10. Сухарева И.В. К вопросу о содержании конституционного права на образование // Право и образование. М: АЭО, 2010. – № 7. – С. 4–16.
 11. Теплякова О.А. Конституционное право на образование и его обеспечение в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: дисс. ... канд. юрид.н. – по спец.12.00.02.: Тюмень, 2005. – С. 13.
 12. Холкина Е. Путин показал, как Россия добьется независимости и победит в СВО // <https://ura.news/articles/1036286382> (дата обращения 09.10.2023).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES FOR THE REALIZATION OF EDUCATIONAL SOVEREIGNTY

Svyatogorova A.E., Sorokina E.V.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (SPBUIE), North-Zapazhny Branch of the Russian State University of Justice

The purpose of the article is to analyze Russia's rethinking of the concept of state sovereignty, its constitutional and legal foundations. The study expresses theses about the transformation of types and essential-content characteristics; about the negative consequences of globalization processes associated with the loss of mentally formed principles and ideas due to the peculiarities of the intra-national development of individual countries; about the unreasonableness of imitating the ideas and values of foreign states, which could not but affect the institution of the realization of the constitutional right of Russian citizens to education. The authors came to the conclusion that it is the rights, freedoms and duties constitutionally guaranteed by the Russian legislator that, taking into account mod-

ern geopolitical and domestic realities, ensure the preservation of domestic (at the center of this study educational) sovereignty in all its manifestations and forms, strengthen the security of the social (in particular, educational) system.

Keywords: constitutional rights and freedoms of man and citizen, constitutional and legal institution of state sovereignty, the right to education, security of the educational system of Russia, improvement of the higher education system.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 07/05/2021. – No. 27 (part II). – St. 5351.
2. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 "On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation" // SZ RF. – 04/03/2023. – No. 14. – St. 2406.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 12, 2023 No. 343 (as amended on June 26, 2023) "On some issues of improving the higher education system." – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446951/ (date of access: 10/25/2023).
4. Gnatyshina E.A. Implementation of the concept of integrated safety of the educational environment of the university / Integrated safety of objects and subjects of the social sphere: collection. materials Vseros. scientific-practical Conf. with international participation November 23–24, 2011 – Chelyabinsk: Publishing House "Dietrich" LLC. – pp. 13–18.
5. Zhmerenetsky V.F., Letunovsky V.V., Polulyakh K.D. Theory of security and social systems: textbook / Edited by V.F. Zhmerenetsky. – М.: NOU VPO Moscow Psychological and Social Institute, 2010. – P. 13–14.
6. Kamashev S.V. Security of domestic education: a comprehensive analysis: diss. ...cand. Philosopher n. – Novosibirsk. – 2007. – Since 15.
7. Lazarev L.V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. – М.: OJSC "Publishing House "Gorodets"; "Formula of Law". – 2003. – P. 276.
8. Lochan S.A., Petrosyan D.S. Conceptual foundations for ensuring educational security in Russia. // Economics of Education, 2018. – No. 4 (107). – P. 6 (P. 4–16).
9. Romanenko N.M. Globalization as a new opportunity for the educational space and world order or a threat to national sovereignty // Secondary vocational education, 2016. – No. 11. – P. 9–11.
10. Sukhareva I.V. On the issue of the content of the constitutional right to education // Law and Education. М: AEO, 2010. – No. 7. – P. 4–16.
11. Teplyakova O.A. Constitutional right to education and its provision in the activities of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments: diss. ...cand. legal n. – on special 12.00.02.: Tyumen, 2005. – P. 13.
12. Kholkina E. Putin showed how Russia will achieve independence and win in the Northern Military District // <https://ura.news/articles/1036286382> (accessed 10/09/2023).